СТАЛЬНАЯ МЕЧТА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

ДЖОРДЖ АЛЕК ЭФФИНДЖЕР

ПОЦЕЛУЙ ИЗГНАНЬЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Здесь ты в любой момент можешь стать трупом или сказочно разбогатеть. Здесь выживают лишь сильные и безжалостные. Жить в мире будущего - балансировать на канате, натянутом над пропастью. Вековые традиции легко уживаются рядом с фантастическими технологиями, позволяющими запросто изменить пол или вживить в мозг устройства, дающие любые знания и трансформирующие личность. Здесь судьбы карликовых государств - осколков великих держав - решают "крестные отцы", вроде некоронованного властителя Будайина - Фридландер-Бея.

Марид познал жизнь "на дне". Теперь он - сын и преемник главы могущественного преступного клана, купающийся в обманчивой роскоши. Он попал на вершину. Но судьба непостоянна, а соперники наносят удар в спину. Его вместе с Беем несправедливо обвиняют в убийстве и, обрекая на смерть, оставляют погибать среди раскаленной пустыни, за сотни километров от дома. И тогда снова приходится бороться за жизнь, богатство и власть.

- Джордж Алек Эффинджер
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16

Джордж Алек Эффинджер
Поцелуй изгнанья
(Марид Одран - 3)

Глава 1

Твой поцелуй,
Как лишенье, сладок,
Как изгнанье, долог.
«Кориолан»

Пусть в чужих краях дождь падает серебром и золотом, а дома — кинжалами и камнями, и все же дома лучше.
Малайская поговорка

Я никогда не думал, что меня могут похитить. С чего бы меня похищать? Тот день начинался вполне невинно. Я резко проснулся перед самым рассветом, благодаря экспериментальному модулю, который вставлял в свою переднюю розетку. Эта штучка дает мне гораздо больше сил и способностей, чем имеется у простых смертных. Насколько я знаю, я единственный человек с двумя розетками.

Один из этих модиков будит меня в любое нужное мне время. Я научился использовать его вместе с другим, который более чем успешно удаляет из моего тела алкоголь и наркотики. Поэтому я никогда не просыпаюсь с похмелья или в дурном самочувствии. В прошлом от моего похмелья многим доставалось, и я поклялся, что больше не позволю такому случаться.

Я взял полотенце, подстриг свою рыжую бороду и оделся в дорогую джеллабу цвета песка. На дел на голову вязаную белую шапочку, какие носят у нас в Алжире. Я был голоден, и мой раб Кмузу, как обычно, приготовил мне поесть, но мы условились встретиться за завтраком с Фридландер-Беем. Это будет после утреннего призыва к молитве, стало быть, у меня около получаса свободного времени. Я прошел из западного крыла огромного дома Фридландер-Бея в восточное и тихонько постучал в покои жены.

Индихар открыла. На ней было белое атласное платье — мой подарок. Ее каштановые волосы были стянуты на затылке тугим узлом. Карие глаза Индихар сузились.

— Желаю тебе доброго утра, муж, — сказала она. Она не слишком-то мне обрадовалась.

Младший ребенок, четырехлетний Хаким, вцепился в ее подол и заплакал. Я слышал, как в другой комнате вопят друг на друга Джирджи и Захра. Сенальды, нанятой мной валенсианской служанки, нигде видно не было. Я взял на себя содержание этой семьи, поскольку чувствовал себя отчасти виноватым в смерти мужа Индихар. Папа — Фридландер-Бей — решил, что для

достижения столь выгодной цели и во избежание слухов я должен жениться на Индихар и формально усыновить трех ее детей. Но, честно говоря, я не помню, чтобы Папу когда-либо заботили слухи.

Несмотря на то что я отказался напрямую, а Индихар чувствовала себя оскорбленной, мы стали мужем и женой. Папа всегда добивается своего. Не так давно Фридландер-Бей взял меня за шкирку, стряхнул с меня пыль и превратил меня из мелкого жулика в воротилу городского преступного мира.

Итак, теперь Хаким официально считался моим сыном, как бы неприятно мне это ни было. Раньше мне никогда не приходилось иметь дела с детьми, я просто не знал, как себя вести. Но уж поверьте мне, они вам это сами скажут. Я поднял мальчишку и улыбнулся. Его физиономия была перемазана желе.

— Ну, и что же ты плачешь, о разумный? — спросил я. Хаким остановился — только для того, чтобы набрать в грудь побольше воздуха и зареветь еще громче.

Индихар нетерпеливо фыркнула.

— Прошу тебя, муж, — сказала она, — не пытайся вести себя как старший брат. У него уже есть один — Джирджи. — Она взяла Хакима и поставила его на пол.

— Я и не пытаюсь быть ему старшим братом.

— Тогда и не пытайся быть ему другом. Ему не нужен друг. Ему нужен отец.

— Верно, — ответил я. — Тогда скажи мне, что должен делать отец, и я сделаю.

Несколько недель я изо всех сил пытался ей угодить, но Индихар только усложняла мою задачу. Мне это начинало надоедать.

Она невесело рассмеялась и, цыкнув на Хакима, отправила его назад, в комнаты.

— Никак, для этого посещения имеется важная причина, муж? — спросила она.

— Индихар, если бы ты перестала на меня злиться, мы, может быть, смогли бы уладить дело. Я хочу сказать, неужели тебе так плохо?

— А почему ты не спросишь Кмузу, каково ему? — спросила она. Она так и не пригласила меня в комнаты.

Мне надоело стоять в холле, и я протиснулся мимо нее в гостиную. Сел на кушетку. Несколько мгновений Индихар в ярости смотрела на меня, затем вздохнула и села в кресло напротив.

— Я уже все объяснил тебе раньше, — сказал я. — Я не просил от Папы таких подарков, как мои имплантаты, бар Чириги

и Кмузу.

— Я тоже, — сказала она.

— Да, и ты тоже. Он пытается лишить меня всех моих друзей. Он не хочет, чтобы у меня сохранились хоть какие-то привязанности.

— Ты мог бы просто воспротивиться этому, муж. Разве ты никогда не думал об этом?

Если бы это было так просто!

— Когда мне модифицировали мозг, — сказал я, — Фридландер-Бей заплатил врачам, чтобы мне вживили провод в центр наказаний.

— Наказаний? Не удовольствий?

Я печально улыбнулся:

— Если бы провод вживили в центр удовольствий, то я, вероятно, был бы уже мертв. Такое всегда случается. И я бы долго не протянул.

Индихар нахмурилась:

— Я что-то не поняла. Почему центр наказаний? С чего это тебе захотелось…

Я остановил ее, подняв руку.

— Эх, да не мне этого захотелось! Папа это сделал без моего ведома. У него куча маленьких электронных штучек, которые могут стимулировать мои болевые центры на расстоянии. Так он держит меня в повиновении. — Хотя я и узнал недавно, что он дед моей матери, но от этого не стал относиться к нему лучше, раз он отказывается говорить со мной о моей свободе.

Она вздрогнула:

— Я не знала об этом, муж.

— Я мало кому рассказывал. Но с тех пор Папа постоянно стоит у меня за спиной и в любой момент готов нажать кнопку боли, если что-нибудь придется ему не по нраву.

— Значит, и ты невольник, — сказала Индихар. — Ты его раб, так же как и все мы.

Я не счел нужным отвечать. Что касается меня, то тут случай был особый, поскольку во мне текла кровь Фридландер-Бея, и я чувствовал себя обязанным пытаться полюбить его. В этом я пока не преуспел. Мне трудно было сжиться в первую очередь именно с чувством, и Папа мне эту задачу не облегчал.

Индихар протянула мне руку, и я взял ее. Впервые со дня нашей свадьбы она хоть в чем-то посочувствовала мне. Я увидел, что ее ладони и пальцы до сих пор сохранили бледный желто-оранжевый цвет — в день свадьбы подруги окрасили ей руки хной. Это была очень необычная церемония, поскольку Папа заявил: жениться не на девушке — ниже моего достоинства. Но

Индихар была вдовой с тремя детьми, и потому он объявил ее почетной девственницей. Никто не смеялся.

Сама свадьба была смесью городских обычаев и традиций родной египетской деревушки Индихар. Она представляла собой потуги на бракосочетание юной девственницы и молодого многообещающего магрибинца. Фридландер-Бей заявил, что не обязательно звать на торжество семью Индихар, родственников могут заменить ее будайинские друзья.

— Конечно, нам придется обойтись без ритуального испытания, — сказала Индихар.

— Что это такое? — спросил я. Я все боялся, что в последнюю минуту мне придется пройти что-то вроде письменного теста, который я должен был знать еще со времени полового созревания.

— В некоторых отсталых мусульманских странах, — объяснил Фридландер-Бей, — в брачную ночь невесту уводят от гостей в опочивальню. Женщины из обоих семейств кладут ее на постель и держат. Муж оборачивает указательный палец белым полотном и вводит его для того, чтобы определить, девственна невеста или нет. Если на полотне остаются пятна крови, то муж передает его отцу невесты, который потом ходит среди гостей и размахивает им на палке, чтобы все видели.

— Но мы же живем в семнадцатом веке Хиджры! — ошеломленно сказал я.

Индихар пожала плечами:

— Но это миг великой гордости для родителей невесты. Это доказательство того, что они вырастили дочь девственную и ценную. Когда я в первый раз выходила замуж, я плакала от унижения, пока не услышала поздравления и радостные крики гостей. Тогда я поняла, что брак мой благословен и что в глазах жителей деревни я стала женщиной.

— Как ты и сказала, дочь моя, — сказал Фридландер-Бей, — в данном случае такое испытание не понадобится.

Папа мог рассуждать здраво, когда ничего от этого не терял.

Я купил для Индихар прекрасный свадебный обруч из золота и традиционное золотое украшение. Чири, моя не слишком молчаливая подружка, помогла мне выбрать подарок в одном из дорогих магазинов в восточной части бульвара аль-Джамаль, где делают покупки европейцы. Это была брошь — золотая ящерка, инкрустированная изумрудами, с рубиновыми глазками. Она обошлась мне в двенадцать тысяч киамов, и это была самая дорогая вещица из тех, что я когда-либо покупал. Я подарил ее Индихар в утро нашей свадьбы. Она открыла атласную коробочку, несколько мгновений рассматривала изумрудную ящерку, затем

сказала:

— Благодарю тебя, Марид.

Больше она никогда о ней не вспоминала, и я не видел, чтобы она ее носила.

Индихар была небогата даже до того, как ее муж был убит. Она принесла мне в приданое только скромный набор домашней утвари и немногие личные вещи. Ее вклад не имел большого значения, поскольку, работая совместно с Папой, я разбогател. Сумма, которая была записана в нашем брачном контракте как дар невесте, была такой, какую Индихар не видела во всю свою жизнь. Две трети этой суммы я выдал ей наличными. Третья часть перейдет ей в руки в случае нашего развода.

Во время свадьбы я просто оделся в свою лучшую белую галабейю, но Индихар пришлось перенести гораздо больше. Чири, ее лучшая подруга, помогла ей подготовиться к торжеству. Рано утром они удалили волосы с рук и ног Индихар, покрыв ее кожу смесью лимонного сока с сахаром. Когда смесь подсохла, Чири ее счистила. Никогда не забуду, как волшебно свежо и сладко пахла в тот вечер Индихар. Я до сих пор ловлю себя на том, что аромат лимона возбуждает меня.

Когда Индихар закончила одеваться и наложила скромный макияж, мы с ней сели, чтобы сделать официальные свадебные голографии. Мы выглядели не слишком счастливыми. Оба мы понимали, что это только называется свадьбой и что наш брак продержится лишь до смерти Фридландер-Бея. Голограф сыпал вульгарными шуточками насчет свадебной ночи и медового месяца, но мы с Индихар смотрели на часы, считая минуты до того мгновения, когда кончится эта пытка.

Церемония проходила в большом зале дома Отца. Там были сотни гостей: одни были нашими друзьями, другие — мрачные, молчаливые люди — стояли, сдерживая толпу, и бдительно наблюдали. Моим шафером был Полу-Хадж, который ради этого случая прибыл без единого модика, что для него было просто невероятно. Здесь было большинство владельцев клубов Будайина, а также наши знакомые девушки, сексобмены и гетеросеки, равно как и такие известные всему Будайину личности, как Лайла, Фуад и водила Билл. Это мог бы быть по-настоящему веселый праздник, если бы мы с Индихар любили друг друга и больше всего на свете хотели бы пожениться.

Мы сидели перед шейхом в голубом тюрбане, который вел мусульманскую брачную церемонию. Индихар, в своем белом атласном платье и белой вуали, с благоухающим букетом, была прелестна. Сначала шейх призвал благословение Аллаха и прочел выдержку из первой суры благородного Корана. Затем он спросил

Индихар, согласна ли она выйти замуж. Тут наступила короткая пауза, и мне показалось, что ее глаза полны сожаления.

— Да, — спокойно ответила она.

Мы соединили наши правые руки, и шейх покрыл их белым платком. Индихар повторила вслед за шейхом слова, говорящие о том, что она выходит за меня замуж по доброй воле, за брачный дар в семьдесят пять тысяч киамов.

— Повторяй за мной, Марид Одран, — сказал шейх. — «Я принимаю твое согласие выйти за меня замуж и принимаю на себя заботу о тебе и обязуюсь защищать тебя. Да будут все присутствующие свидетелями сего».

Чтобы обряд считался совершенным, мне пришлось повторить это трижды. Шейх закончил обряд, прочитав еще немного из святого Корана. Он благословил нас и наш брак. В зале на миг воцарилось молчание, затем женщины издали пронзительный, возбужденный загарет.

Потом, конечно, была вечеринка, и я пил и делал вид, что счастлив. Было много угощения, много гостей, гости дарили нам деньги и подарки. Индихар ушла рано под предлогом того, что ей надо уложить детей, хотя для этого имелась Сенальда. Вскоре и я покинул торжество: вернулся в свои покои, заглотил семь таблеток соннеина и лег в постель, закрыв глаза.

Я был женат. Я стал мужем. Опиаты начали действовать, и я подумал, как прекрасна была Индихар. Мне захотелось хотя бы поцеловать ее.

Вот и все, что я помнил о нашей свадьбе. Теперь, когда я сидел в гостиной, я спрашивал себя о том, в чем же на самом деле состоят мои обязанности.

— Ты хорошо обходился со мной и с моими детьми, — сказала Индихар. — Ты был очень щедр, и мне следует быть тебе благодарной. Прости мое поведение, муж.

— Не за что, Индихар, — сказал я и встал. Она сказала о детях, и это напомнило мне, что они в любой момент могут влететь в гостиную с воплями и болтовней. Я хотел уйти, пока была такая возможность.

— Если тебе что-нибудь нужно, спроси Кмузу или Тарика.

— У нас все есть. — Она снизу вверх посмотрела на меня и отвернулась. Мне было трудно определить, что она чувствует.

Мне стало неловко.

— Тогда я ухожу. Доброго тебе утра.

— Да будет приятен твой день, муж.

Я пошел к двери, но, прежде чем уйти, обернулся, чтобы еще раз посмотреть на нее. Она казалась такой печальной и одинокой.

— Да ниспошлет тебе покой Аллах, — пробормотал я и

закрыл дверь.

У меня еще оставалось достаточно времени, чтобы дойти до маленькой столовой рядом с кабинетом Фридландер-Бея, где мы завтракали всегда, когда он желал поговорить со мною о делах. Когда я вошел, он уже сидел на своем месте. За ним по обе стороны стояли два молчаливых гиганта — Хабиб и Лябиб. Они все еще смотрели на меня с подозрением, как будто спустя столько дней я все еще мог выхватить нож и броситься на Папу, чтобы перерезать ему глотку.

— Доброе утро, племянник, — торжественно сказал Фридландер-Бей. — Как самочувствие?

— Ежечасно благодарю Аллаха, — ответил я.

Я сел за стол напротив него и принялся накладывать еду себе в тарелку.

Папа был одет в бледно-голубую рубашку с длинными рукавами и в коричневые шерстяные брюки. На голове его была красная феска. Он два или три дня не брился, и его лицо покрыла серая щетина. Он недавно вышел из больницы несильно потерял в весе. Щеки его ввалились и руки дрожали. Однако это не повлияло на остроту его ума.

— У тебя нет никого на примете, кто мог бы помочь в осуществлении нашего проекта цифровой связи, дорогой мой? — спросил он, покончив с шутками и перейдя прямо к делу.

— Думаю, да, о шейх. Это мой друг Жак Дево.

— Этот марокканский юнец? Христианин?

— Да, — сказал я. — Хотя я не уверен, что могу доверять ему полностью.

Папа кивнул:

— Это хорошо, что ты так думаешь. Неразумно верить кому бы то ни было, пока тот не прошел проверку. Мы еще поговорим об этом, когда я услышу оценку компаний.

— Да, о шейх.

Я внимательно смотрел, как он очищает яблоко серебряным ножом.

— Тебе говорили, что сегодня вечером будет собрание, племянник? — спросил он.

Да, я был приглашен на прием во дворец шейха Махали, эмира города.

— Я испугался, узнав, что принц обратил на меня внимание, — сказал я. Папа коротко улыбнулся мне:

— Это приглашение больше, чем просто одобрение твоей недавней свадьбы. Эмир сказал, что не может допустить вражды между мной и шейхом Реда Абу Адилем.

— А, понимаю. И сегодняшний прием станет попыткой эмира

примирить вас?

— Его тщетной попыткой. — Фридландер-Бей нахмурился, рассматривая яблоко, затем яростно проткнул его ножом и отодвинул. — Мира между мной и шейхом Реда никогда не будет. Это просто невозможно. Но я понимаю, что эмир в трудном положении — когда князья воюют, гибнут крестьяне.

Я улыбнулся:

— Вы хотите сказать, что вы и шейх Реда — князья, а принц города — крестьянин?

— Да разве ему сравниться с нами силой? Он правит только этим городом, а мы — всей нацией.

Я снова сел в кресло и уставился на него:

— Вы ожидаете нового нападения этой ночью, о дед мой?

Фридландер-Бей задумчиво потер верхнюю губу.

— Нет, — медленно ответил он, — не сегодня, пока мы под защитой принца. Шейх Реда не так глуп. Но это будет скоро, племянник мой. Очень скоро.

— Я буду настороже, — сказал я, вставая и прощаясь со стариком. Меньше всего на свете мне хотелось бы услышать, что мы замешаны в очередную интригу.

После обеда я принял делегацию из Каппадокии, которая хотела, чтобы Фридландер-Бей помог им объявить свою независимость от Анатолии и провозгласить народную республику. Большинство людей думали, что Папа и Абу Адиль сделали себе состояние, торгуя пороком, но это было не совсем так. Это правда, что они были ответственны почти за всю незаконную деятельность в городе, но в первую очередь она выражалась в том, что они давали работу своим бесчисленным родственникам, союзникам и друзьям. На самом деле источником богатства Папы было то, что он знал о малейших изменениях в расстановке национальных сил в нашей части мира. Во времена, когда средний срок жизни новой страны короче, чем жизнь одного поколения ее граждан, кто-то должен хранить порядок посреди политического хаоса. В этом и заключались Дорогостоящие услуги, которые оказывали Фридландер-Бей и шейх Реда. Один режим сменял другой, а они помнили, где раньше проходили границы, кто был там налогоплательщиком, где кто зарыт — буквально и фигурально. Когда одно правительство уступало место своему последователю, Папа или шейх Реда вмешивались, чтобы сделать переходный период более мягким, и отхватывали себе по большому куску.

Все это казалось мне заманчивым, и я был счастлив, что Папа заставил меня работать в этой области, а не курировать прибыльные, но в целом нудные криминальные предприятия. Мой

прадед учил меня с бесконечным терпением и приказал Тарику и Юссефу оказывать мне любую необходимую помощь. Когда я впервые пришел в дом Фридландер-Бея, я думал, что они всего лишь слуга и дворецкий, но теперь я понимал, что они знают о происходящем в верхах исламского мира больше, чем кто-либо, за исключением самого Фридландер-Бея.

Когда, наконец, каппадокийцы откланялись, я увидел, что до приема у эмира, где ожидали нас с Папой, оставалось немногим более полутора часов.

Кмузу помог мне выбрать подходящую одежду. Прошло уже некоторое время с тех пор, как я в последний раз надевал свои старые джинсы, ботинки и рабочую рубаху. Я успел привыкнуть к традиционной арабской одежде. Некоторые из жителей города одевались в деловые костюмы евроамериканского стиля, но я никогда не чувствовал себя в них удобно. В доме Отца я привык носить галабейю, поскольку я знал, что он предпочитает эту одежду. Кроме того, под свободным одеянием мне было проще прятать статический пистолет, а под кафией, арабским головным убором, я скрывал свои имплантаты, вид которых оскорблял некоторых консервативных мусульман. Потому я оделся в безупречно белую галабейю, подходящую для новобрачного, а сверху накинул царственно голубое, отделанное золотом одеяние. Я был обут в удобные сандалии, к поясу был привешен церемониальный кинжал, а на голове моей была простая белая кафия, перевязанная черным шнуром акаль.

— Ты очень хорошо смотришься, ***йа Сиди***, — сказал Кмузу.

— Надеюсь, — ответил я. — Прежде мне никогда не приходилось встречаться с принцами.

— Ты доказал, что ты человек достойный, и эта репутация уже наверняка известна эмиру. Тебе незачем смущаться в его присутствии.

Кмузу было легко говорить. Я последний раз бросил взгляд на свое отражение, и то, что я увидел, не особенно впечатлило меня.

— Марид Одран, Защитник Угнетенных, — с сомнением сказал я. — Да, ты прав.

Затем мы спустились по лестнице к Фридландер-Бею.

Лимузин Папы вел Тарик, и мы прибыли во дворец эмира вовремя. Нам показали путь в танцевальную залу. Мне предложили прилечь на подушки на почетном месте, по правую руку шейха Махали. Фридландер-Бей и прочие гости рассаживались поудобнее. Я был представлен многим богатым и влиятельным людям города.

— Прошу вас, освежитесь, — сказал эмир.

Слуга подал поднос, уставленный чашечками крепкого кофе с кардамоном и корицей, и высокими стаканами с охлажденным фруктовым соком. Алкогольных напитков не было, поскольку шейх Махали был глубоко религиозным человеком.

— Да длится ваш пир вечно, — сказал я. — Ваше гостеприимство славится по всему городу, о шейх.

— Радость и празднество! — ответил он, польщенный.

Мы поговорили с полчаса, пока слуги не начали разносить блюда с овощами и жареным мясом. Эмир приказал наготовить впятеро больше еды, чем мы могли поглотить. Изящным, усыпанным драгоценными камнями ножом он отрезал мне отборнейшие куски. Всю жизнь я не доверял богатым и власть имущим, но, несмотря на это, принц мне понравился.

Он налил себе чашечку кофе, а другую предложил мне.

— Мы живем в городе полукровок, — говорил он, — и здесь так много группировок и партий, что мне все время приходится проверять свои суждения. Я изучаю методы мусульманских правителей прошлого. Только сегодня я прочел чудесную историю об Ибн Сауде, который правил объединенной Аравией, что некоторое время носила имя его семьи. Ему тоже приходилось принимать быстрые и умные решения по трудным вопросам. Однажды, когда Ибн Сауд посетил лагерь кочевого племени, к нему с воплем бросилась женщина и припала к его ногам. Она потребовала, чтобы убийца ее мужа был предан смерти.

«Как был убит твой муж?» — спросил владыка.

Женщина ответила: «Убийца забрался высоко на финиковую пальму, чтобы набрать плодов. Мой муж сидел под тем деревом и думал о своих делах. Убийца не сумел удержаться на дереве и упал на него, сломав моему мужу шею. Теперь он мертв, а я — несчастная вдова, и нет у меня средств, чтобы помочь моим осиротевшим детям!»

Ибн Сауд задумчиво потер подбородок.

«Ты считаешь, что этот человек нарочно упал на твоего мужа?» — спросил он.

«Да какая разница? Так или иначе, мой муж мертв!»

«Хорошо; что ты изберешь: честную плату за кровь или смерть этого человека?»

«Согласно Истинному Пути жизнь убийцы принадлежит мне».

Ибн Сауд пожал плечами. Он не мог противиться подобной настойчивости, но сказал женщине: «Тогда он должен умереть, причем так же, как умер твой муж. Приказываю, чтобы этого человека крепко привязали к стволу финиковой пальмы. Ты заберешься на эту пальму и спрыгнешь вниз, чтобы убить его. —

Владыка помолчал и посмотрел на собравшихся вокруг родичей этой женщины и ее соседей. — Или ты все же выберешь честную плату за кровь?» Женщина помедлила мгновение, взяла деньги и ушла.

Я громко рассмеялся над анекдотом шейха Махали, остальные гости захлопали в ладоши. На какое-то время я совершенно забыл, что он эмир города, а я — всего лишь я.

Вечер утратил свою приятность при помпезном появлении Реда Абу Адиля. Он появился с шумом, приветствуя гостей так, словно это он, а не эмир, был здесь хозяином всего. Он был одет почти так же, как я, включая кафию, которая, как я знал, скрывала его собственный имплантат. За Реда Абу Адилем тащился молодой человек, вероятно, его новый административный помощник — и любовник. У молодого человека были короткие белокурые волосы, очки в проволочной оправе и тонкие бескровные губы. Он был в белой льняной сорочке по щиколотку, поверх которой была надета шелковая спортивная куртка, сшитая у дорогого портного, на ногах — голубые войлочные шлепанцы. Абу Адиль обвел комнату взглядом и с отвращением посмотрел на каждого из гостей. Отвращение сменилось радостью, когда он увидел нас с Фридландер-Беем.

— Мои старые друзья! — воскликнул он, пройдя через зал и подняв Папу. Они обнялись, хотя Папа не сказал ни слова. Затем шейх Реда повернулся ко мне: — А вот и счастливый новобрачный!

Я не встал, что было открытым оскорблением, однако Абу Адиль сделал вид, что не заметил этого.

— Я принес тебе замечательный подарок! — сказал он, оглядываясь кругом, чтобы удостовериться в том, что все на нас смотрят. — Кеннет, передай его молодому человеку.

Белокурый парень мгновение оценивающе смотрел на меня. Затем он сунул руку в карман и вынул оттуда конверт. Он взял его двумя пальцами и протянул мне, но не подошел ближе, чтобы я мог его взять. Возможно, он счел, что таким образом бросает мне какой-то вызов.

Я не поддался. Просто подошел к нему и взял конверт. Он посмотрел на меня, слегка скривив губы и подняв брови, словно говорил: «Позже разберемся». Мне захотелось швырнуть конвертом в его глупую физиономию, но вовремя вспомнил, где я и кто на меня смотрит. Поэтому я разорвал конверт и вынул оттуда сложенный листок бумаги. Я прочел, но совершенно ничего не смог понять. Прочел снова, однако понял не больше, чем в первый раз.

— Не знаю, что и сказать, — ответил я. Шейх Реда рассмеялся:

— Я знал, что тебе понравится!

Затем он медленно повернулся: так, чтобы его слова могли легко расслышать остальные.

— Я использовал свое влияние на чаушей, чтобы получить назначение для Марида Одрана. Теперь он офицер городской армии!

Чауши были неофициальным подразделением правого толка, а я раньше подвизался в правом движении. Они любили одеваться в серую форму и маршировать по улицам. Изначально их задачей была очистка города от чужаков. Со временем, когда большинство военизированных группировок стали жить на деньги таких людей, как Реда Абу Адиль, который сам приехал в город только в молодости, задачи чаушей изменились. Казалось, теперь их целью стало преследование врагов Абу Адиля — будь то чужаки или здешние.

— Не знаю, что и сказать, — снова повторил я.

Такой поступок был необычным для шейха Реда, и, клянусь жизнью, я не мог понять, почему он так сделал. Однако если хорошо знать шейха Реда, можно ожидать, что все это вскоре прояснится и ничего хорошего не выйдет.

— Все наши старинные разногласия улажены, — радостно сказал Абу Адиль. — Отныне мы будем друзьями и союзниками. Мы должны трудиться вместе, для того чтобы улучшить жизнь бедных феллахов, которые от нас зависят.

Гостям это понравилось, и они захлопали в ладоши. Я глянул на Фридландер-Бея, который только слегка пожал плечами мне в ответ. Нам было ясно, что у Абу Адиля зародился новый замысел, и сейчас на наших глазах он и осуществляется.

— Я хочу выпить за жениха, — сказал, вставая, шейх Махали. — И за окончание вражды между Фридландер-Беем и Реда Абу Адилем. Я известен среди своего народа как человек чести, и я пытался править этим городом мудро и справедливо. Мир между вами сделает мою задачу проще. — Он поднял свою чашечку с кофе, прочие встали и последовали его примеру. Для всех, кроме нас с Папой, это единение должно было показаться многообещающим. Но я чувствовал только, что глубоко в душе нарастает ощущение опасности.

Остаток вечера был, как я понимаю, приятным. Через некоторое время я до отвала наелся и напился кофе и на много дней вперед наговорился с богатыми иностранцами. Абу Адиль больше не вертелся у нас под ногами, но я замечал, что его белокурый дружок, Кеннет, все время смотрит на меня и качает

головой.

Я сумел высидеть еще немного, затем мне стало скучно, и я ушел. Я наслаждался изысканными садами шейха Махали, глубоко вдыхал напоенный ароматом цветов воздух и потягивал ледяной шербет. В официальной резиденции эмира полным ходом шло веселье, но я устал от гостей. Они представляли собой два типа людей — тех, которых я никогда прежде не встречал и с которыми мне почти не о чем было говорить, и людей, которых я знал и с которыми встречаться не хотел бы.

На этом празднестве не было женщин, и, хоть номинально это было торжество по поводу моей женитьбы, даже Индихар не была приглашена. Я приехал с Кмузу, Фридландер-Беем, с шофером Тариком и двумя гигантами-телохранителями, Хабибом и Лябибом. Тарик, Кмузу и Говорящие Булыжники пили вместе с прочими слугами в отдельном здании, которое также служило эмирским гаражом и конюшней.

— Если ты желаешь вернуться домой, племянник, — сказал Фридландер-Бей, — то мы можем попросить у нашего хозяина разрешения откланяться.

Папа всегда называл меня племянником, хотя еше до нашей первой встречи он должен был знать о том, кем мы на самом деле приходимся друг другу.

— Я сыт развлечениями, о шейх, — ответил я.

В самом деле, я уже четверть часа следил за метеоритным дождем в безоблачном небе.

— Я тоже. И очень устал. Дай мне опереться на твою руку.

— Конечно, о шейх.

Он всегда был крепким мужчиной, но был уже стар, его возраст приближался к двухсотому дню рождения. К тому же за несколько месяцев до этого кто-то пытался его убить, и ему пришлось пережить множество сложных нейрохирургических операций, чтобы восстановить здоровье. Он еще не полностью оправился и все еще плохо держался на ногах.

Вместе мы поднялись из роскошных садов и прошли по вздымающемуся арками коридору к мягко освещенному залу. Увидев нас, эмир поднялся и выступил вперед, раскрыв объятия Фридландер-Бею.

— Вы оказали моему дому великую честь, о блистательный! — сказал он.

Я стоял в стороне, оставив Папе совершать все формальности. У меня было такое чувство, что этот прием стал чем-то вроде встречи двух влиятельных людей, а торжество в честь моей женитьбы не имело никакого отношения к их тайным переговорам.

— Пусть длится твой пир вечно, о эмир! — сказал Папа.

— Благодарю вас, о мудрый, — ответил шейх Махали. — Неужели вы нас покидаете?

— Уже за полночь, а я стар. После моего ухода вы, молодые, сможете повеселиться по-настоящему.

Эмир рассмеялся:

— Вы уносите с собой нашу любовь, о шейх. — Он наклонился и расцеловал Фридландер-Бея в обе щеки. — Идите с миром.

— Да продлит Аллах ваши дни, — ответил Папа.

Шейх Махали повернулся ко мне.

— ***Киф у басат!*** — сказал он. Это означает: «Доброго здоровья и радости», и вкратце выражает отношение города к жизни.

— Благодарим вас за гостеприимство, — сказал я, — и за честь, которую вы нам оказали.

Казалось, эмир доволен моими словами.

— Да благословит вас Аллах, молодой человек, — сказал он.

— Да будет с вами мир, о эмир.

Мы отступили на несколько шагов, затем повернулись и вышли в ночь.

Эмир и прочие гости надарили мне целую кучу подарков. Они все еще лежали для всеобщего осмотрения в зале. На следующий день их соберут и передадут Фридландер-Бею. Когда мы с Папой вышли в теплый ночной воздух, я чувствовал себя вполне сытым и довольным. Мы снова прошли по садам, и я восхищался заботливо ухоженными деревьями и их мерцающими отражениями в пруду. Над водой раздавался тихий смех, я слышал шум фонтанов, но больше ничто не тревожило ночной тишины.

Лимузин Папы стоял в гараже шейха Махали. Мы уже пересекали поросший травой двор, когда вспыхнули фары. Старинная машина — одна из немногих в городе, с двигателями внутреннего сгорания — медленно подъехала к нам. Стекло водителя медленно скользнуло вниз, и я с удивлением увидел, что за рулем сидит не Тарик, а Хаджар, нечистый на руку лейтенант полиции, заведовавший делами в Будайине.

— В машину, — сказал он. — Оба.

Я посмотрел на Фридландер-Бея. Тот лишь пожал плечами. Мы сели. Хаджар, видимо, думал, что мы у него под контролем. Папа с виду ничуть не был взволнован, хотя напротив нас на откидном сиденье устроился здоровенный тип с иглометом.

— Что все это значит, Хаджар?

— Я беру вас обоих под стражу, — сказал коп. Он нажал

кнопку, и между ним и пассажирским салоном поднялось стекло. Папа и я остались наедине с головорезом, который, видимо, не был склонен к разговорам.

— Спокойно, — сказал Папа.

— Разве это не рука Абу Адиля? — спросил я.

— Возможно. — Он пожал плечами. — Все разъяснится, если на то будет воля Аллаха.

Я не мог унять раздражения — терпеть не мог быть беспомощным. Фридландер-Бей был пленником в собственном лимузине, в руках копа, который получал деньги и от Отца, и от его главного соперника, Реда Абу Адиля! Мне свело внутренности. В течение нескольких минут я повторял, какие именно разумные и героические действия должен буду предпринять, когда Хаджар снова выпустит нас. Затем, пока машина мчалась по извилистым узким улочкам города, я попытался найти какой-нибудь ключ к происходившему.

Вскоре боль в животе стала по-настоящему сильной, и я пожалел, что не взял с собой аптечки. Папа предупредил меня, что принести в дом к эмиру аптечку будет серьезным нарушением этикета. Вот чего стоит мне респектабельность. Меня похитили, и малейшее неудобство причиняло мне страдания.

В кармане моей галабейи был небольшой набор модиков. Один из них делал великое дело — блокировал боль, но мне не хотелось бы узнать, что сделает этот бандюга, если я попытаюсь залезть в карман. И я не стал бы счастливее, если бы услышал, что дела вскоре пойдут еще хуже, прежде чем все повернется к лучшему.

Примерно через полчаса лимузин остановился. Я не знал, где мы находимся. Посмотрел на головореза Хаджара и спросил:

— Что происходит?

— Заткнись, — ответил мне бандюга.

Хаджар вышел из машины и открыл перед Папой дверь. Я выбрался наружу вслед за ним. Мы стояли рядом с какими-то строениями из гофрированного металла и смотрели на частный суборбитальный челнок, стоявший напротив нас за широкой цементной площадкой. Его габаритные огни горели, но три огромных ракетных двигателя были холодны и молчаливы. Если это было основное летное поле, то мы находились в тридцати милях к северу от города. Я никогда прежде здесь не бывал.

Я начинал беспокоиться, но лицо Папы было по-прежнему непроницаемо. Хаджар оттащил меня в сторону.

— Твой телефон с тобой, Одран? — тихо спросил он.

— Да, — ответил я. Я всегда носил его на поясе.

— Я на минутку воспользуюсь им, ладно?

Я отцепил телефон и отдал его Хаджару. Он ухмыльнулся мне, бросил его на бетон и разбил на мелкие кусочки.

— Спасибо, — сказал он.

— Что же, черт побери, происходит? — вскричал я, хватая его за плечо.

Хаджар смотрел на меня, забавляясь. Затем его горилла сгреб меня в охапку и заломил руки за спину.

— Сейчас мы поднимемся на борт, — сказал он. — Там находится кади, и ему есть что сказать вам обоим.

Нас провели на борт и заставили сесть в пустой передней кабине, где кроме сидений ничего не было. Хаджар сел рядом со мной, его бандит — рядом с Фридландер-Беем.

— У нас есть право узнать, за что вы нас арестовали, — сказал я.

Хаджар с нарочито безразличным видом рассматривал свои ногти.

— Правду говоря, — сказал Хаджар, глядя в окно, — я не знаю, куда вас отправят. Может, кади вам скажет, когда зачитает приговор.

— Приговор? — воскликнул я. — Какой еще приговор?

— О, — сказал с недоброй ухмылкой Хаджар, — ты что, еще не понял? Вас с Папой судят. Пока вас будут депортировать, кади вынесет решение о том, что вы виновны. Это сэкономит судебному аппарату массу времени и денег. Мне следовало бы позволить тебе поцеловать землю на прощанье, Одран, потому что ты никогда больше не увидишь этого города!

Глава 2

Хони Пилар — самая желанная женщина в мире. Спросите любого. Спросите старого морщинистого имама мечети Шимааль, и он скажет вам:

— Конечно, Хони Пилар, какие могут быть сомнения.

У нее длинные светлые волосы, прозрачные зеленые глаза и самое божественное из всех известных антропологической науке тело. К счастью, она доступна. Она зарабатывает на жизнь, записывая во время сексуальных игр свои персональные модули. В секс-модди индустрии есть еще и такие звезды, как Бригитт Сталхельм и прочие, но никто из них и близко не подошел к сверхсветовому эротизму Хони Пилар.

Иногда для разнообразия я говорил Ясмин, что хотел бы вставить один из модиков Хони. Тогда Ясмин усмехалась и брала на себя активную роль, Я ложился на спину, переживая ощущения ненасытной, чудовищно чувствительной женщины.

Торговля модиками, как ничто иное, помогла множеству людей заглянуть в жизнь восьми противоположных полов.

Когда мы разомкнули объятия, я еще немного полежал с включенным модиком Хони. Ее релаксация так же феноменальна, как и ее оргазмы. Не будь у меня модика, я просто повернулся бы на бок и заснул. Но сейчас я прижался потеснее к Ясмин, закрыл глаза и погрузился в физическое и эмоциональное блаженство. С этим ощущением может сравниться только доза морфия. В смысле — ощущение после впрыскивания.

Именно так я себя и чувствовал, когда открыл глаза. Я ничего не помнил о сверхзвуковом сексе, потому решил, что между прочим глотнул одну-две таблетки. Мои веки будто склеились, и, когда я попытался стереть с них клей, рука не послушалась меня. Казалось, это не рука, а протез, сделанный из стирофома или чего там еще, и что он не желает ничего делать, только хлопать по песку рядом со мной.

«Ладно, — подумал я. — Через минуту-другую я во всем разберусь». Я забыл о глазах и вновь погрузился в сладостную летаргию. Я хотел бы когда-нибудь повстречаться с тем парнем, который изобрел летаргию, поскольку теперь я был уверен, что мир еще недостаточно отблагодарил его. Именно так я желал провести остаток дней своих, и пока не явится кто-нибудь и не докажет мне, почему этого делать нельзя, я буду лежать здесь, в темноте, и шлепать по песку рукой.

Я лежал спиной к земле, а разум мой витал где-то в небесах, и мне казалось, что граница между небом и землей проходит как

раз через мое тело. Как раз через ту его часть, которая так болит. Сквозь наркотический туман я ощущал там, внизу, тупую ноющую боль. Как только я понял, как мне будет больно, когда действие наркотика окончится, я очень испугался. К счастью, я не мог на этом сосредоточиться дольше нескольких секунд. Я снова заулыбался и забормотал что-то себе под нос.

Думаю, я уснул, хотя в таком состоянии трудно отделить сон от яви. Помню, что снова пытался открыть глаза, что сумел поднести руку к подбородку и пройтись пальцами по губам и носу к векам. Я протер глаза, но это усилие так вымотало меня, что я не смог опустить руку. Мне пришлось отдыхать примерно с минуту, причем пальцы мешали мне видеть. Наконец я попытался сосредоточиться, разглядеть, что меня окружало.

Увидел я немногое. Я по-прежнему был не в силах поднять голову, а потому видел лишь то, что находилось прямо передо мной. Там был яркий треугольник, узкое основание которого стояло на земле, а острый угол поднимался фу тов на пять. Все остальное было окутано чернотой. Я спросил себя, не угрожал ли мне когда яркий треугольник. Медленно возник ответ: нет. «Хорошо, — подумал я, — значит, можно не брать в голову». Я снова уснул.

Когда я проснулся в следующий раз, вокруг все было по-другому. И ничего приятного в этом не было. В голове моей пульсировала чудовищная боль, в горле словно ползал маленький человечек в защитных очках и посыпал вокруг песком. В груди горело, будто я вдохнул пару фунтов грязи, а затем долго выкашливал ее наружу. При малейшем движении каждый сустав моего тела вопил от боли. В особенности болели руки и ноги, и потому я решил, что больше никогда не буду ими шевелить.

Перечисление моих болячек заняло у меня несколько минут, но когда я добрался до конца списка — когда я понял, что почти вся моя кожа горит от боли, и это было похоже на то, что какой-то псих освежевал меня живьем, прежде чем принялся переламывать мне кости, — выбор у меня остался небольшой: можно по-прежнему лежать и переживать вселенские страдания, можно попытаться снова перечислить их и посмотреть, не упустил ли чего, или попытаться хоть как-то улучшить свое положение.

Я выбрал третье. Я решил достать свою аптечку, пусть даже это будет стоить мне еще больших мучений. Я вспомнил, что говорили в подобных случаях мои доктора. «Теперь, — всегда говорили они, — будет немного больно». Ох-ох.

Я осторожно вел свою правую руку вдоль живота, пока она не упала сбоку от меня. Затем я заставил свои пальцы червяками ползти по моей галабейе к карману, где я держал свои лекарства.

Я сделал три коротких вывода. Во-первых, на мне не было галабейи. Во-вторых, на мне была длинная засаленная рубаха. В-третьих, аптечки не было.

Я столкнулся с маньяками, которые в настоящий момент хотели враз покончить с моей жизнью. Даже в самые безнадежные моменты я не ощущал такой полной, холодной пустоты, как сейчас. Интересно, как меня характеризует тот факт, что я предпочел бы скорее умереть, чем выносить боль. Полагаю, так, что в глубине души я человек не храбрый. Наверное, мною всегда двигал страх того, что остальные могут узнать правду обо мне.

Не найдя аптечки, я чуть не разрыдался. Я-то рассчитывал, что она на месте, что таблетки соннеина хоть на время снимут эту ужасную боль. Попытался позвать на помощь. Мои губы запеклись, как прежде слиплись веки. Для того чтобы открыть рот, приходилось прилагать некоторые усилия, да и горло мое пересохло и слишком саднило, чтобы я мог заговорить. Наконец после больших усилий я умудрился прохрипеть:

— Помогите…

На последнем слоге в задней стенке моего горла возникло ощущение, словно мне режут глотку тупым ножом. Я сомневался, что кто-нибудь слышал меня.

Не знаю, сколько прошло времени. Я осознал, что к прочим моим страданиям прибавились голод и жажда. Чем дольше я лежал, тем больше меня беспокоила мысль о том, что я наконец-то попал в передрягу, из которой живьем не выбраться. Я даже еще и не думал о том, где это я и как сюда попал.

Через некоторое время я заметил, что яркий треугольник потускнел. Временами мне казалось, что его заслоняют, как будто кто-то или что-то проходит перед ним. Наконец треугольник исчез. Я осознал, что мне его очень не хватает. Кроме меня самого, он был единственной настоящей вещью в моем мире, пусть даже я и не понимал до конца, что он такое есть.

На месте треугольника во мраке возникло желтое пятно. Я попытался проморгаться. И увидел, что желтое пятно — это свет маленького масляного светильника, который держит кто-то не очень высокий, почти полностью закутанный в черное. Человек в черном шагнул ко мне сквозь треугольник, который оказался входом в шатер. Весьма вонючий шатер, понял я.

Мой посетитель поднял светильник, и свет упал на мое лицо.

— ***Йа Аллах!*** — пробормотала женщина, когда увидела, что я пришел в себя. Свободной рукой она быстро схватила край своего покрывала и прикрыла им лицо. Я видел ее только мельком, но понял, что это серьезная, хорошенькая, но весьма грязная девушка, лет этак до двадцати.

Я вздохнул глубоко, как мог при своем саднящем горле и легких, и снова прохрипел:

— Помогите.

Несколько секунд она стояла и, моргая, смотрела на меня. Затем опустилась на колени, поставила светильник на песок так, чтобы я не мог дотянуться, и выбежала из шатра. Иногда я влияю на женщин странным образом.

Я забеспокоился. Где я и как я сюда попал? У друзей, я или у врагов? Я понимал, что скорее всего нахожусь среди кочевников пустыни, но какой пустыни? На карте мира ислама много песчаных морей. Я мог находиться где угодно — у западной границы Сахары в Марокко или на краю Гоби в Монголии. Кроме того, я мог быть всего в нескольких милях к югу от города.

Пока эти мысли волновались в моем взбудораженном сознании, вернулась девушка в черном.

Она встала возле меня и принялась задавать вопросы. Это я понял по интонации. Беда была в том, что я понимал одно слово из десяти. Она говорила на каком-то грубом арабском, но с таким же успехом могла бы изъясняться со мною по-японски.

Я покачал головой — вправо, затем влево.

— Мне больно, — сказал я голосом умирающего.

Она только уставилась на меня. Похоже, не поняла. Она по-прежнему прикрывала лицо покрывалом, но я подумал, что оно — судя по глазам и лбу — полно доброты и тревоги. По крайней мере в ту минуту я предпочитал думать так.

Она снова попыталась заговорить со мной, но я по-прежнему ничего не мог разобрать. Я умудрился выдавить из себя:

— Кто ты?

Она кивнула и сказала:

— Нура.

По-арабски это означает «свет», но я догадался, что это ее имя. С той минуты, как она вошла в шатер со светильником в руках, она стала для меня лучом света в царстве тьмы.

Полог у входа резко откинули в сторону, вошел еще кто-то — с кожаным мешком и с другим светильником. Шатер был небольшим, футов двенадцать в диаметре и шести футов высотой, а потому в нем стало тесновато. Нура отошла к черной стене, а мужчина сел возле меня на корточки и несколько мгновений рассматривал. У него было суровое худое лицо с огромным крючковатым носом. Его обветренная кожа была вся в морщинах, и мне трудно было определить его возраст. На нем были длинная рубаха и кафия, но она не была схвачена черным шнурком акаль — просто обмотана вокруг головы, а концы ее были подоткнуты внутрь. В пляшущих тенях его лицо казалось свирепым, словно

лицо убийцы.

Дело ничуть не прояснилось, когда он задал мне несколько вопросов на том же ужасном диалекте. Я думал, что он наверняка спрашивает откуда я. Я мог только сказать, что из города. Наверное, потом он спрашивал, где этот город, но я не был в этом уверен.

— Мне больно, — прохрипел я.

Он кивнул и открыл свой кожаный мешок. Я страшно удивился, потому что он извлек оттуда одноразовый шприц старого образца и флакончик с какой-то жидкостью. Наполнил шприц и вонзил его мне в бедро. Я задохнулся от боли. Он потрепал меня по руке, прокудахтал что-то, и, не взирая на языковой барьер, я понял:

— Тихо, тихо.

Он встал и еще некоторое время в задумчивости смотрел на меня. Затем подал Нуре знак, и они ушли. Через несколько минут укол начал действовать. Я имел опыт в таких вещах и понял, что мне ввели лечебную дозу соннеина, такие инъекции действовали куда более эффективно, чем те таблетки, что я покупал в Будайине. Я был благодарен ему до слез. Если бы этот человек с обветренным лицом снова вошел в шатер, я бы дал ему все, что он пожелает.

Я отдался на волю наркотика и «поплыл», не теряя сознания того, что вскоре его действие кончится и боль вернется. В эти мгновения иллюзорного блаженства я пытался серьезно поразмыслить. Я понимал: тут что-то не так, как только я очухаюсь, мне придется все исправить. Благодаря соннеину ко мне пришла уверенность, что я могу все.

Опьяненный наркотиком разум говорил, что я в милостивом настроении. Все было прекрасно. Я достиг сепаратного мира с человечеством. Я чувствовал себя так, словно у меня появился огромный запас интеллектуальных и физических сил, из которого я могу черпать без конца. Проблемы, конечно, были, но их можно блестяще решить. Будущее рисовало мне одну золотую победную перспективу за другой: рай на Земле.

Пока я поздравлял себя с привалившей вдруг удачей, вернулся тот человек с ястребиным лицом. На сей раз без Нуры. Я был этим немного опечален. Короче, этот человек сел на пятки рядом со мной. Я никогда не мог подолгу сидеть в таком положении — вырос в городе.

Он заговорил со мной, и на этот раз я его прекрасно понял.

— Как тебя зовут, о шейх? — спросил он.

— Ма… — начал было я, но тут перехватило горло. Я показал на губы. Он понял меня и протянул мне козий бурдюк с

солоноватой водой. Бурдюк вонял. Никогда не пил воды столь отвратительной на вкус.

— ***Бисмилла***, — пробормотал я. Во имя Аллаха. Затем я стал жадно пить эту ужасную воду, пока он не положил мне руку на плечо и не остановил меня. — Марид, — сказал я, отвечая на его вопрос.

Он взял у меня бурдюк.

— Я Хассанейн. У тебя рыжая борода. Я никогда прежде не видел рыжебородых.

Это обычное дело в Мавритании, — сказал я. После того, как я напился, говорить стало немного легче.

— Мавритания? — Он покачал головой.

— Раньше она называлась Алжиром. Это в Магрибе.

Он снова покачал головой. Я подумал: как же Далеко я забрел, если встретил араба, который никогда не слышал о Магрибе, мусульманской стране на западе Африки.

— Какого ты племени? — спросил Хассанейн. Я с удивлением посмотрел на него.

— Араб, — сказал я.

— Нет, — возразил он. — Это я араб. Ты что-то другое.

В этом он был тверд, хотя в его словах, похоже, не было злобы. Просто ему было любопытно, кто я такой.

Назвав себя арабом, я, конечно, погрешил против истины, поскольку я наполовину бербер, наполовину француз. По крайней мере так мне всегда говорила мать. В городе, ставшем мне родным, каждый, кто родился в мусульманском мире и говорил по-арабски, считался арабом. Здесь, в шатре Хассанейна, это расплывчатое определение не годилось.

— Я бербер, — сказал я ему.

— Я не знаю берберов. Мы — Бани Салим.

— Бадави? — спросил я.

— Бедуины, — поправил он.

Вышло так, что слово, которое я всегда употреблял для обозначения арабских кочевников, — ***бадави*** или ***бедуины***, — было корявым множественным числом от множественного числа. Сами кочевники предпочитали называть себя ***беду***, что происходило от слова, обозначающего пустыню.

— Ты лечил меня? — спросил я.

Хассанейн кивнул. Он протянул руку. В мерцающем свете я увидел, что его кожа и волосы покрыты налетом песка, словно лимонный пирог — сахаром. Он легко коснулся моих щитковых розеток.

— Ты проклят, — сказал он.

Я не ответил. Похоже, он был правоверным мусульманином,

который считал, что я пойду в ад за то, что позволил вживить провода себе в мозги.

— Ты проклят вдвойне, — сказал он.

Даже здесь моя вторая розетка стала темой для разговоров. Интересно, где мои модики училки?

— Я голоден, — сказал я. Он кивнул.

— Завтра сможешь поесть, ***иншалла***.

«Если будет на то воля Аллаха». Мне было трудно представить, что Аллах провел меня через все эти испытания только для того, чтобы отказать мне утром в завтраке.

Бедуин взял светильник и поднес его к моему лицу. Грязным большим пальцем он отвернул мне веко и посмотрел глаз. Он заставил меня открыть рот и посмотрел язык и заднюю стенку гортани. Наклонился вперед и приложил ухо к моей груди, затем заставил меня покашлять. Он щупал и тыкал меня со знанием дела.

— Школа, — сказал я, показывая на него. — Университет.

Он рассмеялся и покачал головой. Медленно согнул мне ноги и пощекотал стопы. Затем нада вил на мои ногти и посмотрел, насколько быстро они восстанавливают свой цвет.

— Ты врач? — спросил я.

Он снова покачал головой. Затем посмотрел на меня и, решившись, сдернул с головы кафию. Я с изумлением увидел, что у него в темени торчит модик. Затем он снова тщательно обмотал голову кафией.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Проклятый, — сказал я.

— Да, — ответил он. Лицо бедуина осталось стоически спокойным. — Я шейх Бани Салим. Это моя обязанность. Я должен носить метку шайтана.

— И сколько же у тебя модиков?

Он не понял этого слова. Я задал вопрос иначе и узнал, что его череп модифицирован так, что он может использовать два модуля: модик врача и еще один, благодаря которому он становится равным высокоученому религиозному лидеру. Это все, что у него было. В безводной дикой пустыне, что была домом Бани Салим, Хассанейн считался мудрым старцем, который в своих глазах продал свою душу ради блага своего племени.

Я сообразил, что мы понимали друг друга благодаря грамматике и словарю, встроенным в модик доктора. Когда он вынул его, говорить нам стало так же трудно, как и прежде. К тому же я очень устал и мне стало тяжело отвечать и спрашивать. Остальное может подождать до утра.

Он дал мне капсулу, чтобы я мог заснуть ночью. Я запил ее

водой из козьего бурдюка.

— Да проснешься ты утром в добром здравии, о шейх, — сказал он.

— Да благословит тебя Аллах, о мудрый, — пробормотал я. Он оставил зажженный светильник на песке рядом со мной.

Бедуин вышел во тьму, и я услышал, как он опускает за собой полог. Я до сих пор не знал, где нахожусь, и ничегошеньки не знал о Бани Салим, но почему-то чувствовал себя в полной безопасности. Я быстро заснул и просыпался ночью только раз, причем увидел Нуру: она спала, сидя по-турецки, прислонившись к черной стене шатра.

Когда я проснулся утром, зрение мое стало более четким. Я чуть-чуть приподнял голову и уставился на яркий треугольник. Теперь я видел золотые пески и двух верблюдов со спутанными ногами неподалеку. Нура по-прежнему присматривала за мной. Она проснулась раньше и, когда увидела, что я пошевелился, подошла поближе. Она, как и вчера, стесняясь, закрывала лицо краем покрывала. Ей было стыдно за то, что она хорошенькая.

— Я думал, мы друзья, — сказал я. Сегодня мне было уже не так трудно говорить.

Она сдвинула брови и покачала головой. Говорить-то мне было легче, но понимали меня по-прежнему с трудом. Я попытался еще раз, произнося слова медленнее и подкрепляя их жестами.

— Мы… друзья, — сказала она. Она выговаривала слова со странным акцентом, но, будь у меня немного времени, я научился бы понимать этот диалект. — Ты… гость… Бани Салим.

О легендарное гостеприимство бедуинов!

— Хассанейн тебе отец? — спросил я.

Она покачала головой. Я не понял, отрицает ли она родство или просто не понимает моего вопроса. Я повторил вопрос помедленнее.

— Шейх… Хассанейн… брат… отца, — сказала она.

Мы оба научились говорить просто, разделяя слова. Чуть позже мы стали легко понимать друг друга и заговорили без напряжения.

— Где мы? — спросил я.

Нужно было выяснить, на каком расстоянии от города я нахожусь и как далеко от нас ближайший форпост цивилизации.

Нура снова нахмурилась, словно повторяла про себя урок географии. Она ткнула указательным пальцем в песок прямо перед собой.

— Это Бир-Балаг. Бани Салим стоят тут две недели. — Она сделала другую дырку в песке, дюймах в трех от первой. — Здесь

источник Кхаба, в трех днях езды к югу. — Она протянула руку как могла далеко и сделала еще одну дырку. — Это Мугшин. Мугшин, ***хаута***.

— Что такое ***хаута***?

— Это священное место, шейх Марид. Там Бани Салим встретятся с другими племенами и будут продавать верблюдов.

«Прекрасно, — подумал я. — Мы направляемся в Мугшин». Я никогда не слышал о Мугшине и представлял его себе чем-то вроде клочка земли с пальмами и источником посреди смертоносной пустыни. Скорее всего поблизости нет ни единой посадочной площадки для суборбиталок. Я понял, что затерялся где-то среди княжеств и безымянных племенных территорий Аравии.

— Как далеко это от Рияда? — спросил я.

— Я не знаю Рияда, — сказала Нура. Рияд был столицей ее страны, когда та была объединена властью дома Саудов. Он по-прежнему был великим городом.

— А где Мекка?

— Макках, — поправила меня она. Она поразмыслила, затем уверенно ткнула пальцем куда-то мне за спину.

— Значит, там, — сказал я. — Хорошо. Но как Далеко?

Нура только плечами пожала. Она знала не слишком много.

— Прости, — сказала она. — Старый шейх задавал те же самые вопросы. Может, дядя Хассанейн знает больше.

Старый шейх! Я так зациклился на своих страданиях, что забыл о Папе.

— Старый шейх жив?

— Да, благодаря тебе и мудрости шейха Хассанейна. Когда Хиляль и бен-Турки нашли вас в дюнах, они подумали, что вы оба мертвы. Они вернулись в лагерь и если бы вечером не рассказали шейху Хассанейну о вас, вы были бы мертвы без сомнения.

Я уставился на нее во все глаза.

— Хиляль и бен-Турки бросили нас там? Она пожала плечами.

— Они подумали, что вы умерли. Я вздрогнул.

— Я рад, что им пришло в голову вспомнить о нас, когда они уютно сидели у общего костра.

Нура не уловила моей иронии.

— Дядя Хассанейн привез вас в лагерь. Это его шатер. Старый шейх в шатре бен-Мусаида. — При этом имени она опустила глаза.

— А где же спят твой дядя и бен-Мусаид?

— Они спят с прочими, не имеющими шатров. На песке у костра.

Это, естественно, заставило меня почувствовать себя несколько виноватым, поскольку я знал, что в пустыне ночью очень холодно.

— А как старый шейх? — спросил я.

— Крепнет с каждым днем. Он очень пострадал от солнца и жажды, но не так сильно, как вы. Он выжил благодаря вашему самопожертвованию, шейх Марид.

Я не помнил никакого самопожертвования. Я не помнил ничего о том, как мы шли. Наверное, Нура заметила мое замешательство, поскольку наклонилась и коснулась моих розеток.

— Это, — сказала она. — Ты неправильно использовал их и теперь страдаешь, но это спасло жизнь старому шейху. Он хочет поговорить с тобой. Дядя Хассанейн сказал, что завтра к тебе можно будет прийти.

Мне стало легче на душе, когда я узнал, что Фридландер-Бей в лучшем состоянии, чем я. Я надеялся, что он сможет восполнить некоторые пробелы в моей памяти.

— Сколько я тут пролежал?

Она подсчитала в уме, затем ответила:

— Двенадцать дней. Бани Салим хотели пробыть в Бир-Балаг только три дня, но дядя Хассанейн решил остаться здесь до тех пор, пока ты и старый шейх не оправитесь настолько, чтобы перенести поездку. Некоторых в племени это решение рассердило, особенно бен-Мусаида.

— Ты уже упоминала его. Кто такой этот бен-Мусаид?

Нура потупила взгляд и тихо проговорила:

— Он хочет жениться на мне.

— М-м. А ты как к нему относишься?

Она посмотрела мне в глаза. Я прочел гнев в ее глазах, хотя и не мог сказать, на меня ли она гневается или на своего ухажера. Девушка встала и молча вышла из шатра.

Я не хотел, чтобы она уходила. Я намеревался попросить у нее чего-нибудь поесть и передать дяде, что мне хотелось бы еще один укол соннеина. Вместо этого я попытался улечься поудобней и стал думать о том, что рассказала мне Нура.

Мы с Папой чуть не погибли в этой пустыне, но я до сих пор не знал, кто в этом виноват. Меня не удивило бы, если бы все это оказалось связанным с Хаджаром, а через него — с Реда Абу Адилем. Последнее, что я помнил, — это то, что я сидел на борту суборбиталки и ждал, когда мы взлетим. Все, что случилось потом: полет, посадка, цель, которая привела нас в самое сердце пустыни, — выпало из моей памяти. Я надеялся, что вспомню, когда окрепну, или, может быть, у Папы будет более четкая

версия того, что с нами случилось.

Я решил сосредоточить весь свой гнев на Реда Абу Адиле. Хоть сейчас я и чувствовал себя довольно спокойно, я понимал, что все еще нахожусь в смертельной опасности. Даже если Бани Салим разрешат нам ехать с ними до Мугшина — где бы это ни было, — устроить наше возвращение в город будет чрезвычайно сложно. Мы не сможем показаться на люди без того, чтобы не попасть под арест. Нам придется избегать особняка Папы. Для меня ступить на территорию Будайина будет чрезвычайно опасно.

Однако все это в будущем. Сейчас нам хватало насущных проблем. У меня не было твердой уверенности в том, что Бани Салим долго будут дружелюбны. Я догадывался, что бедуины гостеприимны, пока мы с Папой не вылечимся. После этого ни за что нельзя будет поручиться. Когда мы станем способны заботиться о себе, племя вполне может сделать нас пленниками и выдать врагам. Ведь за это они смогут получить вознаграждение. Надо быть начеку.

Одно я знал точно: если Хаджар и Абу Адиль виноваты в том, что с нами случилось, они дорого за это заплатят. Я был готов в этом поклясться.

Мои мрачные размышления прервал Хассанейн, который бодро приветствовал меня.

— Вот, шейх, — сказал он, — поешь. — Он подал мне круглый пресный хлеб и чашку какой-то жуткой белой жидкости. Я посмотрел на него. — Верблюжье молоко, — сказал он.

Этого я и боялся.

— ***Бисмилла***, — прошептал я. Я отломил кусок хлеба и съел его, затем отпил из чашки. Верблюжье молоко на самом деле оказалось неплохим. Глотать его было гораздо проще, чем вонючую воду из козьего бурдюка.

Шейх Хассанейн присел на пятки рядом со мной.

— Некоторые из Бани Салим беспокоятся, — сказал он. — Они говорят, что если мы будем ждать слишком долго, то получим в Мугшине мало денег за наших верблюдов. Кроме того, нам нужно найти другое место для выпаса. Через два дня мы отправляемся. Вы должны быть готовы.

— Конечно, мы будем готовы.

«Ха-ха, — подумал я. — Только вот шнурки поглажу».

Он кивнул.

— Поешь еще хлеба. Попозже Нура принесет тебе фиников и чая. Вечером, если пожелаешь, сможешь поесть жареной козлятины.

Я был так голоден, что сглодал бы и сырую тушу. В хлебе и в молоке был песок, но мне было наплевать.

— Поразмыслил ли ты над тем, что с тобой приключилось? — спросил Хассанейн.

— Да, о мудрый, — ответил я. — Я не помню подробностей, но я много и упорно думал о том, отчего я настолько приблизился к смерти. Я смотрел также и вперед. И я увидел, что это принесет плоды.

Вождь Бани Салим кивнул. Я подумал: «Не знает ли он, о чем я думаю? Интересно, слышал ли он имя Реда Абу Адиля?»

— Это хорошо, — сказал он подчеркнуто безразличным тоном. Потом поднялся, чтобы уйти.

— О мудрый, — сказал я, — не дашь ли ты мне чего-нибудь против боли?

Он посмотрел на меня сузившимися глазами:

— Разве тебе по-прежнему больно?

— Да. Теперь я окреп, хвала Аллаху, но тело мое все еще страдает от перенесенных невзгод.

Он что-то пробормотал себе под нос, но открыл свой кожаный мешок и приготовил инъекцию.

— Это в последний раз, — сказал он. Затем сделал мне укол в бедро.

Мне пришло в голову, что у него, возможно, было мало лекарств. Хассанейну приходилось лечить все травмы и болезни племени, и, возможно, я уже потребил большую часть его обезболивающих препаратов. Я пожалел, что эгоистически использовал этот последний укол. Вздохнул и стал ждать, пока соннеин подействует.

Хассанейн ушел из шатра, и снова появилась Нура.

— Говорил ли кто-нибудь тебе, сестра моя, что ты прекрасна? — спросил я. Я не был бы так смел, если бы в этот момент наркотик не начал распускать свои лепестки у меня в мозгу.

Нура очень смутилась. Она закрыла лицо покрывалом и села на свое место у стены. Она не говорила со мной.

— Прости меня, Нура, — невнятно пробормотал я.

Она смотрела в сторону, и я выругал себя за тупость. Затем, как раз перед тем как погрузиться в теплый, чудесный сон, она прошептала:

— А я правда так красива?

Я криво усмехнулся, и мой разум поплыл из этого мира.

Глава 3

Память стала ко мне возвращаться. Я вспомнил, что сидел рядом с Хаджаром на борту суборбитального корабля, а напротив сидели Фридландер-Бей и Хаджаров головорез. Хаджар, этот грязный коп, с удовольствием посматривал на меня, покачивая головой и злобно хихикая. Я поймал себя на мысли о том, насколько трудно мне будет свернуть его костлявую шею и оторвать голову.

Папе удавалось сохранять спокойствие. Он не собирался доставлять Хаджару удовольствия, показывая, что тот его достал. Чуть погодя я тоже постарался сделать вид, что Хаджара и его гориллы не существует. Я убивал время, представляя всевозможные несчастные случаи и то, как они оба погибают.

Через сорок минут полета, когда челнок достиг высшей точки параболы и заскользил вниз к пункту назначения, из задней кабины, отдернув штору появился высокий человек с худым лицом и огромными черными усами. Это, как я понял, был кади, гражданский судья, который принимал решение по делу, в котором были замешаны мы с Папой, в чем бы нас ни обвиняли. Мое настроение не улучшилось, когда я увидел, что он одет в серую униформу и кожаные сапоги офицера чаушей.

Он глянул на пачку бумаг, что держал в руке.

— Фридландер-Бей? — спросил он. — Марид Одран?

— Вот и вот, — сказал лейтенант Хаджар, ткнув в нас большим пальцем.

Кади кивнул. Он по-прежнему стоял в проходе позади нас.

— Очень тяжелое обвинение, — сказал он. — Вам лучше признаться и просить о помиловании.

— Послушайте, приятель, — сказал я, — я еще ничего не слышал! Я даже не знаю, что нам приписывают! Как мы можем признаться? Нам даже не дали возможности подать жалобу!

— Можно я скажу, ваша честь? — вмешался Хаджар. — Я взял на себя смелость подать жалобу от их имени для экономии времени и городских средств.

— Это совершенно противозаконно, — пробормотал кади, шелестя бумагами. — Но поскольку вы подали обе жалобы по незнанию, то я не вижу в этом проблемы.

Я стукнул кулаком по подлокотнику кресла:

— Но вы только что сказали, что нам было бы лучше…

— Спокойно, племянник, — невозмутимо сказал Папа и повернулся к кади.

— Прошу вас, ваша честь, скажите, в чем нас обвиняют?

— О, в убийстве, — рассеянно сказал судья. — В убийстве первой степени. Теперь, если все…

В убийстве? — воскликнул я, услышал смех Хаджара, обернулся и бросил на него яростный взгляд. Тот от страха заслонил лицо руками. Головорез ударил меня по лицу. Я в ярости повернулся к нему, но он просто сунул мне под нос дуло своего игломета. Я немного поутих.

— И кого мы якобы убили? — спросил Папа.

— Минуточку, у меня где-то записано, — сказал кади. — Вот. Полицейского офицера по имени Халид Максвелл. Преступление было раскрыто помощником шейха Реда Абу Адиля.

— Я так и знал, что тут замешан Реда Абу Адиль, — прорычал я.

Халид Максвелл… — сказал Отец. — Я никогда не знал человека с таким именем.

— Я тоже, — сказал я. — Даже и не слышал об этом парне.

— Это один из моих наиболее доверенных подчиненных, — сказал Хаджар. — Город и полиция понесли тяжелую утрату.

— Мы не делали этого, Хаджар! — крикнул я. — И ты это знаешь!

Кади сурово посмотрел на меня.

— Слишком поздно отрицать, — сказал он. Казалось, вислый нос и густая растительность под ним были чересчур тяжелым грузом для его смуглого лица. — Я уже вынес вердикт.

Папа слегка забеспокоился:

— Вы уже вынесли решение, даже не позволив нам представить свою версию событий?

Кади похлопал по пачке бумаг:

— Все факты здесь. Здесь показания свидетелей и отчет лейтенанта Хаджара о расследовании. Слишком много задокументированных показаний, чтобы оставались хоть малейшие сомнения. А что вы сможете мне сказать? Что не вы совершили это грязное преступление? Конечно, ведь так вы мне и говорили. Я не намерен тратить время и слушать вас. У меня есть это! — Он снова похлопал по бумагам.

— Значит, вы вынесли вердикт, — сказал Папа, — и признали нас виновными.

— Точно, — ответил кади. — Виновны в том, в чем вас обвиняют. Виновны в глазах Аллаха и вашего приятеля. Однако смертный приговор придется отменить из-за горячей просьбы о помиловании со стороны одного из самых уважаемых граждан города.

— Шейха Реда? — спросил я. У меня снова заболел живот.

— Да, — сказал кади. — Шейх Реда подал мне апелляцию от

вашего имени. Из уважения к нему вы не будете обезглавлены во дворе мечети Шимааль, как того заслуживаете. Вместо этого вас отправят в изгнание. Вам навсегда запрещается появляться в городе под страхом ареста и немедленной казни.

— Ну, — язвительно промолвил я, — прямо камень с плеч! И куда вы нас везете?

— Этот челнок направляется в княжество Азир, — сказал кади.

Я посмотрел на Фридландер-Бея. Он снова принял безмятежный вид старого мудрого человека. Мне тоже немного полегчало. Я ничего не знал о княжестве Азир, кроме того, что оно выходит к Красному морю южнее Мекки. Азир был лучше многих мест, куда нас могли выслать. В Азире мы могли бы найти возможность подготовить возвращение в город. Это потребует много времени и денег — многим придется давать взятки, — но в конце концов мы вернемся. Я уже предвкушал свою встречу с Хаджаром.

Кади перевел взгляд с меня на Папу, затем кивнул и удалился в заднюю кабину. Хаджар подождал, пока он уйдет, и разразился громким грубым хохотом.

— Ну! — воскликнул он. — Что ты на это скажешь?

Я схватил его за глотку прежде, чем он сумел увернуться.

Головорез поднялся со стула и пригрозил мне иглометом.

— Не стреляйте! — в притворном ужасе кричал я, все сильнее стискивая горло Хаджара. — Пожалуйста, не стреляйте!

Хаджар пытался что-то сказать, но я пережал ему горло. Его лицо приобрело цвет райского вина.

— Отпусти его, племянник, — сказал, немного подождав, Фридландер-Бей.

— Прямо сейчас, о шейх? — спросил я. Я еще держал его.

— Прямо сейчас.

Я отшвырнул Хаджара. Он глухо стукнулся затылком о переборку. Раскашлялся, хватая воздух ртом, пытаясь продышаться. Головорез опустил игломет и снова сел. Мне показалось, что лично его самочувствие Хаджара не волнует. Я решил, что он ценит лейтенанта ненамного выше, чем я, и пока я не убил Хаджара совсем, могу делать с ним все, что захочу.

Хаджар с ненавистью посмотрел на меня.

— Ты еще пожалеешь об этом, — прохрипел он.

— Не думаю, Хаджар, — ответил я. — Мне кажется, что воспоминание о твоей багровой роже с выпученными глазами скрасит мне все трудности предстоящей жизни.

— Сядь на место и заткнись, Одран, — процедил Хаджар сквозь зубы. — Только шевельнись еще или пикни, и этот парень

разворотит тебе морду.

Мне это все равно начало надоедать. Я откинул голову, закрыл глаза и подумал, что по прибытии в Азир мне еще могут понадобиться силы. Я чувствовал, как заработали маневровые двигатели и пилот направил огромный челнок по длинной пологой дуге к западу. Мы снижались, выписывая спирали в ночном небе.

Челнок задрожал, затем раздались протяжный гул и пронзительный вой. Хаджаров бандюга испугался.

— Включилось посадочное устройство, — сказал я.

Он коротко кивнул. Затем корабль опустился и с визгом проехался по бетону. Снаружи, насколько я видел, не было огней, но я был уверен, что мы находимся на огромной посадочной площадке. Через некоторое время, когда пилот затормозил челнок почти до конца, я смог разглядеть очертания ангаров, гаражей и прочих сооружений. Корабль остановился, хотя до терминала мы не доехали.

— Сидеть на месте, — приказал Хаджар.

Мы сидели, прислушиваясь к завываниям кондиционера. Наконец из задней кабины снова появился кади. Он по-прежнему держал в руках бумаги. Достал одну страницу и зачитал:

— «Свидетельствую, что рассмотрел деяния взятых под стражу членов общества, опознанных как Фридландер-Бей и Марид Одран, и признал их действия явно преступными и оскорбительными для Аллаха и всех братьев во Исламе. Обвиняемые признаны виновными и в наказание будут подвергнуты изгнанию. Пусть они сочтут это благом и проведут остаток дней своих, взыскуя близости Господней и прощения людского». — Затем кади прислонился к переборке и поставил на бумаге свою подпись. Подписал и копии, чтобы мы с Папой имели по экземпляру. — Теперь идем, — сказал он.

— Иди, Одран, — сказал Хаджар.

Я встал и пошел по проходу мимо кади. Громила шел следом, за ним — Папа. Хаджар замыкал шествие. Я обернулся к нему. Его лицо было на удивление мрачным. Наверное, он думал о том, что вскоре мы окажемся вне его власти и что его, забавам приходит конец. Мы спустились по сходням на бетонную площадку, потягиваясь и зевая.

Я очень устал и проголодался, несмотря на все то, что съел на торжестве у эмира. Я окинул взглядом летное поле, пытаясь найти что-нибудь полезное в смысле информации. На стене одного из низких темных зданий я увидел большую, выведенную от руки надпись: «Наджран».

— Вам что-нибудь говорит слово «Наджран», о шейх? —

спросил я Фридландер-Бея.

— Заткнись, Одран, — сказал Хаджар. Он повернулся к своему горилле: — Следи, чтобы они не болтали и не делали глупостей. Ты за них отвечаешь.

Головорез кивнул. Хаджар и кади пошли к зданию.

— Наджран — столица Азира, — сказал Папа.

Ему было плевать на головореза. Со своей стороны, бандюге тоже было плевать на то, что мы делаем, лишь бы мы не пустились бегом через летное поле.

— У нас тут есть друзья? — спросил я.

Папа кивнул:

— У нас почти везде есть друзья. Проблема в том, как до них добраться.

Я не понял, что он имеет в виду.

— Ну, ведь Хаджар и кади через некоторое время вернутся на борт челнока, так ведь? А после этого, как я понимаю, мы будем предоставлены сами себе. Тогда мы сможем разыскать этих самых друзей и получить хорошую, мягкую постельку, чтобы провести в ней остаток ночи. Папа печально улыбнулся мне:

— Ты и в самом деле думаешь, что наши неприятности на этом кончились?

Моя уверенность уже не была такой непоколебимой.

— А разве нет? — спросил я.

И, словно подтверждая тревоги Папы, появились Хаджар и кади, а с ними — крепкий парень в униформе, вроде как у копов, с винтовкой, болтавшейся под мышкой. Вид у этого парня был не особенно умный, но при оружии он нам с Папой был не по зубам.

— Поговорим об отмщении после, — шепнул мне Папа прежде, чем Хаджар подошел к нам

— Шейху Реда? — спросил я.

— Нет. Тем, кто подписал приказ о нашей депортации, будь то эмир или имам мечети Шимааль.

Это заставило меня кое о чем задуматься. Я никогда не понимал, почему Фридландер-Бей так тщательно старается не задевать Абу Адиля, как бы тот его ни провоцировал. Любопытно, что бы я ответил, если бы Папа приказал мне убить эмира шейха Махали? Конечно, эмир не принял бы нас нынешним вечером столь радушно, если бы знал, что сразу после его приема нас похитят и отправят в ссылку. Я предпочитал думать, что шейх Махали не знал о том, что с нами происходит.

— Вот ваши подопечные, сержант, — сказал Хаджар жирному копу.

Сержант кивнул. Он осмотрел нас и нахмурился. На бляхе было выбито его имя: «Аль-Бишах». У него был огромный живот,

который выпирал между пуговиц его пропотевшей рубашки. Лицо заросло четырех- или пятидневной черной щетиной, во рту торчали сломанные почерневшие зубы. У него были набрякшие веки, и я подумал: это потому, что его разбудили посреди ночи. От его одежды несло гашишем, и я понял, что коп проводил одинокие ночные дежурства с ***наргиле***.

— Дайте-ка подумать, — сказал сержант. — Молодой парень спустил курок, а вот этот грязный старый дурак в красной феске, значит, мозг всей операции. — Он закинул голову и разразился хохотом. Веселился он явно от гашиша, раз даже Хаджар не поддержал его.

— Очень хорошо, — сказал последний. — Они ваши. — Лейтенант повернулся ко мне: — Прежде чем мы расстанемся, Одран, я скажу тебе еще кое-что. Знаешь, за что я первым делом примусь завтра?

В жизни не видел такой гнусной ухмылки.

— Нет, а что? — спросил я.

— Я собираюсь прикрыть твой клуб. А знаешь, что я сделаю потом? — Он подождал, но я не стал продолжать игру. — Ладно, я тебе скажу. Я собираюсь арестовать твою Ясмин за проституцию, а когда затащу ее в свою глубокую норку, то посмотрю, что в ней так тебе нравилось.

Я очень гордился собой. Год или два назад я дал бы ему в зубы, несмотря на присутствие головореза. Теперь я повзрослел, и потому просто стоял, бесстрастно глядя в его сумасшедшие глаза. Стоял и повторял себе: «Ты убьешь его в следующий раз. Ты убьешь его в следующий раз». Это удержало меня от глупостей, особенно под прицелом двух дул.

— Подумай об этом, Одран! — воскликнул Хаджар, когда они с кади снова взобрались по трапу на борт. Я даже не обернулся.

— Ты поступил мудро, племянник, — сказал Фридландер-Бей.

Я посмотрел на него и понял, что мое поведение произвело на него приятное впечатление.

— Я многому научился от вас, дед мой, — сказал я. Это ему тоже понравилось.

— Ладно, — сказал местный сержант, — пошли. Я не хотел бы тут оставаться, когда этот насос взлетит. — Он показал дулом винтовки в сторону темного здания, и мы с Папой двинулись впереди него через взлетную полосу.

Внутри было темно, но сержант аль-Бишах не стал включать свет.

— Идите по стеночке, — сказал он.

Я ощупью шел по узкому коридору, до поворота. За

поворотом оказалась маленькая комната с видавшим виды столом, телефоном, механическим вентилятором и маленькой сломанной голосистемой. Рядом стоял стул, и сержант тяжело плюхнулся на него. В углу оказался другой стул, и я усадил на него Папу. Я стоял, прислонившись к грязной оштукатуренной стене.

— Теперь, — сказал коп, — я скажу, что с вами сделаю. Вы сейчас в Наджране, а не в какой-нибудь захудалой деревне. В Наджране вы никто, зато я — кое-что значу. Посмотрим, сможете ли вы мне пригодиться, а если нет, пойдете в тюрьму.

— Сколько при тебе денег, племянник? — спросил Папа.

— Немного. — Я взял с собой мало денег, поскольку думал, что во дворце эмира они мне будут не нужны. Обычно я носил деньги в карманах своей галабейи, как раз на такой случай. Я пересчитал то, что было в левом кармане, получилось немногим больше ста девяноста киамов. Я не собирался показывать этой собаке, что в другом кармане у меня есть еще деньги.

— Даже настоящих денег нет? — возопил аль-Бишах. Однако он сгреб монеты в ящик стола. — А старикан?

— У меня совсем нет денег, — ответил Папа.

— Очень плохо.

Сержант вынул зажигалку и поджег гашиш в ***наргиле***. Наклонился и сунул мундштук в зубы. Я слышал, как булькает в трубке вода, и унюхал запах черного гашиша.

— Можете идти по камерам, у меня их две. Или у вас есть еще чего-нибудь, что может мне понравиться?

Я подумал о своем церемониальном кинжале.

— Как насчет этого? — спросил я, выложив его на стол.

Он покачал головой.

— Деньги, — сказал он, отпихивая кинжал.

Я подумал, что он делает большую ошибку, поскольку кинжал был украшен золотом и драгоценными камнями. Может, ему негде было спрятать такую дорогую вещь… — Или кредит, — добавил он. — У вас есть банк, в который можно позвонить?

— Да, — ответил Фридландер-Бей. — Звонок будет стоить дорого, но вы сможете через банковый компьютер перевести деньги на свой счет.

Мундштук выпал изо рта аль-Бишаха. Он выпрямился.

— Вот это мне нравится! Только за звонок платишь ты. Отправь счет на свое имя, ладно?

Жирный коп подвинул к нему телефон, и Папа перечислил длинный ряд цифр.

— Теперь, — сказал Папа сержанту, — сколько вы хотите?

— Хорошую, жирную взятку! — сказал он. — Такую, чтобы я

почувствовал. Если будет мало, пойдете за решетку. Можете засесть тут навсегда. Кто узнает, где вы? Кто заплатит за вашу свободу? Это ваш шанс, братец.

Фридландер-Бей посмотрел на него с нескрываемым отвращением.

— Пять тысяч киамов, — сказал он.

— Дай-ка подумать, сколько это в настоящих деньгах? — Он помолчал несколько секунд. — Не, лучше возьмем десять тысяч.

Я уверен, что Папа заплатил бы и сто, но коп даже и подумать не мог столько запросить. Папа помедлил, затем кивнул.

— Ладно, десять тысяч. — Он снова заговорил по телефону, затем передал его сержанту.

— Что? — спросил аль-Бишах.

— Назовите компьютеру номер вашего счета, — сказал Папа.

— А, тогда ладно. — Когда перевод денег был закончен, этот жирный дурак сделал еще один звонок. Я не расслышал, о чем шла речь. Он повесил трубку и сказал: — Я тут вызвал вам кое-какой транспорт. Вы мне тут, в Наджране, не нужны. Отпустить вас с этого летного поля я тоже не могу.

— Ладно, — сказал я. — Тогда куда?

Аль-Бишах продемонстрировал мне все свои короткие, гнилые зубы.

— Пусть это будет для вас сюрпризом.

Выбора у нас не было. Мы ждали в этом вонючем участке, пока не прибыл транспорт. Сержант встал из-за стола, взял винтовку и повесил ее на плечо, указывая нам, чтобы мы первыми шли к летному полю. Я был просто счастлив выйти из этой узкой, темной комнаты.

Оказавшись под чистым, безлунным ночным небом, я увидел, что челнок Хаджара уже улетел. На его месте стоял маленький сверхзвуковой вертолет с военными номерами. Воздух был полон визга его реактивных двигателей, а сильный ветер донес до меня кислые пары капавшего на бетонную площадку топлива. Я посмотрел на Папу, который только слегка пожал плечами. Нам ничего не оставалось делать, как только идти туда, куда указывал человек с винтовкой.

Мы прошли по пустому полю ярдов тридцать, не пытаясь оказать сопротивления. И тем не менее аль-Бишах подошел сзади и двинул меня по затылку прикладом винтовки. Я упал на колени, в глазах заплясали цветные точки. Голова раскалывалась от боли. Меня чуть не вырвало.

Рядом я услышал протяжный стон и, обернувшись, увидел Фридландер-Бея, беспомощно распростертого возле меня на

земле. То, что жирный коп ударил Папу, разозлило меня больше всего. Я шатаясь поднялся на ноги и помог Папе встать. Его лицо посерело, взгляд был невидящим. Хорошо, если у него нет сотрясения мозга. Я медленно повел старика к открытому люку вертолета.

Аль-Бишах смотрел, как мы поднимаемся на борт. Я не обернулся в его сторону, но за ревом вертолетных моторов услышал, как он прокричал:

— Еще раз покажетесь в Наджране, и вы — трупы!

Я показал на него пальцем.

— Радуйся, пока можешь, гнида! — крикнул я. — Недолго осталось!

Он только ухмыльнулся в ответ. Второй пилот вертолета захлопнул люк, и я попытался поудобнее устроиться на жесткой пластиковой скамье рядом с Фридландер-Беем.

Я сунул руку под кафию и осторожно ощупал затылок. Когда я вынул руку, на пальцах была кровь. Я повернулся к Папе и с радостью увидел, что лицо его снова обрело краски.

— Ты в порядке, о шейх? — спросил я.

— Хвала Аллаху, — ответил он, слегка поморщившись.

Больше мы ничего не сказали, поскольку наши слова потонули в реве вертолетных двигателей. Я сидел и ждал, что случится дальше. Сержанта аль-Бишаха я поставил в списке вторым после лейтенанта Хаджара.

Вертолет сделал круг над летным полем и устремился к какой-то таинственной цели. Долгое время мы летели прямо, ни на дюйм не отклоняясь от курса. Я сидел, охватив руками голову, мучительно пульсирующая боль в затылке отсчитывала секунды. Потом я вспомнил, что у меня есть набор нейтральных программ. Я вынул их, снял кафию и вставил модик, блокирующий боль. И сразу почувствовал себя в сто раз лучше, к тому же я сумел обойтись без химии и болеутоляющих препаратов. Однако долго я этим пользоваться не смогу, иначе это тяжело отразится на моей центральной нервной системе.

Я ничем не мог помочь Папе. Он молча страдал, пока я лежал, прижимаясь лицом к пластиковому окошечку в двери люка. Долгое время я не видел внизу ни огонька, ни города, ни деревни, ни даже одинокого дома. Я решил, что мы летим над водой.

Когда солнце начало подниматься впереди и справа по борту, я понял, что ошибался. Все это время мы летели на северо-восток. Согласно моей мысленной карте это означало, что мы направляемся в самое сердце Аравии. Я и не представлял, как мало населена эта часть мира.

Я решил убрать блокирующий боль чип через полчаса после того, как его вставил. Я выдернул его, ожидая, что меня вновь охватит волна боли, но был приятно удивлен. Теперь это была обычная, вполне переносимая головная боль. Я снова надел кафию. Затем встал с пластиковой скамьи и пошел к кабине пилота.

— Доброе утро, — сказал я первому и второму.

Второй пилот повернулся и посмотрел на меня.

Он долго рассматривал мое княжеское одеяние, однако удержался от вопросов.

— Сядь на место, — сказал он. — Не дергай нас, пока мы пытаемся управлять этой хреновиной.

Я пожал плечами.

— Будто мы не могли весь путь пройти на автопилоте. Вы вообще-то умеете водить?

Второму пилоту это не понравилось.

— Иди на место, — сказал он, — или я прикую тебя к скамье.

— Да я не хотел причинить вам беспокойства, — сказал я. — Никто ничего нам не сказал. Разве у нас нет права узнать, куда мы направляемся?

Второй пилот отвернулся.

— Слушай, — сказал он, — вы со стариканом убили какого-то несчастного сукиного сына. И теперь у вас больше нет никаких прав.

— Какой ужас, — пробормотал я и пошел назад к скамье.

Папа посмотрел на меня. Я лишь покачал головой. Он был небрит, лицо его прочертили дорожки грязи, он потерял свою феску, когда аль-Бишах ударил его по затылку. В полете он, однако, пришел в себя и был почти таким, как прежде. У меня было предчувствие, что нам обоим вскоре понадобится вся наша сообразительность.

Пятнадцатью минутами позже я почувствовал, что вертолет снижается. Посмотрел в окошечко и увидел, что мы уже не движемся вперед, а висим над красновато-бурыми барханами, что тянутся во все стороны до самого горизонта. Вертолет протяжно зажужжал, над люком загорелся Зеленый свет. Папа коснулся моей руки, но я не мог объяснить ему, что происходит.

Второй пилот отстегнул ремень безопасности и выбрался из кресла. Осторожно прошел через грузовое отделение к нашей скамье.

— Прилетели, — сказал он.

Что значит «прилетели»? Тут один песок. Ни деревца, ни даже кустика!

Второму пилоту было на это наплевать.

— Я знаю лишь то, что мы должны выкинуть вас здесь, в землях Байт Табити.

— Что такое Байт Табити?

Второй пилот хитро ухмыльнулся.

— Это племя бадави, — сказал он. — Остальные племена зовут их леопардами пустыни.

«Да, ты прав», — подумал я.

— И что сделают с нами эти Байт Табити?

— Ну, не думаю, что они примут вас как давно потерянных братьев. Советую установить с ними добрые отношения.

Мне все это не нравилось, но что я мог поделать?

— Значит, вы просто собираетесь посадить вертолет и выбросить нас в пустыне?

— Нет, — покачал головой второй пилот. — Мы не будем садиться. У вертолета нет песчаных фильтров. — Он потянул рычаг и открыл люк.

— Но мы же в двадцати футах над землей! — вскричал я.

— Ну, это можно исправить, — сказал второй пилот.

Он поднял ногу и выпихнул меня наружу. Я упал на теплый песок, пытаясь сгруппироваться в момент удара. К счастью, я не переломал себе ног. Вертолет поднимал сильный ветер, бросая песок мне в лицо. Я едва мог дышать. Я попытался использовать кафию по назначению — чтобы прикрыть ею нос и рот от искусственной песчаной бури. Прежде чем я успел обернуться, я увидел, как пилот выталкивает из люка Фридландер-Бея. Я сделал все, что мог, чтобы смягчить Папе падение. Он тоже ушибся не слишком сильно.

— Это убийство! — крикнул я, перекрывая шум вертолета. — Мы здесь не выживем!

Пилот развел руками.

— Байт Табити на подходе. Можете полежать здесь до их появления.

Он сбросил нам пару больших фляг. Затем захлопнул крышку люка. Мгновением позже вертолет сделал круг по восходящей и полетел назад.

Мы с Папой остались в одиночестве посреди Аравийской пустыни. Я поднял фляги и встряхнул их. Они обнадеживающе булькнули. Интересно, на сколько дней нам этого хватит? Я подошел к Фридландер-Бею. Он сидел под горячим утренним солнцем и потирал плечо.

— Я могу идти, племянник мой, — сказал он, предвосхищая мой вопрос.

— Думаю, тогда нам следует идти, о шейх, — сказал я. У меня не было ни малейшего понятия насчет того, что делать

дальше. Я не знал, где мы и куда нам направиться.

— Давай сначала помолимся Аллаху, чтобы он указал нам путь, — сказал он.

Почему бы и нет? Папа решил, что мы сейчас в чрезвычайной ситуации, потому нам не следует тратить нашу драгоценную воду для омовения перед молитвой. В такой ситуации разрешено использовать чистый песок. А его было в избытке. Он снял свои башмаки, я — сандалии, и мы были готовы приблизиться к Аллаху, как предписывает благородный Коран.

Он определил направление по восходящему солнцу и повернулся лицом к Мекке. Я расположился с ним рядом, и мы повторили привычные стихи молитвы. Когда мы закончили, Папа вдобавок прочел стих из второй суры Корана, включающий строки: «И на того, кто нападает на вас, нападайте так же, как он».

— Хвала Аллаху, владыке миров! — прошептал я.

— Велик Аллах! — ответил Папа.

Теперь пришло время подумать, как нам выжить.

— Думаю, нам нужно как следует все обмозговать.

— Размышления — не для пустыни, — сказал Папа. — Мы не сможем надумать себе ни еды, ни воды, ни защиты.

— Вода у нас есть, — сказал я, протягивая ему одну из фляг.

Он открыл ее и отхлебнул глоток, затем закрыл флягу и повесил ее через плечо.

— У нас есть немного воды. Остается подумать, хватит ли ее.

— Я слышал, под землей есть вода, даже в самых сухих пустынях.

Думаю, я говорил это только для того, чтобы поддержать его дух. Его или свой. Папа рассмеялся:

— Ты вспоминаешь сказки, которые тебе рассказывала твоя мать: о храбром принце, который заблудился в песках, и об источнике сладкой воды, которая начинает бить из подножия горы, у которой он стоит. В этой жизни такого не случается, мой дорогой. Твоя наивная вера не выведет нас из этого гиблого места.

Я понимал, что он прав. Может, в молодости он имел опыт выживания в пустыне? Папа никогда не говорил о своей молодости. Я решил, что в любом случае следует положиться на его мудрость. Я понял, что если заткнусь на некоторое время, то, может быть, останусь жив. Может, заодно и научусь чему. Это тоже не помешает.

— Что нам делать дальше, о шейх? — спросил я.

Он смахнул рукавом пот со лба и огляделся.

— Мы где-то в южной части Аравийской пустыни, — сказал

он. — В Руб-аль-Хали.

Пустая четверть. Это меня не обнадежило.

— Где тут ближайший город? — спросил я.

Папа коротко улыбнулся мне:

— В Руб-аль-Хали нет городов. Ни единого города на четверть миллиона квадратных миль песка. Здесь, конечно, есть маленькие группы кочевников, странствующих по дюнам, — они двигаются от источника к источнику, выискивая пастбища для своих верблюдов и коз. Если мы надеемся найти источник, то удача должна привести нас к одному из бедуинских кланов.

— А если нам это не удастся?

Папа провел по фляге рукой:

— Здесь по галлону воды на каждого. Если мы е станем идти днем, постараемся тщательно экономить воду и проходить, сколько сможем, в ночные холодные часы, то проживем четыре дня.

Это было хуже моих самых пессимистических предположений. Я тяжело опустился на песок. Много лет назад, когда я ребенком жил в Алжире, я читал об этих местах. Я подумал, что книги не слишком преувеличивали их ужас. Это делало название Руб-аль-Хали более страшным, чем Сахара. Сахара была нашей пустыней, и я не мог поверить, что где-нибудь на Земле может быть место более безлюдное, чем она. Похоже, я ошибался. Я также вспомнил, что некий западный путешественник в своих мемуарах назвал Руб-аль-Хали «местом Великого зла».

Глава 4

Согласно мнению отдельных географов Аравийская пустыня есть продолжение Сахары. Большая часть Аравийского полуострова безлюдна и пуста. Населенные районы расположены вдоль Средиземного, Красного и Аравийского морей, потом у Аравийского залива — другие зовут его Персидским — и в плодородном полумесяце на месте древней Месопотамии.

Сахара обширнее, но в Аравийской пустыне больше песка. Будучи мальчишкой, я представлял себе Сахару выжженной, бесконечной, полной песка, но это не слишком верно. Сахара большей частью состоит из каменистых плато, сухих, покрытых гравием равнин и гряд открытых ветрам гор. Пески занимают только десять процентов территории пустыни. Часть Аравийской пустыни, называемой Руб-аль-Хали, в этом смысле превосходит Сахару на тридцать процентов. Насколько я понимал, она представляла собой песок от края до края, и больше ничего.

А какая разница?

Я прищурил глаза, почти закрыл, и посмотрел на мучительно яркое небо. В этом смертельно опасном месте было хорошо лишь то, что оно было слишком опасно, даже для стервятников. Я был избавлен от лишающего мужества зрелища кружащих в вышине крылатых пожирателей падали, ожидающих, когда я соизволю умереть.

Я просто решил не умирать. Я не говорил об этом с Фридландер-Беем, но был уверен, что он чувствует то же самое. Мы сидели с подветренной тороны высокой, нанесенной ветром дюны. Я подумал, что температура уже достигла сотни градусов по Фаренгейту, а то и выше. Солнце вскарабкалось высоко, но полдень еще не наступил — скоро станет еще жарче.

— Пей воду, когда почувствуешь жажду, племянник мой, — сказал мне Папа. — Я видел людей, умиравших от обезвоживания, потому что они слишком тряслись над своими флягами. Пить слишком мало воды — все равно что лить ее на землю. На такой жаре тебе понадобится около галлона в день. Две-три кварты не сохранят жизни.

— У нас только по галлону на душу, о шейх, — сказал я.

— Когда эта вода кончится, найдем еще. Мы можем наткнуться на тропу, ***иншалла***. Даже в центре Руб-аль-Хали есть тропы, и они могут вести от колодца к колодцу. Если же нет, то будем молиться. Вся наша надежда на то, что дождь шел не слишком давно. Иногда в углублении у подножия дюны можно найти сырой песок.

Я не торопился воспользоваться на деле знаниями скаута пустыни. От всех этих разговоров о воде мне захотелось пить еще больше, и я отвинтил крышку фляги.

— Во имя Аллаха, благого, милосердного, — сказал я и отхлебнул хорошенько. Мне доводилось видеть голограммы арабских кочевников, сидящих на песке, используя для тени вместо шатров натянутые между жердями кафии. Однако здесь не было даже жердей.

Ветер переменился, швыряя нам в лицо мелкий песок. Я последовал примеру Фридландер-Бея и улегся на бок спиной к ветру. Через несколько минут я сел, снял кафию и отдал ее ему. Он принял одежду, не сказав ни слова, но в его покрасневших глазах светилась благодарность. Папа надел головное покрывало, прикрыл лицо и снова лег, пережидая песчаную бурю.

Никогда в жизни я не был так беззащитен перед силами природы. Я все повторял себе: «Это, наверное, сон». Может, я проснусь в собственной постели, и мой раб Кмузу будет стоять рядом с большой кружкой горячего шоколада. Но слишком уж настоящим было обжигающее солнце, да и песок, набивавшийся мне в уши, в глаза, в ноздри и рот, вовсе не был похож на сон.

От всего этого меня отвлекли кровожадные вопли небольшой группы людей, появившихся из-за гребня дюны. Они спрыгивали с верблюдов и бежали к нам, размахивая винтовками и кинжалами. Более грязных, неотесанных дикарей я в жизни не видел. По сравнению с ними самые мерзкие подонки Будайина выглядели как воспитанные Джентльмены.

Я предположил, что это и есть Байт Табити, леопарды пустыни. Их главарем был высокий тощий человек с длинными сальными волосами. Он размахивал винтовкой и орал на нас. Я видел, что у него на верхней челюсти два зуба сломаны справа, а на нижней — слева. Похоже, он годами не лечился. И не мылся годами.

Но он был одним из тех, кому мы, видимо, должны были доверить наши жизни. Я посмотрел на Фридландер-Бея и едва заметно покачал головой. На случай, если они настроены положить нас на месте, вместо того чтобы проводить к воде, я достал свой церемониальный кинжал. Я не думал, что это оружие окажется эффективным против винтовок бедуинов, но больше у меня ничего не было.

Вожак подошел ко мне и ощупал мой богатый наряд. Он повернулся к своим и сказал что-то такое, отчего все шестеро разразились смехом. Я ждал.

Вожак посмотрел мне в лицо и нахмурился. Ударил себя в грудь.

— Мухаммад Муссалим бен-Али бен ас-Султан! — заявил он. Как будто я должен был знать его имя.

Я сделал вид, что это произвело на меня впечатление. Ударил себя в грудь и сказал:

— Марид аль-Амин.

Я использовал прозвище, которое дали мне бедные феллахи города. Оно означает «надежный».

Мухаммад широко раскрыл глаза. Снова повернулся к своей шайке.

— Аль-Амин, — уважительно произнес он. За тем его снова согнуло от смеха.

Другой Байт Табити подошел к Фридландер-Бею и встал над ним, глядя на старика.

— ***Аш-шейх***, — сказал я, давая вонючим кочевикам понять, что Папа — человек важный.

Мухаммад зыркнул на Папу, затем снова на меня. Быстро сказал несколько слов на каком-то неразборчивом диалекте, после чего его соплеменник оставил Папу в покое и пошел к своему верблюду.

Мы с Мухаммадом некоторое время пытались получить ответ каждый на свои вопросы, но его корявый арабский затруднял наше общение. Однако через некоторое время мы стали понимать друг друга довольно прилично. Я узнал, что Байт Табити получили приказ найти нас от шейха своего племени. Мухаммад не знал, как его шейх узнал о нас, но мы оказались именно там, где он указал, и вдалеке они слышали шум военного вертолета.

Я смотрел, как двое грязных бродяг грубо подняли Фридландер-Бея на ноги и повели его к одному из верблюдов. Хозяин верблюда ударил живот ное погонялом под коленки и крикнул что-то вроде «хирр, хирр!». Верблюд недовольно заревел и не выказал ни малейшего желания опускаться на колени. Папа что-то сказал Байт Табити, тот схватил повод и потянул животное вниз. Папа поставил ногу на шею верблюда, вскарабкался в седло, и тот поднял его.

Папе явно приходилось проделывать все это и раньше. Я же никогда в жизни не ездил на верблюде, и мне не хотелось пробовать это сейчас.

— Я пойду пешком, — сказал я.

— Прошу вас, молодой шейх, — сказал Мухаммад, улыбаясь своим щербатым ртом. — Иначе Аллах сочтет нас негостеприимными.

Я подумал, что вряд ли у Аллаха имеются иллюзии насчет Байт Табити.

— Я пойду пешком, — повторил я.

Мухаммад пожал плечами и взобрался на своего верблюда. Все пошли прочь от дюны, включая меня и того Байт Табити, который отдал своего верблюда Папе.

— Идемте с нами! — воскликнул вожак. — У нас есть еда, есть вода! Мы отведем вас в наш лагерь!

Я не сомневался, что они направляются в свой лагерь, однако у меня были серьезные сомнения насчет того, что мы с Папой доберемся туда живыми.

Человек, что шел рядом, наверное, понял, о чем я думаю, потому что повернулся ко мне и медленно подмигнул.

— Доверься нам, — с хитрецой посмотрел он на меня. — Теперь вы в безопасности.

«Да уж!» — подумал я. Нам ничего не оставалось, как идти с ними. А то, что случится с нами после того, как мы доберемся в лагерь Байт Табити, — один Аллах знает.

Несколько часов мы шли к югу. Наконец, когда я окончательно выдохся и в моей фляге не осталось воды, Мухаммад объявил привал.

— Сегодня будем спать здесь, — сказал он, указывая рукой на узкий проход между двумя грядами песчаных холмов.

Я был счастлив, что дневные тяготы окончены. Однако, сидя рядом с Папой и наблюдая, как бедуины ухаживают за своими животными, я вдруг подумал: «Странно, что они не стремятся до темноты присоединиться к своему племени. Их шейх послал их разыскать нас, и они прибыли через несколько часов после того, как нас вышвырнули из вертолета. Конечно, главный лагерь Байт Табити не мог быть далеко».

Они занимались своими делами, перешептывались друг с другом и показывали на нас, когда думали, что мы на них не смотрим. Я подошел к ним и предложил помочь разгрузить верблюдов.

— Нет-нет! — сказал Мухаммад, отрезая мне путь к животным. — Пожалуйста, отдыхайте! Мы сами позаботимся о поклаже.

Здесь было что-то не так. И Фридландер-Бей тоже это почувствовал.

— Мне эти люди не нравятся, — тихо сказал я.

Мы смотрели, как один из бедуинов горстями раскладывает финики по деревянным мискам. Другой кипятил воду для кофе. Мухаммад и прочие спутывали верблюдов.

— Они не выказали никаких признаков враждебности, — сказал я, — по крайней мере с тех пор, как бросились к нам, вопя и размахивая оружием.

Папа невесело рассмеялся:

Не думай, что они зауважали нас. Посмотри на того, кто делит финики. Ты же понимаешь, что тюки на спинах этих верблюдов нагружены куда более хорошей едой. Эти Байт Табити слишком жадны, чтобы делиться с нами. Они делают вид, что у них нет ничего, кроме старых, твердых как камень фиников. Потом, когда нас не станет, они приготовят себе кое-что получше.

— После того, как нас не станет? — спросил я.

— Я не верю, что в дневном переходе отсюда есть большой лагерь. И я не верю, что Байт Табити будут продолжать оказывать нам гостеприимство.

По спине моей прошел озноб, хотя солнце еще не село и дневная жара не ослабла.

— Вы боитесь, о шейх?

Он поджал губы и покачал головой:

— Я не боюсь этих тварей, племянник. Я настороже. Неплохо бы все время за ними присматривать, чтобы знать, что они собираются делать. Они не слишком умны, но их больше, и они знают эти места.

Наш разговор прервался, когда бедуин, за которым мы наблюдали, поднес нам по миске прогорклых фиников и по грязной фарфоровой чашке с жиденьким кофе.

— У нас нет ничего, кроме этой жалкой пищи, — сказал он бесцветным голосом, — но вы окажете нам честь, если разделите с нами трапезу.

— Да благословит вас Аллах за вашу щедрость, — сказал Фридландер-Бей. Он взял миску с финиками и кофе.

— Не знаю, как выразить свою благодарность, — сказал я, принимая свой ужин.

Бедуин ухмыльнулся, и я увидел, что у него такие же гнилые зубы, как у Мухаммада.

— Не стоит благодарности, о шейх, — ответил он. — Гостеприимство — это наша обязанность. Вы должны пойти с нами и научиться жить по-нашему. Как гласит пословица: «кто проживет в племени сорок дней, становится его членом».

Что за кошмарная мысль!

— ***Салам алейкум***, — сказал Папа.

— ***Алейкум ас-салам***, — ответил бедуин. Затем он понес миски своим соплеменникам.

— Во имя Аллаха великого, милосердного, — пробормотал я. Затем я положил один финик в рот. Надолго он там не задержался. Во-первых, он был весь в песке. Во-вторых, он был таким твердым, что я чуть зубы об него не сломал. «Наверное, — подумал я, — это те самые финики, которые сокрушили зубы Байт Табити». В-третьих, они воняли так, словно несколько

недель пролежали под дохлым верблюдом. Я подавился и выплюнул. Мне пришлось выполаскивать его вкус кофе, полным песка.

Фридландер-Бей тоже сунул финик в рот. Я смотрел, как он пытается сохранить невозмутимое выражение лица,

— Еда всегда еда, племянник, — сказал он. — В Пустой четверти нельзя быть привередливым.

Я понимал, что он прав. Стер песок с другого финика и съел его. После нескольких штук я привык к их гнилостному вкусу. Я думал только о том, что нужно подкрепиться.

Когда солнце сползло за край западной дюны, Фридландер-Бей снял ботинки и медленно встал на ноги. Моей кафией он подмел перед собой песок. Я понял, что он готовится к молитве. Папа открыл флягу и смочил руки. Поскольку в моей фляге воды больше не было, я встал рядом с ним и протянул руки ладонями вверх.

— ***Аллах йисаллимак***, племянник, — сказал Папа. — Да благословит тебя Аллах.

Закончив омовение, я повторил ритуальную формулу:

— Омываюсь по приказу очистить себя от нечистоты и для того, чтобы стать достойным искать близости с Аллахом.

Снова Папа вел меня в молитве. Когда мы кончили, солнце уже совсем село и на пустыню пала ночь. Мне казалось, я чувствую, как песок отдает тепло. Ночью будет холодно, а одеял у нас не было.

Я решил посмотреть, насколько можно положиться на лживое гостеприимство Байт Табити, и подошел к их маленькому костру из высушенного верблюжьего помета, у которого сидели шестеро этих бандитов.

— Вы молитесь Аллаху, — сказал с насмешливой ухмылкой Мухаммад. — Вы добрые люди. Мы вообще-то молимся, но иногда забываем.

Его соплеменники загоготали. Я не обратил на это внимания.

— Нам нужна вода для завтрашнего перехода, о шейх, — сказал я.

Может, я мог бы просить его и повежливее.

Мухаммад немного подумал. Отказать мне он не мог, но и расставаться с частью собственных припасов ему не хотелось. Он наклонился вперед и что-то прошептал одному из своих. Другой бедуин встал, принес козий бурдюк с водой и отдал его мне.

— Вот, брат мой, — сказал он с бесстрастным лицом, — да будет она тебе приятна.

— Мы в долгу перед тобой, — сказал я. — Мы только наполним фляги и вернем тебе оставшуюся воду.

Бедуин кивнул, затем протянул руку и коснулся моих щитковых розеток.

— Мой двоюродный брат хочет знать, что это такое, — сказал он.

Я пожал плечами.

— Скажи своему двоюродному брату, что я люблю слушать музыку по радио.

А, — сказал Байт Табити. Не знаю, поверил ли он мне. Он подошел ко мне, когда я наполнял наши с Папой фляги. Затем забрал у меня бурдюк и вернулся к своим.

— Эти сукины дети не пригласили нас к своему костру, — сказал я, садясь рядом с Папой на песок.

Он только рукой махнул.

— Это ничего не значит, племянник, — сказал он. — Теперь мне надо поспать. Будет лучше, если ты будешь бодрствовать.

— Конечно, о шейх.

Папа устроился поудобнее на плотно утоптанном песке пустыни. Я посидел еще немного, погрузившись в размышления. Вспомнил то, что Папа говорил о мести, и вынул из кармана галабейи бумагу, которую дал нам кади. Это была копия обвинения, приговор и приказ о нашей депортации. Он был подписан доктором Садиком Абд ар-Раззаком, имамом мечети Шимааль и советником эмира по интерпретации шариата или религиозному праву. Я был рад увидеть, что шейх Махали вроде бы не был причастен к нашему похищению.

В конце концов, я решил лечь и притвориться, что сплю, поскольку понял, что Байт Табити следят за мной. Я растянулся на песке неподалеку от Фридландер-Бея, но глаза закрывать не стал. Мне хотелось спать, но я не осмеливался. Если бы я заснул, то мог бы больше никогда не проснуться. В сотне ярдов от нас я видел изящно округленную вершину дюны. Эта дюна могла быть в двести футов вышиной, и ветер выветрил ее мягкими, волнообразными изгибами. Мне казалось, что на самом гребне дюны я вижу величавый кедр. Я понял, что это только мираж, или, может, я уже сплю.

Я спросил себя, как же кедр может расти в этом безводном месте. Единственным ответом может быть то, что за ним кто-то ухаживает. Кто-то решил, что тут должен расти кедр, и очень постарался, чтобы он тут вырос.

Я открыл глаза и понял, что на дюне никакого кедра нет. Может, это было видение, посланное Аллахом. Может, Аллах говорил мне, что я должен надеяться на лучшее, трудиться и упорно добиваться своего. Сейчас не время отдыхать.

Я приподнял голову и увидел, что Байт Табити лежат на

земле у костра, который прогорел до бледных, тлеющих углей. Одному из бедуинов было приказано стоять на страже, но он прикорнул у песчаной стены, откинув голову и открыв рот. Рядом на земле валялась винтовка.

Я был уверен, что все шестеро спят, но на всякий случай не шевелился. Еще час я ничего не делал, только следил, как мелькают секунды на моих часах. Когда я уверился в том, что Байт Табити погружены в глубокий сон, я быстро сел и тронул Фридландер-Бея за плечо. Он тут же проснулся. Мы взяли наши фляги и встали как могли тихо. Несколько мгновений я терзался желанием украсть еду и винтовки, но наконец понял, что приближаться к верблюдам или спящим бедуинам равносильно самоубийству. Вместо этого мы с Папой скользнули в ночь.

Мы долго шли на запад, прежде чем заговорить.

— Они будут нас преследовать? — спросил я.

Папа нахмурился:

— Не могу сказать, племянник. Может, они просто позволят нам идти куда угодно. Они уверены, что так или иначе мы умрем в пустыне.

Что было на это сказать? С этого момента мы сосредоточились на том, чтобы уйти как можно дальше, направляясь под прямым углом относительно пути, проделанного с бедуинами за день. Я молился о том, чтобы мы заметили тропу, если наткнемся на нее в ночи. Это была наша единственная надежда найти источник.

Мы шли по звездам уже два часа, когда Папа заявил, что ему надо остановиться и передохнуть. Мы шли по дюнам, которые тянулись с запада на восток, по направлению господствующих ветров. Западный склон каждой дюны был гладким и пологим, а восточный, на который нам приходилось взбираться, — высоким и крутым. Соответственно, мы делали большие крюки, перебираясь через каждую дюну по низкому склону. Путь наш был долгим и утомительным, мы шли зигзагами и сделали не больше двух миль. Так медленно передвигаются только песчаные куропатки.

Мы, тяжело дыша, сидели рядом у подножия огромного песчаного обрыва. Я открыл флягу и выпил глоток, прежде чем осознал, что вода солоноватая и щелочная.

— Хвала Аллаху, — простонал я, — нам повезет, если мы не умрем от этой воды еще до того, как нас убьет солнце.

Папа тоже выпил немного.

— Да, это не пресная вода, но в пустыне такой очень мало. Эту воду бедуины пьют почти всю жизнь.

Мне следовало знать, что жизнь у кочевников безнадежно

тяжелая, но я начал понимать, что недооценил их умение выживать в суровых условиях.

— Почему они не переселятся куда-нибудь? — спросил я, снова завинчивая флягу.

Папа улыбнулся:

— Это гордый народ. Они находят удовлетворение в том, что могут выжить здесь, в месте, которое для чужаков означает смерть. Они презирают изнеженность и роскошь городов.

— Да, ты прав. Роскошь в виде свежей воды и настоящей пищи.

Мы встали и пошли снова. Было около полуночи. Переходить через дюны было все так же тяжело, и через некоторое время я заметил, что Папа тяжело дышит. Меня встревожило его состояние. Да и мое собственное тело, непривычное к нагрузкам, стало отказывать.

Над нашими головами медленно вращалось звездное небо. Когда я посмотрел вверх, было уже половина первого. Может, мы прошли еще милю.

По оценке Папы, Руб-аль-Хали тянулась примерно на семьсот пятьдесят миль к западу и на триста к югу. Я подумал, что военный вертолет вытряхнул нас в самой середине, так что при скорости в одну милю в час мы могли бы выйти из Пустой четверти дней эдак через сорок семь. Если, конечно, за нами шел бы огромный караван со вспомогательным снаряжением и припасами.

Мы снова отдохнули, выпили еще немного горькой воды и сделали последний рывок за эту ночь. Мы оба слишком устали для того, чтобы разговаривать. Я опустил голову, чтобы спрятать лицо от ветра, который нес песок нам в лицо. Я просто продолжал ставить одну ногу перед другой. Я говорил себе, что, если Фридландер-Бей продолжает идти, значит, я пойду тоже.

Часам к четырем мы выдохлись и упали в полном изнеможении. До восхода оставалось еще около часа, но нечего было и спрашивать, идти ли нам еще этой ночью. Мы остановились под вертикальным склоном огромной дюны, которая давала нам хоть какую-то защиту от ветра. Там мы выпили столько воды, сколько могли, и приготовились уснуть. Я снял свое прекрасное королевское голубое одеяние и укрыл Папу. Затем свернулся клубочком в своей галабейе и забылся холодным беспокойным сном.

Я то просыпался, то засыпал, меня мучили беспорядочные, тревожные сны. Я почувствовал, как взошло солнце, и понял, что лучше всего будет проспать как можно дольше. Я натянул галабейю на голову, чтобы лицо и макушка не обгорели. Затем

убедил себя в том, что все прекрасно, и закрыл глаза.

Около десяти я понял, что больше спать не могу. Я чувствовал, как обгорают незащищенные участки кожи. Затем проснулся и Фридландер-Бей. Судя по его виду, он спал ничуть не лучше, чем я.

— Теперь нам надо помолиться, — сказал он-.

Его голос звучал как-то особенно хрипло. Он взял в ладони песку и отер им лицо и руки. Мы вместе вознесли Аллаху благодарность за то, что Он оказал нам защиту, и попросили, чтобы Он, ежели на то будет Его воля, помог нам пережить это испытание.

Каждый раз, как я молился вместе с Папой, душу мою наполняли мир и надежда. То, что я сейчас оказался затерянным в этой пустыне, каким-то образом открыло для меня смысл нашей веры. Мне бы не хотелось пережить такое же жестокое испытание, чтобы понять свою связь с Аллахом.

Когда мы закончили, мы выпили столько воды, сколько могли. Во флягах оставалось совсем немного, но мы не видели смысла обсуждать этот факт.

— Племянник мой, — сказал старик, — думаю, было бы разумно зарыться до вечера в песок.

Это предложение показалось мне безумным.

— Зачем? — спросил я. — Мы же запечемся, как пирог с ягнятиной!

— Чем глубже зарываешься в песок, тем он холоднее, — сказал он. — И кожу от ожога сохраним, и обезвоживание будет меньше.

И снова я заткнулся. Еще один урок. Мы вырыли неглубокие ямки и засыпали себя песком. Я, кстати, заметил, что это уж очень напоминает могилы. К моему удивлению, телу было очень приятно. Теплый песок успокаивал ноющие мускулы, и впервые с того времени, как нас схватили после праздника у эмира, я сумел расслабиться. Спустя некоторое время я слегка задремал под жужжание насекомых.

День тянулся медленно. Мне снова пришлось натянуть на голову галабейю, и потому я ничего не видел. Делать было нечего, разве что лежать, думать, строить планы да давать волю своей фантазии.

Через несколько часов я услышал низкий вибрирующий гул и перепугался. Я не представлял себе, что бы это могло быть, и подумал, что у меня в ушах звенит. Однако гул не утихал, он даже становился все громче.

— Вы слышите, о шейх? — спросил я.

— Да, племянник мой. Это пустяки.

Теперь я был уверен, что это завывание приближающегося самолета или вертолета. Хорошая это новость или нет? Звук становился все громче, пока не дошел чуть ли не до визга. Я не мог встать, не мог ничего увидеть, потому я высунул из песка руки и стянул с головы галабейю.

Вокруг ничего не было. Жужжание было такое, что вертолет должен был бы висеть прямо у нас над головами, но голубое небо было пустым.

— Что это? — озадаченно спросил я.

— Это, о мудрый, знаменитые «поющие пески». Мало кому удается это услышать.

— Эти звуки издавал песок? Он же ревел, как двигатель!

— Говорят, эти звуки получаются, когда один слой песка скользит по другому, вот и все.

Я чувствовал себя полнейшим дураком из-за того, что всполошился из-за какого-то жужжания, которое издавала песчаная дюна. Однако Папа и не думал смеяться надо мной, и я был ему за это благодарен. Я снова зарылся в песок и сказал себе, что не следует быть таким идиотом.

Около пяти мы вылезли из наших песчаных постелей и приготовились к ночным трудам. Мы помолились, выпили солоноватой воды и снова пошли на запад. После получаса ходьбы у меня возникла блестящая идея. Я вынул свои модики и вставил тот, который блокирует чувство жажды. И сразу же почувствовал прилив бодрости. Это была опасная иллюзия, поскольку тело мое теряло воду с прежней скоростью. И все же теперь я чувствовал, что могу идти дальше без воды, и отдал свою флягу Папе.

— Я не могу принять ее от тебя, племянник, — сказал он.

— Можете, о шейх, — сказал я. — Эта штучка не даст мне страдать от жажды ровно столько, сколько вам поможет продержаться эта фляга. Сами понимаете, если мы вскоре не найдем воду, мы умрем оба.

— Это верно, мой дорогой, но…

— Идемте дальше, дедушка, — ответил я.

Солнце садилось, и воздух начал остывать. Чуть позже мы остановились передохнуть и помолиться. Папа допил воду из одной фляги. Затем мы снова двинулись в путь.

Я начал чувствовать зверский голод и осознал, что, если не считать жалких фиников Байт Табити, последний раз я ел сорок восемь часов назад во дворце у эмира. Хорошо, что у меня был еще и модик, блокирующий чувство голода. Я вставил и его, и голодные колики в моем желудке утихли. Я понимал, что Папа, наверное, умирает с голоду, но с этим я поделать ничего не мог.

Я выбросил из головы все мысли, кроме той, как пройти через всю Пустую четверть.

Раз, забравшись на гребень высокой дюны, я обернулся и посмотрел назад. В бледном свете луны мне показалось, что за дальней дюной поднимается облако пыли. Я взмолился, чтобы это не оказалось погоней. Я хотел было показать это Фридландер-Бею, но не смог снова обнаружить облака. Может быть, оно мне почудилось. Обширная пустыня — самое место для галлюцинаций.

После второго часа ходьбы нам пришлось отдохнуть. Искаженное лицо Папы осунулось. Он открыл вторую флягу и осушил ее. Больше воды у нас не было. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга.

— Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, — тихо сказал Папа.

— И Мухаммед — пророк его, — добавил я. Мы встали и снова двинулись в путь.

Через некоторое время Папа упал на колени в приступе рвоты. Извергать ему было нечего, но спазмы были долгими и жестокими. Я надеялся, что он потерял не так много воды. Позывы к рвоте — первый признак сильного обезвоживания. Через несколько минут он слабо махнул рукой, показывая, что хочет идти дальше. С этого момента меня охватил страх, какого я в жизни не знал.

Теперь у меня уже не оставалось иллюзий: мы не выживем, разве что нас спасет чудо.

Мускулы начала сводить судорога, и мне в третий раз пришлось воспользоваться модиками. Я вставил тот, что блокировал боль, осознавая, что, если я доживу до избавления, состояние мое будет кошмарным. Как говаривала моя приятельница Чирига: «Расплата — сука».

Около полуночи, после того как мы еще раз отдохнули, Папа начал спотыкаться. Я подошел к нему и тронул за плечо. Он повернулся, «о взгляд его плыл.

— Что, сын мой? — спросил он. Голос его был хриплым, а слова неразборчивы.

— Как вы себя чувствуете, о шейх?

— Чувствую… странно. Я уже не голоден, и это хорошо, но у меня дико болит голова. Перед глазами яркие точки, я едва вижу то, что передо мной. И неприятное покалывание в руках и ногах. Дурные симптомы.

— Да, о шейх.

Он поднял на меня взгляд. Впервые за все время, что я его знал, у него в глазах показалась неподдельная печаль.

— Больше я не хочу идти.

— Да, о шейх, — сказал я. — Я понесу вас.

Он хотел было сопротивляться, но ничего не вышло. Я извинился, поднял его и перекинул через плечо. Без модиков, которые подавляли неприятные сигналы тела, идущие в мозг, я его и пятидесяти ярдов не протащил бы. Я шел вперед с радостным, абсолютно ложным ощущением того, что мне хорошо. Я не хотел есть, я не хотел пить, у меня даже ничего не болело. У меня был еще один модик, который я мог использовать в том случае, если бы меня начал одолевать страх.

Немного спустя я осознал, что Папа что-то возбужденно шепчет. Вытащить нас из этой переделки должен был я. Я просто стиснул зубы и пошел. Мой модифицированный мозг был до смешного уверен в том, что я выберусь живым из самой страшной пустыни в мире.

Ночь минула. Я упорно брел по волнистым пескам, словно робот. И все это время мое тело страдало от того же обезвоживания, как то, что свалило с ног Папу, и яд усталости накапливался в моих мускулах.

За моей спиной вставало солнце, я ощутил, как мне начало припекать спину и затылок. Я брел все утро. Папа больше не издавал ни звука. Один раз, около восьми, мои руки и ноги не выдержали. Я уронил Папу на песок и тяжело упал рядом с ним. Позволил себе немного отдохнуть. Я понимал, что довел себя до предела. Я подумал, что, может быть, мне станет лучше, если я немного полежу.

Наверное, я потерял сознание, поскольку, когда я в следующий раз посмотрел на часы, миновало два часа. Я встал, поднял Папу и перекинул его через плечо. Затем прошел еще немного.

Я шел, покуда снова не упал. Это уже походило на систему, и вскоре я окончательно потерял счет времени. Солнце вставало, солнце уходило. Вставало, уходило. Я понятия не имел, сколько умудрился пройти. Смутно помню, что сидел на склоне огромной дюны, поглаживал руку Фридландер-Бея и плакал. Я сидел там долго, и вдруг мне показалось, что я слышу, будто кто-то зовет меня по имени. Я поднял Папу и пошел на голос, спотыкаясь.

На сей раз я ушел недалеко. Пересек две, может, три дюны, и мышцы снова подвели меня. Я лежал, наполовину уткнувшись лицом в горячий красный песок. Уголком глаза я видел ногу Папы. Я был совершенно уверен в том, что больше не встану.

— Прибегаю к защите… — пробормотал я. Закончить не хватило слюны. «Прибегаю к защите Владыки Миров», — мысленно произнес я.

И снова отключился. Когда я очнулся в следующий раз, то увидел ночь. Видимо, я был еще жив. Надо мной склонился человек с суровым лицом, на котором выделялся крючковатый нос. Я не знал, кто он, не знал, существует ли он на самом деле. Он что-то сказал мне, но я не понимал его слов. Он смочил мне губы водой, и я попытался вырвать у него козий бурдюк, но руки не слушались меня. Он еще что-то сказал. Затем коснулся моих розеток.

Я с ужасом понял, что именно он пытается сделать.

— Нет! — прохрипел я. — Пожалуйста, во имя Аллаха, не надо!

Он убрал руку и еще несколько секунд рассматривал меня. Затем открыл кожаный мешок, вынул оттуда старинный одноразовый шприц и флакон с какой-то жидкостью и сделал мне укол.

Чего я действительно хотел, так это кварту чистой свежей воды. Но и доза соннеина — тоже хорошо.

Глава 5

Теперь я помнил все, что произошло с момента нашего похищения до того, как нас спасли Бани Салим. Однако память о нескольких днях, наверное, навсегда исчезла для меня в мареве бреда. Шейх Хассанейн успокоил меня, затем вынул все модики. Мой разум и тело поглотила волна дикой боли. Я был рад, что Хассанейн держал меня в отключке с помощью соннеина, пока я не стал выздоравливать.

Когда поутру я сел и потянулся, Нура уже бодрствовала. Несколько секунд я не мог понять, где я. Передний и задний пологи шатра из козьей шерсти были откинуты, и внутрь задувал свежий теплый ветерок. Я склонил голову и помолился: «Да будет день этот счастливым, охрани нас от зла!»

Да благословит тебя Аллах, о шейх, — сказала Нура. Она подошла ко мне поближе. В руках ее была чашка верблюжьего молока и тарелка с хлебом и хуммусом — пастой из нута и оливкового масла.

— ***Бисмилла***, — пробормотал я, отламывая кусок хлеба. — Да будет удачен день твой, Нура. — С волчьим аппетитом я набросился на завтрак.

— Я рада видеть, что у вас снова появилась охота к еде. Не принести ли вам еще?

Рот у меня был набит, потому я только кивнул. Нура вышла из шатра за второй порцией. Я несколько раз глубоко вздохнул и попробовал пошевелить конечностями. Мускулы по-прежнему ныли, но я чувствовал, что вскоре смогу встать. Я вспомнил, как Хассанейн говорил мне, что Бани Салим скоро нужно будет искать для животных Другое пастбище. Перспектива протопать с ними пару сотен миль не слишком вдохновляла меня, потому я решил, что пришло время научиться ездить на верблюде.

Нура вернулась с другой тарелкой хлеба и хум-муса, и я набросился на еду.

— Старый шейх придет к вам, когда вы поедите, — сказала она.

Я был рад это слышать. Мне хотелось посмотреть, как Фридландер-Бей перенес наше испытание. Хотя оно еще не кончилось. Нам еще нужно было пройти долгий и тяжелый путь. Единственным различием было то, что теперь мы пойдем с Бани Салим, а они знают тут все источники.

— Нам с Папой надо поговорить, — сказал я.

— Вы должны обдумать план вашей мести.

— Что ты об этом знаешь? — спросил я.

Она улыбнулась. Только тут я понял, что она больше не прикрывает лицо накидкой.

— Вы много раз говорили мне об эмире, кади, имаме и шейхе Реда. Большую часть времени вы что-то бормотали, но я достаточно много поняла из ваших речей. А старый шейх рассказал мне почти то же самое.

Я поднял брови и подобрал куском хлеба остатки хуммуса.

— И что, по-твоему, нам следует делать?

Лицо ее стало торжественным.

— Бедуины держатся мести. Это стало неотъемлемой частью нашей религии. Если вы не вернетесь в город и не убьете тех, кто умышлял против вас, то Бани Салим не будут больше вам друзьями. Я чуть было не рассмеялся:

— Даже если нам придется убить такого уважаемого человека, как имам? Даже если его любят феллахи нашего города? Даже если он славится добротой и щедростью?

— Значит, он имам с двумя лицами, — сказала Нура. — Для некоторых он, может быть, мудрый почитатель Аллаха, добрый к своим братьям во Исламе. Но вам он причинил зло, значит, у него развращенная душа. Он взял деньги от вашего врага и несправедливо осудил невинных людей на изгнание и верную смерть. Второе лицо его говорит о том, что первое лживо и что оно ненавистно Аллаху. Вы должны отплатить ему за предательство так, как того требует обычай.

Ее горячность испугала меня. Я не понимал, почему это дело, касающееся меня и Папы, с одной стороны, и доктора Абд ар-Раззака — с другой, так сильно волнует ее. Она заметила, что я рассматриваю ее, вспыхнула и прикрыла лицо покрывалом.

— Обычаи бедуинов могут оказаться незаконными в городе, — сказал я.

Глаза ее вспыхнули.

— Что такое «законный»? Есть только праведное и неправедное. Существует сказка о злом имаме в колодце, которую бедуинки рассказывают своим детям.

Нура, если на место имама поставить того, кто причинил нам зло, то эта история называлась бы «ответчик в колодце», так ведь?

— Я даже не знаю, что такое ответчик, — сказала она. — Слушай же. Может, жил на свете, а может, и нет, злой имам в Ашшаме, который вы называете Дамаском, в те времена, когда других городов на свете не было. Бедуинам не нужны имамы, потому что каждый из них молится Аллаху сам и не доверяет молиться за себя другому. Слабым горожанам нужна помощь имама, потому что они забыли, как самим находить себе воду и добывать еду, потому им приходится зависеть от людей, которые

им все это доставляют. Потому им приходится зависеть и от имама, чтобы найти путь к Аллаху.

Итак, многие из жителей Аш-шама все же думали, что злой имам мудр и добр, поскольку он наставлял всех, кто слушал его, давать деньги нуждающимся братьям. Но сам имам ни монетки не дал из своих денег, поскольку стал очень жаден. Он любил золото так, что продался одному из самых развращенных и честолюбивых людей города.

Когда проведал Аллах о том, что сердце имама стало черным, послал Он одного из ангелов Своих на землю. Ангелу дано было повеление забрать имама в пустыню и держать его там, чтобы он больше не смог никого из людей вести неправедным путем. Ангел нашел имама в его тайной сокровищнице, когда тот перебирал кучи золотых и серебряных монет. Ангел наложил на имама заклятье, и тот уснул.

Ангел взял злого имама, положил его на ладонь и унес в самое сердце Руб-аль-Хали. Имам ничего не знал об этом, потому что все еще крепко спал. Ангел сделал глубокий-глубокий колодец и опустил имама на самое дно, где не было ничего, кроме самой горькой и грязной воды на свете. И тогда ангел разбудил имама.

«***Йа Аллах!*** — вскричал злой имам. — Где я и как я сюда попал?»

«Слишком поздно взывать к Аллаху, о сын Адама», — сказал ангел. Суровый голос его прозвучал как раскат грома, и стены вокруг содрогнулись.

«Выпусти меня, — в страхе сказал имам, — и я обещаю исправиться! Сжалься надо мной!»

Ангел покачал головой, и из глаз его вырвались ужасные молнии.

«Не мне осуждать или миловать тебя. Единственный Судия уже вынес свое решение. Подумай о своих делах и исправь душу свою, поскольку тебе все же предстоит встретиться с Господином твоим в День Суда».

Затем ангел ушел и оставил злого имама одного.

Настал день, когда тот человек, кто сменил имама, по имени Салим, прародитель нашего племени, в странствиях своих набрел на этот колодец. Салим не знал злого имама и отличался от него, как луна от солнца. Молодой человек был истинно добр и щедр, и его очень любили все люди Аш-шама, которые избрали его имамом, признавая его добродетели.

Когда Салим наклонился, чтобы посмотреть в колодец, он испугался, увидев там огромное количество живых тварей, что упали туда и оказались в заточении вместе со злым имамом.

Животные взмолились к нему, чтобы он освободил их из глубокого колодца. Салим был так тронут мольбами, что снял свою кафию и опустил ее в темную дыру.

Первым животным, которое выбралось наверх по кафии, была ящерица, которую бедуины называют Абу Куруш, или Отец монет, поскольку конец хвоста ящерки плоский и круглый. Абу Куруш был так благодарен за свое спасение, что оторвал кусок своей шкуры и отдал ее Салиму со словами: «Когда ты будешь в беде и тебе понадобится помощь, подожги эту шкуру, и я приду к тебе». Он побежал было прочь по горячим пескам, но обернулся и крикнул Салиму: «Берегись того сына Адама, что сидит в колодце! Это злой человек, и ты должен его там оставить!»

Следующим созданием, которого спас Салим, была волчица. Волчица была рада так же, как и ящерица. Она вырвала два своих уса и дала их Салиму. «Если ты окажешься в таком же месте, как и то, откуда ты меня вытащил, то сожги эти усы, и я приду к тебе». Она пошла прочь и тоже крикнула ему на прощанье: «Знай, о человек, что тот сын Адама, который сидит в колодце, — самый злой на свете».

Салим вытащил всех животных и выслушал их предупреждения. Он обернул было кафию вокруг головы, но тут его соотечественник, злой имам, закричал душераздирающим голосом:

«Как ты можешь выручить всех этих тварей, а меня оставить умирать здесь, в черной яме? Разве не братья мы согласно святым словам Пророка, да будет благословение Аллаха на нем и народе его?»

Салим разрывался между желанием послушать предостережения животных и порывами своей доброй души. Он решил, что незримый узник тоже человек, как и он сам, и снова опустил кафию в колодец. Он освободил злого имама и пошел своим путем. Спустя много недель он снова вернулся в Аш-шам.

— Это прекрасная история, Нура, — позевывая, сказал я, — но, похоже, конца ей не будет, а я помню, что Бани Салим вскоре придется двинуться к следующему колодцу. И уж конечно ты не хочешь, чтобы верблюды и козы умерли от голода, пока ты будешь плести прекрасные бедуинские сказки. Нура вздохнула.

— Я быстро закончу, — сказала она.

Я понял, что она действительно любит рассказывать истории. Наверное, с моей стороны было нелюбезно прерывать ее, но мне показалось, что она пытается придать сказке особый смысл. Если она хотела изречь некую мудрую мысль, могла бы изложить ее так же полно в пятнадцати словах, как и в пяти тысячах.

Конечно, я понимал, что в этой истории под Салимом

подразумевался я, а под злым имамом — доктор Абд ар-Раззак. Мне показалось, что я могу угадать и то, что случится дальше.

Значит, с Салимом случилась какая-то беда по вине злого имама, и ему пришлось позвать на помощь волка и ящерицу.

На самом деле, — сказала она, пытаясь опередить меня, — сначала с Салимом ничего дурного не случилось. Он сжег шкурку ящерицы, и, прежде чем последний завиток серого дыма исчез в небе, Абу Куруш появился перед ним.

«Чего ты желаешь?» — спросила ящерица. «Я хочу быть богатым, как царь», — сказал Салим.

«Это просто сделать. Поступай так, как я скажу тебе. Возьми корзину, в которой твой слуга приносит хлеб, и выстави ее сегодня ночью за городские ворота. Затем ты должен встать до рассвета и забрать ее».

Салим сделал так, как ему сказали, и оставил пустую корзину перед стенами царского дворца.

Когда он утром пришел за ней, она была полна золота.

— Так Салим попал в переделку? — спросил я.

Нура нетерпеливо махнула рукой:

— Подождите, подождите! Несколько дней Салим жил спокойно. Он ел лучшую в городе еду, купил себе новую одежду, наслаждался всеми радостями Аш-шама, которые дозволяет Аллах. Однако через некоторое время царь заметил, что исчезла часть его сокровищ. Он был оскорблен и разгневан и издал приказ: «Тот, кто отыщет грабителя, получит в жены прекрасную дочь царя и полцарства в придачу!»

Когда было объявлено о награде, многие мудрые и хитрые люди пришли посмотреть на царские кладовые. Все они были озадачены, и все без исключения говорили царю, что человек не мог бы проникнуть в сокровищницу и похитить оттуда золото. Наконец самый умный сказал, что в сокровищнице надо насыпать побольше сухих пальмовых листьев. Царь не стал пускаться в расспросы, а просто сделал так, как советовал умный человек. Затем умный человек поджег листья и вывел царя и его слуг из здания. Через несколько минут все увидели черную струйку дыма, выходящую из маленькой дырки в основании дворцовой стены. Умный человек подошел, внимательно рассмотрел землю в этом месте и увидел на ней маленькие следы. «Смотрите, ваше величество! — сказал он. — Вор — не человек, а ящерица!»

Но царь, который был человеком горячим, подумал, что умник обманывает его, и приказал увести его и обезглавить. Так пришел конец умному человеку.

— Это что — мораль специально для меня? — спросил я.

Нура улыбнулась:

— Нет, история еще не окончена. И умный человек тут вовсе ни при чем. Я даже не дала ему имени. Короче, весть обо всем этом разнеслась по городу Аш-шаму, пока не достигла слуха злого имама. Злой имам понял, что может получить руку царской дочери и полцарства, поскольку тоже слышал слова Абу Куруша. Он побежал в приемную царя и вскричал: «Этот вор — твой собственный имам, Салим!»

Царь усомнился в том, что это правда, но послал солдат к дому Салима, где они и нашли остальное золото. Они схватили Салима и в цепях увели в самое глубокое, самое грязное подземелье. Салим знал, кто мог его выдать, и проклял свою глупость, что не послушал предостережений и освободил злого имама.

Салим томился в своей мрачной камере один день и одну ночь, а затем вспомнил о словах волчицы. Он достал волчий ус и поджег его. В мгновение ока она появилась перед ним.

«Чего ты желаешь?» — спросила она.

«Я хочу, чтобы ты освободила меня из этой ужасной темницы, как я освободил тебя из колодца», — сказал Салим.

«Вечером ты будешь свободен», — сказала волчица, протиснулась под дверью камеры и исчезла.

Прошло много часов, и вот настал самый темный час ночи. Внезапно из комнат юного сына и наследника царя раздались вопли ужаса. Царь вбежал в комнату и увидел, что волчица держит своими острыми, длинными клыками ребенка за голову. Как только царь, его воины или советники пытались приблизиться, волчица громко и яростно рычала. Никто не мог помочь юному царевичу.

Весть разнеслась по дворцу. Тюремные стражники громко ее обсуждали, и Салим услышал их слова.

«Отведите меня к царю, — сказал он, — и я спасу царевича».

Стражники рассмеялись в ответ, говоря, что храбрейшие из них ничего не смогли сделать, так что может сделать этот простой проповедник? Наконец Салим уговорил стражей привести его к царю. Они поспешили к комнате ребенка. Как только Салим вошел, волчица начала вилять хвостом и повизгивать, словно собака, что радуется при виде хозяина.

«Волчица уйдет, не причинив царевичу вреда, — сказал Салим, — если дать ей сердце бывшего имама Аш-шама».

Царь приказал солдатам поторопиться, и те быстро побежали в город и разыскали злого имама. Они схватили его, притащили во дворец и отрубили ему голову. Затем разрубили ему грудь, вырвали сердце и положили его в золотую чашу. Салим поставил золотую чашу перед волчицей. Та лизнула ему руку, взяла в пасть

сердце злого имама и убежала прочь из дворца. Царь был так рад, что простил Салима и дал ему в жены свою дочь!

Я немного подождал, чтобы удостовериться в том, что история, наконец, окончена.

— Значит, я должен вырвать сердце у доктора Садика Абд ар-Раззака? — спросил я.

— Да, и скормить его псам! — гневно сказала Нура.

— Даже если в городе уже давно ничего такого не делают? Во всяком случае с теологами. Не с Гитлером или Ксарди-ханом.

Нура озадаченно посмотрела на меня.

— А кто они такие? — спросила она. Я улыбнулся:

— Не бери в голову.

Она взяла пустую тарелку и чашку и вышла из шатра. Почти сразу же вошел Фридландер-Бей. Он сел на песок рядом со мной и стиснул мою руку.

— Как себя чувствуешь, дорогой мой? — спросил он.

Я был рад его видеть.

— На все воля Аллаха, о шейх, — сказал я.

Он кивнул.

— Лицо твое обгорело на солнце и обветрилось. А что стало с твоими руками и ногами после того, как ты меня нес! — Он покачал головой. — Я приходил к тебе каждый день, даже когда ты лежал без сознания. Я видел, как ты страдаешь.

Я испустил глубокий вздох:

— Это было необходимо, дедушка.

Он снова кивнул:

— Я пытаюсь выразить свою признательность. Всегда…

Я поднял свободную руку: — Пожалуйста, о шейх, не надо создавать неловкости нам обоим. Не благодарите меня. Я сделал то, что мог для спасения наших жизней. Любой сделал бы то же.

— И все же ты измотался сверх всякой меры, ты поставил под угрозу свой разум и свою жизнь ради меня. Я устроил тебе эти проклятые имплантаты, я сделал тебя моим оружием. А ты отплатил мне бесконечной отвагой. Мне стыдно.

Я закрыл глаза на несколько секунд. Если бы эта сцена продлилась еще немного, это стало бы так же невыносимо, как то путешествие по пустыне.

— Я не хочу больше об этом говорить, — сказал я. — У нас нет времени для эмоций. Единственная наша надежда выжить в этой заварухе и вернуться в город, чтобы вернуть себе положение, состоит в том, чтобы сосредоточиться на плане действий.

Папа почесал подбородок, на котором серая щетина уже превратилась в неровную бородку, и задумчиво пожевал губу. Он явно принял какое-то решение, поскольку с этой минуты снова

стал прежним Фридландер-Беем, которого мы все в Будайине знали и боялись.

— Бани Салим нам бояться нечего, — сказал он.

— Хорошо, — отозвался я. — Но я не знаю, где они стоят.

— Они взяли на себя заботу о нас, пока мы не доберемся до Мугшина. С нами будут обращаться как с почетными гостями и выказывать всяческое уважение. Мы должны постараться не слишком злоупотреблять их гостеприимством, поскольку они будут отдавать нам свою еду, даже если будут из-за этого голодать. Я не хочу, чтобы такое случилось.

— Я тоже, о шейх.

— Я никогда раньше не слышал о Мугшине и думаю, что это всего лишь кучка хижин и шатров вокруг большого источника к югу отсюда. Мы ошиблись, думая, что сержант в Наджране приказал выбросить нас в середине Пустой четверти. Вертолет залетел гораздо дальше, чем мы думали, и нас выбросили в северо-восточной части Песков. — Я нахмурился. — Так бедуины называют эту огромную пустыню, — объяснил Папа. — Они никогда не слышали названия Руб-аль-Хали.

— Не все ли равно, где нас выбросили, — сказал я. — Если бы нас не подобрали Бани Салим, мы давным-давно бы умерли.

— Нам следовало идти в другую сторону, к востоку. Мы ближе к Оману, чем к западной границе.

— Да мы и до Омана не добрались бы. Мы все еще собираемся ехать с Бани Салим на юг?

— Да, племянник мой. Мы можем им доверять. Это в нашем положении значит больше, чем время или расстояние.

Я осторожно подтянул колени: только чтобы посмотреть, работают ли ноги. Ноги слушались, и я был рад этому, хотя после двух недель усиленного отдыха они были словно ватные.

— Вы подумали, что мы будем делать, когда доберемся до Мугшина?

Он смотрел поверх моей головы, как будто издали видел Будайин и наших врагов.

— Я не знаю, где находится Мугшин, и даже шейх Хассанейн не может мне этого показать. У Бани Салим нет ни карт, ни книг. Некоторые из бедуинов уверяли меня, что от Мугшина через горы можно добраться до приморского города Салалы. — Папа коротко усмехнулся. — Они говорили о Салале так, словно это прекраснейшее место на земле, что там всяческая роскошь и удовольствия.

— Горы, — с несчастным видом сказал я.

— Да, но небольшие. К тому же Хассанейн обещал найти нам в Мугшине надежного проводника.

— А затем?

Папа пожал плечами:

— Как только мы доберемся до побережья, мы сможем отправиться кораблем до города с посадочной площадкой для суборбиталок. По дороге мы должны быть чрезвычайно осторожны, потому что за нами будут шпионить…

Вернулась Нура. На сей раз она принесла какую-то одежду.

— Это вам, шейх Марид, — сказала она. — Не соизволите ли вы надеть чистую одежду и пройти со мной?

Не хотелось заставлять работать мои ноющие мускулы, но отказаться не мог, Папа встал и вышел из шатра. Нура вышла вслед за ним и опустила передний и задний пологи, чтобы я мог спокойно одеться.

Я медленно встал, готовый отложить попытку на следующий день, если почувствую острую боль. Встряхнул чистую одежду. Во-первых, здесь была потертая набедренная повязка, и я быстро обернул ее вокруг себя. Я не знал в точности, как носят ее мужчины Бани Салим, и, похоже, мне этого не покажут. Сверху я надел длинный белый халат, который бедуины называли ***тоб***. Бедняки в городе носили что-то очень похожее, и я знал, что Фридландер-Бей часто надевал такое одеяние, демонстрируя свое происхождение. Поверх тоба я надел длинную белую распашную рубаху с широкими длинными рукавами. Здесь была и чистая хлопковая кафия для головы, но мой акаль где-то потерялся. Я обернул голову покрывалом и подоткнул концы на манер южных бедуинов. Затем натянул свое ныне потертое и выцветшее в странствиях голубое одеяние, которым так восхищались Байт Табити. Среди одежды не было сан-Далий. Я понял, что мне придется идти босиком.

Приятно было чувствовать себя снова одетым и готовым к действию. Когда я выходил из шатра, меня несколько занимало то, как я выгляжу, поскольку моя одежда делала меня похожим на богатого шейха из упадочного, хрупкого мира Руб-аль-Хали. Я сознавал, что все люди в лагере смотрят на меня. Меня ждали Фридландер-Бей, Нура и ее дядя Хассанейн. Шейх Бани Салим широко улыбнулся мне в знак приветствия.

— Вот, — сказал он, — твои вещи. Я взял их ради сохранности. Я боялся, что некоторые из молодых могут соблазниться и похитить их. — Он дал мне мои сандалии, церемониальный кинжал и коробочку с модиками и училками. Я был невероятно рад получить все это назад.

— О шейх, — сказал я Хассанейну, — ты оказал бы мне великую честь, если бы принял этот дар. Это лишь небольшое возмещение того, что мы тебе задолжали.

Я подарил ему свой прекрасный драгоценный кинжал. Он взял его и принялся рассматривать. Несколько мгновений он не мог произнести ни слова.

— Клянусь очами моими, — наконец сказал он, — такой кинжал не по мне! Этот дар достоин благородного князя или царя!

— Друг мой, — сказал Папа, — ты благороден, как любой князь в этой стране. Прими его. У этого кинжала долгая история, и он достоин тебя.

Хассанейн не стал рассыпаться в благодарностях. Он просто кивнул мне и опоясался тканым поясом. По обычаю бедуинов он носил кинжал впереди, на животе. Он больше ничего не сказал, но я видел, что подарок ему понравился.

Мы медленно шли между черных шатров из козьей шерсти. Я видел, как люди поворачивались к нам. Даже женщины, занимавшиеся повседневной работой, бросали на нас короткие взгляды, когда мы проходили мимо. Неподалеку мальчишки гнали верблюдов и коз к низким кустарникам. Это был не лучший корм для животных, но в таком заброшенном месте выбирать не приходится. Лагерь состоял из дюжины шатров. Земля вокруг Бир-Балаг была такой же, как та, по которой мы шли с Папой. Здесь не было ни тенистых деревьев, ни финиковых пальм. В низине между двумя грядами дюн всего-то и было хорошего, что широкая одинокая дыра в земле. Колодец. Когда к таким колодцам приходил путник, ему приходилось несколько часов раскапывать его, поскольку движущиеся пески быстро его забивали.

Теперь я понял, в каком беспомощном положении оказались бы мы с Папой, даже если бы наткнулись на такую грязную дыру. Вода зачастую лежала в десяти футах или глубже, и ни веревок, ни корзин тут не было. Каждый странствующий бедуин возил с собой собственную веревку для добывания жизненно необходимой воды. Даже если бы Аллах послал нам удачу и мы нашли бы один из этих солоноватых источничков, мы все равно могли бы умереть от жажды.

От этой мысли меня пробрала дрожь, и я пробормотал благодарственную молитву. Затем мы четверо продолжили путь. В одном из ближайших шатров отдыхали и пили кофе из маленьких чашечек, чуть побольше наперстка. Это было обычным времяпрепровождением мужчин в лагере. Один из них увидел меня и что-то сказал, выплеснув свой кофе на землю. Его приятели заволновались, он вскочил на ноги и бросился ко мне, бешено вопя и размахивая руками.

— В чем дело? — спросил я Хассанейна.

Шейх шатнулся вперед, чтобы остановить разъяренного юношу.

— Это наши гости, — сказал Хассанейн. — Замолчи или ты всех нас обесчестишь.

— Это он нас бесчестит! — закричал взбешенный бедуин и показал на меня длинным костлявым пальцем. — Он творит это прямо у тебя под носом! Он пытается совратить ее! Он обольщает ее грязными соблазнами! Он — не правоверный мусульманин, да будет проклята нечистая вера его отцов! Ему наплевать на нее, он погубит ее и бросит, чтобы вернуться к своему гарему, к своим развратным женщинам!

Хассанеину не удалось утихомирить молодого человека — тот продолжал вопить и потрясать кулаком. Я старался не обращать на него внимания, но вскоре вокруг нас собралось все племя. События быстро выходили из-под контроля.

Нура побледнела. Я поймал ее взгляд. Она отвернулась. Я испугался, что она сейчас расплачется.

— Ведь это Мусаид, твой тайный обожатель? — спросил я. — Так?

Она беспомощно посмотрела мне в лицо.

— Да, — тихо сказала она. — И теперь он решил убить тебя.

Я подумал, насколько лучше было бы, если бы я тогда отклонил предложение шейха Махали и вместо этого просто пошел и напился…

Глава 6

Я смотрел, как Бани Салим сворачивают лагерь. Это не заняло у них много времени. У каждого в племени было собственное дело, и каждый справлялся с ним быстро и эффективно. Даже мрачный Ибрагим бен-Мусаид, который утихомирился и больше не настаивал на том, чтобы убить меня тут же на месте, навьючивал тюки на верблюдов.

Это был смуглый, задумчивый молодой человек лет двадцати, с длинным узким лицом. Как некоторые из младших Бани Салим, он не носил кафии, и лицо его было обрамлено косматыми сальными волосами. Его верхняя челюсть выдавалась вперед, придавая лицу досадно глупое выражение, но черные глаза под клочковатыми бровями горели ярко.

Отношения между ним и Нурой были, казалось, куда сложнее, чем я думал вначале. Дело было не в безответной любви, что для замкнутого общества Бани Салим уже было тяжелым случаем. Хассанейн рассказал мне, что Мусаид был сыном одного из двух братьев шейха, а Нура — дочерью другого. По обычаю Бани Салим, девушка с колыбели считается помолвленной со своим старшим кузеном и не имеет права выйти за кого-либо другого, если тот не отпустит ее. Бен-Мусаид не собирался этого делать, хотя Нура ясно дала ему понять, что хочет выйти за другого юношу, по имени Сулейман бен-Шариф.

Я лишь усугубил дело, поскольку бен-Мусаид обратил против меня всю свою ревность. Я догадывался, что я более доступная цель, чем бен-Шариф, поскольку был чужаком, да еще и ослабленным цивилизацией. Бен-Мусаид ясно дал мне понять, что он возмущен тем, что Нура проводила со мной много часов, особенно по ночам, пока я выздоравливал. Ему было наплевать, что большую часть времени я пролежал без сознания. Он любыми способами старался намекнуть на непристойность такого поведения.

Однако этим утром не было времени на ссоры. Верблюды лежали на земле, покуда Бани Салим навьючивали на них свернутые шатры, тюки с пожитками и припасы. Воздух был полон громкого фырканья и рева верблюдов, понимавших, что творится, и выражавших свое единодушное недовольство. Некоторые животные вертели головами и толкали своих владельцев, которые пытались приладить им на спину узлы, и тогда бедуинам приходилось быстро отскакивать.

Наконец все было разделено и надлежащим образом погружено и мы были готовы к путешествию. Бен-Шариф,

приятель Нуры, подвел мне маленькую верблюдицу по имени Фатма. В стаде бедуинов было несколько дюжин верблюдов, но самцов среди них оказалось только три. Бен-Шариф объяснил мне, что они продали или съели остальных самцов, поскольку не могли кормить тех животных, что не давали взамен молока.

Я увидел, как один из бедуинов вскочил на двинувшегося верблюда. Он сделал это, взобравшись по одной из передних ног животного, стиснув ее ступнями выше колена. Подтянувшись, он перелез через шею верблюда и вскарабкался в седло.

Я не был готов совершить подобный подвиг, и потому ждал, пока бен-Шариф уложит Фатму, постукивая ее погонялом по коленям, покрикивая «хирр, хирр!». Затем я неуклюже заполз в покрытое овечьей шкурой деревянное седло. Бен-Шариф поднял животное на ноги и дал мне поводья и погоняло. Я увидел, что Фридландер-Бею помогли взобраться на другую верблюдицу.

Во имя Аллаха, благого, милосердного! — воскликнул шейх Хассанейн и повел Бани Салим к югу, прочь от Бир-Балаг.

— ***Аллаху акбар!*** Велик Аллах! — закричали его соплеменники.

И мы отправились в трехдневное путешествие к Кхабе, следующему источнику.

Папа ехал на своем верблюде слева от меня, а Хиляль, один из двух Бани Салим, что нашли нас в пустыне, ехал справа. Ехать было не слишком-то удобно, и я не мог себе представить, как проведу в седле все три дня до Кхабы, если не считать еще двух недель, что придется путешествовать до Мугшина.

— Как себя чувствуешь, племянник? — спросил Папа.

— Ненавижу езду, — простонал я.

— Эти седла не так удобны, как у северных бедуинов. Сегодня ночью мускулы у нас будут болеть.

— Смотри, — сказал Хиляль, — мы сидим не так, как городские. Мы стоим на коленях.

Действительно, он стоял на коленях на спине верблюда. Мне, втиснутому в деревянное седло и дрожавшему за свою драгоценную жизнь, было достаточно трудно держать равновесие. Если бы я попытался встать на колени, как Хиляль, я бы свалился с седла и полетел на землю с высоты десяти футов прямо под ноги следующему верблюду. И тогда вдобавок к ноющей спине я имел бы еще и сломанную шею.

— Может, мне лучше слезть и идти пешком? — сказал я.

Хиляль усмехнулся, сверкнув крепкими белыми зубами.

— Будь веселее, брат мой! — сказал он. — Ты жив, и ты среди друзей!

Мне раньше не приходилось бывать среди таких веселых

людей, как бедуины. Они пели всю дорогу от Бир-Балаг до Кхабы. Думаю, им просто нечем больше было заняться. То и дело один из молодых подъезжал к кому-нибудь из своих двоюродных братьев, и они состязались в борьбе, сидя верхом на спинах верблюдов: пытались сбросить друг друга наземь. Похоже, их не пугала возможность переломать себе кости.

Часа полтора спустя мои шея, спина и ноги начали ныть. Я не мог как следует выпрямиться и понял, что от этого будет только хуже. Тут я вспомнил о своих модиках. Сначала я не решался снова вставить блокировщик боли, но потом сказал себе, что опасно лишь злоупотребление. Я взял модик и вставил его, пообещав себе, что выну его сразу же, как только отпадет необходимость. С этой минуты езда на верблюде стала менее напряженной. Но не менее утомительной.

Остаток дня я чувствовал себя очень хорошо. Более того, я чувствовал себя непобедимым. Нас выбросили в Руб-аль-Хали — но мы выжили. С помощью Бани Салим, естественно. И теперь мы возвращались для того, чтобы отомстить Реда Абу Адилю и его ручному имаму. Я еще раз увидел, что Фридландер-Бей человек мужественный и честный. Я сомневался, что теперь он когда-нибудь решит ударить по моему болевому центру для того, чтобы заставить меня сотрудничать. Пусть сейчас в мире все стояло вверх дном, я был уверен, что все вскоре станет на свои места.

Я чувствовал себя так, словно в меня вливается поток могучей силы из какого-то волшебного источника. Неуклюже сидя верхом на Фатме, я воображал себе, как Аллах вдохновляет наших союзников и помрачает разум наших врагов. Наши цели были честны и похвальны, и я считал, что Бог на нашей стороне. Еще до похищения мне следовало серьезнее относиться к своим религиозным обязанностям. Бани Салим останавливались на молитву пять раз — как и было предписано, и я присоединялся к ним в искреннем порыве.

Когда мы въехали в долину между двумя грядами песчаных дюн, Хассанейн велел остановиться на ночевку. Люди положили верблюдов и разгрузили их. Затем мальчишки погнали животных к низким, с виду совсем сухим кустам.

— Видишь ***харам***? Вон те кустарники? — спросил Сулейман бен-Шариф. Они с Ибрагимом бен-Мусаидом разгружали Фатму и верблюда Папы.

— Да, — сказал я. У ***харама*** были вялые красно-зеленые листья, и несчастнее этого растения я в жизни не видел.

— Он не мертв, хотя похож на сухие палки, торчащие из песка. В этой части Песков почти два года не было дождя, но если бы вчера дождь пошел, то харам цвел бы неделю, а после этого

прожил бы еще два года.

— Бани Салим как этот харам, — сказал бен-Мусаид, с презрением глядя на меня. — Мы не похожи на жалких горожан, которые не могут жить без своих христианских украшений.

Казалось, слово «христианский» для него было худшим в мире ругательством.

Мне было что ответить — нечто вроде того, что бен-Мусаид действительно похож на харам, хотябы в том, что, прежде чем зацвести, ему надо вымыться. Но я решил не говорить этого вслух, потому что перед глазами у меня всплыл заголовок: «Владелец Будайинского клуба зарезан в кустарниках».

Женщины поставили на ночь шатры из козьей шерсти, и Хассанейн радушно предложил нам с Папой занять его собственный.

— Благодарю, о шейх, — сказал я, — но мне довольно будет лечь у костра.

— Ты уверен? — спросил Хассанейн. — Это дурно для моего гостеприимства, если нынешней ночью ты будешь спать под открытым небом. Я воистину сочту за честь…

— Я принимаю твое любезное предложение, шейх Хассанейн, — сказал Фридландер-Бей. — Мой внук желает попробовать жизни бедуина. Он все еще романтизирует жизнь кочевников, начитавшись Омара Хайяма. Ночь у костра будет для него хорошим испытанием.

Хассанейн рассмеялся и пошел сказать жене, чтобы та приготовила в их шатре место для Папы. Что до меня, я надеялся, что ночью будет не слишком холодно. На крайний случай, чтобы не замерзнуть, у меня было мое одеяние.

Мы скромно поужинали сушеной козлятиной с рисовой кашей, хлебом, кофе и финиками. За день я изрядно проголодался, и эта еда показалась мне не хуже любой другой. Да и общество мне нравилось. Бани Салим все как один радушно относились к нам с Папой, словно мы родились среди них.

Точнее, почти все относились к нам радушно. Оппозиционером был, естественно, Ибрагим бен-Мусаид. Двоюродный брат Нуры не имел ничего против Фридландер-Бея, но на меня он по-прежнему смотрел с подозрением и каждый раз, когда замечал мой взгляд, что-то бормотал себе под нос. Я был, однако, под защитой шейха Хассанейна и потому не боялся его племянника. А бен-Мусаид был достаточно умен, чтобы понимать, что ему следует лишь подождать, и я уберусь куда подальше.

Я покончил с едой и вынул блокировщик боли. Если не считать боли в шее и позвоночнике, я чувствовал себя сносно.

Мужчины проверили, хорошо ли мальчишки спутали верблюдов на ночь.

У костра все еще оставалось человек пять-шесть, и потому у нас начались посиделки с рассказыванием веселых историй о мужчинах, у которых были жены для того, чтобы ставить им шатры и готовить пищу. Один рассказал кое-что о бен-Шахире, который, как и многие из Бани Салим, был назван по матери, а не по отцу.

— То, что он носил имя матери, всю жизнь бесило его, — заявил рассказчик. — Когда мы были мальчишками, он все время жаловался на то, какая тиранша его мать. И на ком же он женился? На дочке старого Вадуд Али. Мы ее всегда звали Бадия-хозяйка. И теперь он — самый разнесчастный подкаблучник среди мужчин, что когда-либо ездили верхом на верблюде. Сегодня на вечерней молитве я слышал, как он просил Аллаха напустить на нас Байт Табити, чтобы те ее забрали. Только ее и больше ничего!

— ***Мин гайр шарр***, — сказал другой, которому все это не казалось забавным. Этими словами он пытался отогнать зло, которое хотел накликать бен-Шахир.

Острый язык Бани Салим не давал пощады никому, кроме тех, кто сидел у костра. Даже шейху Хассанейну досталось несколько саркастических замечаний насчет того, как он обходится со своим горячим племянником бен-Мусаидом и своей прекрасной племянницей Нурой. Было ясно, что не только бен-Мусаид и бен-Шариф положили глаз на Нуру, но поскольку бен-Мусаид был ее старшим двоюродным братом, у него было неоспоримое право на девушку.

Разговор переходил от одного предмета к другому. Один из стариков начал вспоминать было о каком-то сражении, в котором он заслужил славу. Молодежь стала жаловаться, что они уже сто раз слышали эту историю, но рассказчика это ничуть не смутило. Хиляль и бен-Турки пересели поближе ко мне.

— Ты помнишь нас, о шейх? — спросил Хиляль, который почти весь день ехал рядом со мной.

— Да, конечно, — ответил я. — Ты — тот самый разумный молодой человек, который нашел нас в пустыне.

Хиляль и бен-Турки улыбнулись друг другу.

— Мой двоюродный брат хотел бы тебя кое о чем спросить, — сказал Хиляль.

— Спрашивай, — ответил я.

Бен-Турки был красивым, застенчивым юношей. Даже в свете костра я видел, как отчаянно он покраснел.

— О шейх, — сказал он, — когда ты вернешься в город, ты

будешь далеко от Китая?

Я не понял, что он имеет в виду.

— Очень далеко, бен-Турки, — сказал я. — Но зачем тебе это?

— В десяти днях пути? — спросил он. — В двадцати?

Я замолчал, подсчитывая в уме. Верблюды делают твердых три мили в час, а Бани Салим в день проводят в пути не менее двенадцати часов. Это, скажем, будет тридцать шесть миль. Значит, от города до Китая…

— Несколько сотен дней пути, о друг мой, через пустыни, моря и горы.

Бен-Турки, моргая, уставился на меня.

— О шейх, — сказал он дрогнувшим голосом, — весь мир Аллаха не столь велик.

Он подумал, что я ему лгу, но не мог прямо обвинить гостя племени.

— Он действительно велик. Пески — только часть Аравии, а вся Аравия как… ну, как одна верблюдица в целом стаде.

— ***Уаллахи!*** — прошептал Хиляль. Это означало «клянусь Аллахом всемогущим» — одна из самых сильных клятв Бани Салим. Я редко слышал, чтобы таким образом ругались.

— На что тебе сдался Китай, бен-Турки? — спросил я. Эти люди никогда не слышали об Англии, о Нуэво-Техас, даже о западных странах мусульманского мира.

— Разве Пророк — да будет с ним мир и благословение Аллаха — не говорит: «Ищите знаний даже в Китае»? Я подумал, может, я мог бы вернуться в твой город вместе с тобой и потом отправиться оттуда в Китай?

Хиляль рассмеялся.

— Бен-Турки жаждет знаний, — с легкой насмешкой сказал он. — Он уже проглотил все знания, которые только есть в Песках.

— Тебе не нужно ехать в Китай, — сказал я. — Если ты действительно хочешь учиться, ты мог бы поехать из Мугшина вместе с нами. Как ты на это смотришь?

Я увидел, как задрожал бен-Турки.

— Хорошо, о шейх, — тихо сказал он.

— Есть ли причина, по которой ты не можешь поехать с нами? Ты нужен Бани Салим? Или шейх Хассанейн может запретить тебе отлучиться на несколько месяцев?

Я еще не говорил об этом с шейхом, — сказал бен-Турки.

— Бани Салим без тебя обойдутся, — сказал Хиляль. — Ты еще никакой пользы не принес. Только одним ртом меньше станет и нам больше воды достанется. Правда, брат мой, шейх Хассанейн отпустит тебя и благословит на дорогу.

Несколько мгновений бен-Турки обдумывал все свои «хочу». Мы слышали, как трещат в костре сухие сучья похожих на мимозу деревьев ***гаф***. Молодой человек собрался с духом.

— Если шейх Хассанейн даст мне свое позволение, — спросил он, — разрешите ли вы мне присоединиться к вам?

Я улыбнулся юноше:

— Ты знаешь дорогу от Мугшина через горы?

— К Салале? — спросил бен-Турки. — Да, я бывал там много раз. Два или три уж точно.

— Мы будем счастливы, если ты поедешь с нами. Поговори об этом с шейхом Хассанейном, и посмотрим, что скажет он. Там, за Песками, огромный и странный мир, и ты можешь пожалеть, что покинул Бани Салим.

— Если такое случится, я вернусь в Пески, ***иншалла***.

Хиляль перевел взгляд с бен-Турки на меня, осознав, что его друг вскоре покинет их крохотный мирок ради жизни за пределами пустыни, которую и представить было невозможно.

— ***Ла иллах илль-Аллах***, — изумленно сказал он. — Нет бога, кроме Бога.

Бен-Мусаид подошел к костру и несколько мгновений в упор смотрел на меня.

— Тебе не придется сегодня ночью спать на песке, — сказал он. — Прошу тебя разделить со мной мой шатер.

Кислое выражение его лица не вязалось с этим радушным предложением. Я не понимал, с чего это он пытается со мной помириться. Может, шейх Хассанейн немного поговорил с ним?

— Да воздаст тебе Аллах, бен-Мусаид, — сказал я, — но нынешнюю ночь я хочу провести под звездами.

— Хорошо, — сказал он. Он не пытался переубедить меня. Один из бедуинов протянул ему бурдюк с верблюжьим молоком, и он сел на корточки, чтобы его выпить. Бедуины считали постыдным пить стоя.

К нам подошла Нура, она и не глянула на бен-Мусаида.

— Мой дядя желает узнать, не нужно ли вам чего, — сказала она.

Не так давно я бы сдался и попросил у шейха какого-нибудь лекарства.

— Скажи шейху Хассанейну, что я прекрасно себя чувствую, — сказал я.

— Нура, — сказал Хиляль, — расскажи нам о том, как Абу Зайд был спасен Байт Табити!

— Нет такой истории об Абу Зайде и Байт Табити, — сказал один из мужчин.

— Дайте Нуре одну-две минуты, и будет, — отозвался бен-

Турки.

Бен-Мусаид хрюкнул, встал и побрел в сгущающуюся темноту.

— Лучше бы удавить его как верблюда, — сказал Хиляль, — только этим он и сможет порадовать свою жену.

Повисло неловкое молчание, все мы упорно старались не смотреть на Нуру.

— Ну, так хотите послушать об Абу Зайде? — наконец сказала она.

— Да! — откликнулись несколько голосов.

Абу Зайд был популярным героем арабского фольклора. Его легендарному племени приписывали все — от руин римских времен в Северной Африке до загадочных петроглифов в Руб-аль-Хали.

— Все вы, любящие Пророка, — начала Нура, — говорите: «Да будет Аллах им доволен и да пошлет ему спасение». Итак, однажды Абу Зайд заблудился в той части Песков, где никогда прежде не бывал. Там не было знакомых примет, и он не знал, что находится на краю ужасной известняковой равнины, называемой Абу-Хаф, или Отец страха. Он направил своего верного верблюда Вафаа в равнину, что простерлась перед ним на восемь дней пути. Через три дня Абу Зайд выпил всю свою воду. К концу следующего дня, когда он достиг середины Абу-Хаф, его начала мучить жажда, и даже Вафаа, его верблюд, начал спотыкаться.

Прошел еще день, и Абу Зайд испугался за свою жизнь. Он вознес молитву Аллаху, говоря, что, если будет на то Его воля, он предпочел бы выбраться из Абу-Хаф живым. И тут же он услышал громкий голос. К нему шел человек из Байт Табити, ведя на поводу двух верблюдов, навьюченных бурдюками с водой.

«***Салам алейкум***, брат мой! — воскликнул незнакомец. — Я Абдух бен-Абдух, и я дам тебе воды!»

«Алейкум ас-салам», — с облегчением ответил Абу Зайд. Он видел, как Байт Табити взял несколько бурдюков с водой и повесил их на спину Вафаа. Затем Абдух бен-Абдух дал ему бурдюк с верблюжьим молоком, и Абу Зайд стал с жадностью пить из него.

«Ты оказал мне великую услугу, — сказал он. — Ты не дал мне умереть на этой убогой известняковой равнине. Еще ни один человек не был так гостеприимен и щедр. Я настаиваю, чтобы ты повернул своих верблюдов и пошел вместе со мной к ближайшему оазису. Я хочу вознаградить тебя по достоинству».

«Конечно, — сказал Абдух бен-Абдух, — я вовсе и не думал о награде. Но если ты настаиваешь…»

Он повернул своих верблюдов, и они вместе прошли

оставшийся путь через Абу-Хаф — Отец страха. Двумя днями позже они добрались до Бир-Ша-гир, поселения вокруг источника, который давал лучшую во всех Песках воду. Абу Зайд сдержал свое обещание. Он накупил много муки, масла, фиников, кофе, риса и вяленого мяса и дал все это Аб-духу бен-Абдуху. Потом они поблагодарили друг друга, пожелали друг другу всяческих благ и расстались. И каждый пошел своим путем.

Через год Абу Зайд снова заблудился в Песках, но на сей раз он попал в Абу-Хаф с другой стороны. Через три дня пути он понял, что злой рок сыграл с ним ту же шутку, что и год назад. Он взмолился к Аллаху, говоря: «***Йа Аллах***, воля Твоя как шелковая паутина. Да славится Аллах!»

На пятый день, когда Абу Зайд и его верблюд Вафаа измучились без воды, навстречу им в известняковой пустыне попался тот же самый Байт Табити.

«Да благословит тебя Аллах! — вскричал Абдух бен-Абдух. — Весь год я рассказывал друзьям о твоей щедрости. Я надеялся, что мы встретимся снова и я смогу тебе поведать, что люди нашего племени рассказывают легенды о твоей благодарности!»

Абу Зайд был изумлен, но снова настоял на том, чтобы Абдух бен-Абдух повернул своего верблюда и последовал за ним в Бир-Шагир. На сей раз он накупил для Байт Табити столько муки, масла, фиников, кофе, риса и вяленого мяса, что ему пришлось купить и третьего верблюда, чтобы все это везти. Затем они поклялись друг другу в нерушимой дружбе и разошлись. Но прежде чем Абдух бен-Абдух скрылся из глаз, Абу Зайд обернулся и крикнул ему вслед:

«Да будет благополучен твой путь, брат мой! Да принесут тебе радость мои дары, ибо ты второй раз спас мне жизнь. Я никогда не забуду того, что ты сделал, и покуда будут жить мои сыновья и сыновья моих сыновей, они будут воздавать тебе хвалу. Но слушай, о счастливый: я человек небогатый. Если ты на следующий год встретишь меня в Абу-Хаф, то пройди мимо и дай мне умереть от жажды! Мне не под силу отблагодарить тебя еще раз!»

Все сидевшие у костра громко рассмеялись, и Нура встала, довольно улыбаясь.

— Доброй ночи, братья мои, — сказала она. — Да проснетесь вы утром в добром здравии.

— Воистину ты дочь благополучия, — сказал бен-Шариф. Это было бедуинское выражение, возможно, его употребляли только в этом племени. Нура подняла руку и пошла через открытую часть лагеря к шатру своего отца.

Близилось утро, и неженатые мужчины вскоре легли спать. Я

завернулся в плащ и попытался расслабиться, понимая, что завтра нам предстоит долгий путь. Прежде чем заснуть, я помечтал о том, что случится, когда я вернусь в город. Я представил, как ко мне бросятся со слезами радости на глазах Индихар, Чири и Ясмин, как они будут восхвалять Аллаха за то, что я жив и здоров. Я представил себе, как Реда Абу Адиль сидит в своем уединенном дворце и скрежещет зубами, ожидая скорого возмездия. Я представил, как Фридландер-Бей дает мне в награду кучу денег и говорит, что нанял некоего левого типа, для того, чтобы разделаться с доктором Садиком Абд-ар-Раззаком, и что мне незачем самому этим заниматься.

Утром мы позавтракали рисовой кашей, финиками и кофе. Завтрак не особо возбуждал аппетит, да и еды было не слишком много. У нас было в достатке воды, которой мы запаслись еще в Бир-Балаг, но она уже становилась солоноватой и после дня в козьем мехе отдавала козлом. Я уже нетерпеливо ждал, когда мы придем к источнику Кхаба, который, по словам Бани Салим, был последним пресным источником на долгой дороге до Мугшина.

На следующий день Фридландер-Бей снова ехал рядом со мной.

— Я думал о будущем, племянник мой, — сказал он, зевая.

Я уверен, что ему много лет не приходилось спать на земле и питаться так скудно, однако я не слышал от него жалоб.

— Будущее, — сказал он. — Сначала имам ар-Раззак, затем Абу Адиль? Или в обратном порядке?

Некоторое время Папа ничего не говорил.

— Разве я не дал тебе понять, что ни в коем случае нельзя трогать шейха Реда? — сказал он. — Ни его, ни его сыновей, если они у него есть.

Я кивнул:

— Да, я все это знаю. Но что вы имеете в виду под словом «трогать»? Физически? Тогда мы и пальцем его не тронем. Но вы, конечно, не будете против, если мы покончим с его бизнесом и лишим его влияния в городе. По крайней мере уж это он заслужил.

— Заслужил, и Аллах это знает. Но лишить его влияния в городе мы не можем. У нас на это не хватит сил.

Я невесело рассмеялся:

— Но вы разрешите мне попытаться?

Папа махнул рукой, закрывая эту тему:

— Когда я говорил о будущем, я имел в виду наше паломничество.

Он не впервые говорил о паломничестве в Мекку. Я сделал вид, что не вполне понимаю, о чем он.

— Паломничество, о шейх? — спросил я.

— Ты молод, и у тебя еще десятки лет впереди, для того чтобы выполнить этот долг. У меня же времени нет. Поборник Аллаха, да пребудет с ним мир и благословение Аллаха, обязал нас совершить паломничество в Мекку хотя бы раз в жизни. Год за годом я откладывал это святое странствие и теперь опасаюсь, что мне слишком мало осталось жить. Я планировал отправиться в путь в этом году, но когда настал назначенный месяц, я был слишком болен. Я очень хочу, чтобы мы четко решили, что совершим паломничество на следующий год.

— Конечно, о шейх. — В данный момент меня больше волновало, как нам вернуться в город и восстановить свое положение. Фридландер-Бей об этом не думал и уже строил планы на то время, когда мы вновь вернемся к нормальной жизни. Я бы хотел перенять у него такой образ мыслей.

Второй день был очень похож на первый. Мы быстро шли, перебираясь через высокие песчаные дюны, останавливаясь только для того, чтобы в должное время помолиться. Бани Салим не перекусывали. Валкая походка моей верблюдицы укачивала, и я временами забывался неверным сном. То и дело издали кто-нибудь кричал:

— Нет бога, кроме Бога!

Остальные присоединялись к нему, затем все снова замолкали, погрузившись в собственные мысли.

Племя остановилось на вторую ночевку. Лагерь наш в точности походил на тот, что мы разбили прошлым вечером. Я не понимал, как же эти люди находят путь в огромной пустыне? Я даже испугался на миг: а вдруг мы заблудились? Вдруг они только делают вид, что знают дорогу? Что случится, когда кончится вода в козьих бурдюках?

Я забыл о своей глупости, когда Сулейман бен-Шариф уложил Фатму. Я сполз с ее округлого бока и принялся разминать свои ноющие мышцы. Я гордился, что весь день ехал без модиков. Потом подошел к Папе и помог ему спешиться. Мы пошли помочь Бани Салим разбить лагерь.

Еще одна мирная, чудесная ночь в пустыне. Но спокойствие было, наконец, нарушено, когда Ибрагим бен-Мусаид подошел ко мне и, чуть не уткнувшись носом мне в лицо, закричал:

— Я слежу за тобой, горожанин! Я вижу, как ты смотришь на Нуру! Я вижу, как она бесстыдно смотрит на тебя! Клянусь жизнью и всемогущим Аллахом, я скорее убью ее, чем позволю тебе насмехаться над Бани Салим!

Бен-Мусаид меня достал. Мне очень хотелось врезать этому сукиному сыну как следует, но я знал, что Бани Салим очень

серьезно воспринимают физическую угрозу. Двинь я его хорошенько кулаком по носу, и этого бы хватило, чтобы бен-Мусаид убил меня, причем все Бани Салим были бы на его стороне. Я взялся за бороду — у бедуинов в обычае делать это, когда они клянутся, — и сказал:

— Я не обесчестил Нуру и не обесчестил Бани Салим. Сомневаюсь, что кто-нибудь нанес бесчестье и тебе, потому что у тебя чести нет.

Со всех сторон послышался громкий ропот, и я подумал, не зашел ли я слишком далеко. Иногда меня заносило. Как бы то ни было, бен-Мусаид потемнел лицом, но больше ничего не сказал. Когда он утихомирился, я понял, что нажил себе врага на всю оставшуюся жизнь. Он замолчал, снова повернулся ко мне и ткнул в меня пальцем. Его трясло от ярости.

— Я убью ее! — закричал он.

Я повернулся к Хилялю и бен-Турки, но они только пожали плечами. Бен-Мусаид — это моя проблема, им до этого дела нет.

Через некоторое время снова послышалась громкая брань, за костром, в дальнем конце лагеря. Пятеро человек кричали друг на друга, и вопли становились все громче и яростнее. Я увидел бен-Мусаида и Нуру, махавших друг на друга руками. Затем бен-Шариф, тот юноша, за которого хотела выйти замуж Нура, бросился ей на помощь, и оба юноши тут же схватили друг друга за глотку. К ним подбежала пожилая женщина, которая тоже набросилась на Нуру с обвинениями.

— Это Умм Рашид, — сказал Хиляль. — У нее нрав, как у пустынной лисицы.

— Я не могу разобрать, что они кричат.

Бен-Турки рассмеялся:

— Она обвиняет Нуру в том, что та спит с ее мужем. Ее муж слишком стар, чтобы вообще хоть с кем-то спать, все Бани Салим это знают, но Умм Рашид обвиняет Нуру в том, что муж на нее не обращает внимания.

— Не понимаю. Нура добрая, хорошенькая девочка. Она ничем не заслужила такого обращения.

— В этой жизни быть доброй и хорошенькой уже достаточно, чтобы навлечь на себя беду, — нахмурился Хиляль. — Да охранит меня Владыка Миров.

Умм Рашид орала на Нуру и всплескивала руками как сумасшедшая курица. Бен-Мусаид присоединился к ней, обвиняя Нуру в том, что она соблазнила мужа старухи. Бен-Шариф пытался вступиться за девушку, но ему едва удавалось вставить слово.

Наконец решил вмешаться отец Нуры, Нашиб. Он вышел из

шатра, зевнул и почесал живот.

— В чем дело? — спросил он.

Умм Рашид завопила ему в одно ухо, бен-Му-саид — в другое. Отец Нуры лениво улыбнулся и покачал рукой.

— Нет-нет, — сказал он. — Этого не может быть. Моя Нура честная девушка.

— Твоя Нура сука и потаскуха! — закричала Умм Рашид.

Нура, видимо, решила, что с нее хватит, и побежала в шатер, но не к своему отцу, а к дяде Хассанейну.

— Я не позволю называть ее так! — гневно сказал бен-Шариф.

— Ага, вот и ее сводник! — вскричала старуха, уперев руки в боки и наклонив голову. — Говорю тебе, если не будешь держать эту шлюху подальше от моего мужа, пожалеешь! Коран говорит, что у меня есть на это право! Истинный Путь позволяет мне убить ее, ежели она угрожает разрушить мою семью!

— Нет, не позволяет! — сказал бен-Шариф. — Нигде про это не сказано!

Умм Рашид и не взглянула на него.

— Если бы ты пекся о ее благе, — сказала она, повернувшись к Нашибу, — ты держал бы ее подальше от моего мужа!

Отец Нуры только усмехался.

— Она хорошая девушка, — сказал он. — Она чиста, она девственна.

— Это ты виноват, дядя, — сказал бен-Мусаид. — Лучше я увижу ее мертвой, чем совращенной такими, как этот неверный из города!

— Какой неверный из города? — растерянно спросил Нашиб.

— Знаешь, — задумчиво сказал Хиляль, — у таких хороших и добрых, как Нура, всегда найдется куча врагов, готовых причинить ей зло.

Я кивнул. Я вспомнил его слова следующим утром, когда нашел Нуру мертвой.

Глава 7

Бани Салим стояли полукругом вокруг тела Нуры, в выемке подковообразной дюны недалеко от лагеря. Она лежала на спине, ее правая рука, покоившаяся на холмике песка, будто бы тянулась к небу. Ее широко раскрытые глаза смотрели в безоблачную высь. Горло ее было перерезано от уха до уха, и золотой песок потемнел от ее крови.

— Прямо как животное, — прошептал бен-Турки. — Ее зарезали, словно козу или верблюда.

Бедуины разбились на несколько групп. Фридландер-Бей стоял рядом с Хилялем и бен-Турки. По одну сторону от него на коленях кричали от горя Нашиб и его жена. У Нашиба был потерянный вид, он все время повторял:

— Нет бога, кроме Бога. Нет бога, кроме Бога.

Неподалеку от них стояли Ибрагим бен-Мусаид и Сулейман бен-Шариф. Они яростно переругивались. Я увидел, как бен-Шариф резко ткнул пальцем в сторону Нуры, а бен-Мусаид поднял обе руки, словно Защищаясь от удара. Шейх Хассанейн с мрачным лицом стоял в стороне и кивал своему брату Абу Ибрагиму, который что-то говорил ему. Все прочие громко высказывали различные предположения, спорили и молились, лишь добавляя шума и суматохи. Слышны были и цитаты из Писания.

«О том, кто убит несправедливо, — процитировал Хиляль, — даем мы позволение на месть его наследнику, но да не будет он мстить слишком жестоко. Воззрите же! Да будет нам помощь!»

Хвала Аллаху, — сказал бен-Турки, — но кто же будет мстить за Нуру?

Хиляль покачал головой:

— Только Нашиб, ее отец. Но я думаю, он не слишком подходит для этого. У него духу не хватит.

— Может, ее дяди? — предположил я.

— Если они не захотят, мы возьмем это на себя, — сказал Фридландер-Бей. — Это бессмысленная трагедия. Я очень любил эту молодую женщину. Она была добра ко мне, когда ухаживала за мной.

Я кивнул. Пламя гнева загоралось в моей душе. Это было то самое, жаркое, пугающее чувство, которое всегда охватывало меня, когда я становился свидетелем сцены убийства. Но это было тогда, дома. В Будайине преступление и насильственная смерть были повседневным делом. Мои зачерствевшие душой друзья и бровью не вели при виде чьей-то смерти.

Здесь было другое дело. Убийство произошло среди крепко связанных друг с другом людей, в племени, благополучие которого зависело от каждого из его членов. Я знал, что правосудие жителей пустыни более прямое и скорое, чем правосудие городов, и это меня радовало. Месть не вернет Нуры, но она хоть немного облегчала ситуацию, поскольку все понимали, что дни ее убийцы сочтены.

Однако до сих пор не было ясно, кто ее убил. Двумя вероятными кандидатами были те, кто прошлым вечером громко и прилюдно угрожал ей, а именно бен-Мусаид и Умм Рашид.

Шейх Хассанейн воздел руки к небу и призвал всех ко вниманию.

— Девушку нужно похоронить до заката, — сказал он. — Ее убийца должен быть найден и наказан.

— И кровь должна быть оплачена! — вскричал сраженный горем Нашиб.

— Все будет сделано в соответствии с Книгой, — заверил его Хассанейн. — Абу Ибрагим, помоги мне отнести нашу племянницу в лагерь. Ты, Хиляль, и бен-Турки должны выкопать могилу.

— Да смилуется над ней Аллах! — сказал кто-то, и Хассанейн вместе со своим братом завернули Нуру в плащ и подняли ее. Медленной процессией мы пошли от подковообразной дюны по узкой долине к лагерю. Шейх выбрал место для последнего ложа Нуры, Хиляль с бен-Турки принесли две складные лопаты и начали копать твердую плоть пустыни.

Тем временем Хассанейн на несколько минут скрылся в своем шатре. Когда он вернулся, его кафия была обвязана вокруг головы более аккуратно. Я догадался, что он вставил один из своих модиков, наверное, тот, который придавал ему мудрость религиозного лидера-суннита.

Бани Салим были по-прежнему обеспокоены и разгневаны. Повсюду люди громко обсуждали убийство, пытаясь выяснить его причину. Единственным, кто не принимал в этом участия, был бен-Мусаид. Казалось, он нарочно держался в стороне. Я смотрел на него, он на меня, наконец он медленно, намеренно оскорбительно повернулся ко мне спиной.

— Шейх Марид, — сказал Хассанейн. — Я хотел бы поговорить с тобой.

— М-м? Да, конечно.

Он увел меня в свой шатер. Пригласил сесть, что я и сделал.

— Пожалуйста, прости меня, — сказал он, — но я должен задать тебе несколько вопросов. Если ты ничего не имеешь против, мы обойдемся без кофе и предварительных бесед. Сейчас

я хочу узнать, как погибла Нура. Расскажи мне, как ты ее нашел.

Я очень разволновался, хотя Хассанейн вряд ли держал меня за главного подозреваемого. Я был прямо как мальчишка, который хотя и не писал грязных слов на доске, с виноватым видом краснеет, когда учитель об этом спрашивает. «Все, что ты можешь сейчас сделать, — сказал я себе, — так только глубоко вздохнуть и рассказать шейху все, как было».

Я глубоко вздохнул.

— Я встал незадолго до рассвета, — сказал я. — Мне надо было облегчиться, и, помню, мне хотелось бы знать, скоро ли Хамад бен-Мубарак разбудит нас на молитву. Луна стояла низко над горизонтом, но небо было таким светлым, что мне было совсем не трудно идти по маленьким проходам между дюнами на восток от лагеря. Когда я оправился, я побрел назад к костру. Наверное, я пошел другим путем, потому что в первый раз я Нуру не заметил. Она лежала прямо передо мной так, как ты видел. В лунном свете ее бескровное лицо казалось призрачным. Я сразу же понял, что она мертва. Тогда я решил сразу же пойти в твой шатер. Я не хотел беспокоить других прежде, чем не расскажу все тебе.

Хассанейн просто смотрел на меня несколько мгновений. С вставленным модиком имама он говорил и вел себя гораздо осторожнее.

— Но видел ли ты кого-нибудь еще? Следы? Может, оружие?

— Да, — сказал я. — Были следы. Я не умею читать следов на песке, так же как и на грязи, о шейх. Наверное, это были следы Нуры и ее убийцы.

— Не видел ли ты длинных следов, будто бы ее волокли туда?

Я снова вызвал в памяти залитую лунным светом картину.

— Нет, — сказал я. — Таких следов точно не было. Наверное, она пришла туда и встретила того, другого человека. Или, может, он сам привел ее туда. Она была живой, когда пришла, потому что кровавого следа от лагеря не было.

— После того как ты рассказал мне о Нуре, — сказал он, — говорил ли ты с кем-нибудь еще?

— Прости мне, о шейх, но когда я вернулся к костру, проснулся бен-Турки и спросил, все ли у меня в порядке. Я рассказал ему о Нуре. Он очень разволновался, наш разговор разбудил Хиляля, и вскоре об этом узнали все.

— На все воля Аллаха, — сказал Хассанейн, поднимая руки вверх, ладонями вперед. — Благодарю тебя за правдивость. Не окажешь ли мне честь и не поможешь ли расспросить некоторых других?

— Сделаю что могу, — ответил я. Я был удивлен, что он попросил помощи у меня. Может, он думал, что городские арабы более привычны к такому. Ну, в моем случае он был очень даже прав.

— Тогда приведи моего брата Нашиба.

Я вышел наружу. Хиляль и бен-Турки все еще копали могилу, но дело продвигалось медленно. Я подошел к Нашибу и его жене, которые стояли на коленях возле завернутого в плащ тела дочери и рыдали. Я наклонился к старику и тронул его за плечо. Он поднял на меня пустой взгляд. Я испугался, что он в шоке.

— Идем, — сказал я, — шейх хочет вас видеть.

Отец Нуры кивнул и медленно поднялся на ноги.

Я помог встать и его жене. Она вопила и била себя кулаком в грудь. Я даже не мог понять, что она кричит. Я повел их в шатер Хассанейна.

— Да пошлет тебе Аллах мир, — сказал шейх. — Нашиб, брат мой, я скорблю вместе с тобой.

— Нет бога, кроме Бога, — прошептал Нашиб.

— Кто сделал это? — крикнула его жена. — Кто отнял у меня мое дитя?

При виде их горя я почувствовал себя непрошеным гостем, мне было не по себе от того, что я ничем не могу им помочь. Я просто тихо сидел около минут десять, пока Хассанейн шептал им утешения и пытался смягчить боль и успокоить супругов, чтобы они могли ответить на несколько вопросов.

— Придет день Воскресения, — сказал Хассанейн, — и в этот день Нура со светлым лицом встанет перед Аллахом. А лицо ее врага будет полно страха.

— Хвала Аллаху, Владыке Миров! — воскликнула Умм Нура. — Благому, милосердному, Владыке Судного дня!

— Нашиб, — сказал Хассанейн.

— Нет бога, кроме Бога, — сказал брат шейха, врядли понимая, где он находится.

— Нашиб, кто, по-твоему, убил твою дочь?

Нашиб моргнул раз, другой, затем выпрямился. Длинными пальцами потеребил седую бороду.

Мою дочь? — прошептал он. — Это Умм Рашид. Эта сумасшедшая старуха сказала, что убьет ее, и убила. И ты должен заставить ее заплатить за это! — Он посмотрел прямо в глаза брату. — Ты должен заставить ее заплатить, Хассанейн, клянусь могилой нашего отца!

— Нет! — воскликнула его жена. — Это не она! Это бен-Мусаид, этот ревнивый злобный убийца! Это он!

Хассанейн бросил на меня взгляд, полный боли. Я не

завидовал его положению. Еще несколько минут он утешал родителей Нуры, затем я снова вывел их из шатра.

Следующим Хассанейн пожелал выслушать Сулеймана бен-Шарифа. Молодой человек вошел в шатер шейха и сел на песчаный пол. Я видел, что он с трудом держит себя в руках. Взгляд его метался по сторонам, он то сжимал, то разжимал кулаки, лежавшие на коленях.

— ***Салам алейкум***, добрый человек, — сказал Хассанейн. Он внимательно рассматривал бен-Шарифа сузившимися глазами.

— ***Алейкум ас-салам***, — сказал юноша.

Прежде чем сказать что-нибудь еще, Хассанейн выдержал длинную паузу.

— Что ты об этом знаешь? — наконец спросил он.

Бен-Шариф резко выпрямился, словно сел на шило.

— Что я знаю? — воскликнул он. — Откуда я могу что-нибудь знать об этом ужасном поступке?

— Это я и хочу выяснить. Как ты относился к Нуре бинт-Нашиб?

Бен-Шариф перевел взгляд с Хассанейна на меня и обратно.

— Я любил ее, — прямо сказал он. — Я думаю, все Бани Салим это знали.

— Да, это все знают. А как ты думаешь, она отвечала тебе взаимностью?

— Да, — сразу же ответил он. — Я это знаю.

— Но ваша женитьба была невозможна. Ибрагим бен-Мусаид никогда бы этого не позволил.

— Да сделает Аллах лицо этого пса черным! — воскликнул бен-Шариф. — Да разрушит Аллах его дом!

Хассанейн поднял руку и подождал, пока молодой человек успокоится.

— Это ты убил ее? Ты убил Нуру бинт-Нашиб, чтобы она не досталась бен-Мусаиду?

Бен-Шариф попытался ответить, но не смог выдавить ни звука. Он глотнул воздуха и начал снова:

— Нет, о шейх, я ее не убивал. Клянусь в этом жизнью Пророка, да будет с ним благословение Аллаха и мир его!

Хассанейн встал и положил руку на плечо бен-Шарифа.

— Я верю тебе, — сказал он. — Если бы я мог утишить твое горе!

Бен-Шариф поднял на него полный муки взгляд.

— Когда ты найдешь убийцу, — тихо сказал он, — пусть я стану его погибелью!

— Прости, сын мой, но нет. Это тяжкая обязанность должна быть только моей. — Однако Хассанейна такая обязанность,

кажется, тоже не радовала.

Мы с бен-Шарифом вышли. Теперь настала очередь Умм Рашид. Я подошел к ней, но она при моем приближении спрятала лицо.

— Мир тебе, о госпожа, — сказал я. — Шейх желает говорить с тобой.

Она в ужасе уставилась на меня, словно я был ***афритом***. Она попятилась прочь.

— Не подходи ко мне! — завопила она. — Не говори со мной! Ты не из Бани Салим, ты для меня никто!

— Прошу тебя, госпожа. Шейх Хассанейн желает….

Она упала на колени и начала молиться.

— О мой Бог! Велики мои испытания и горести, глубоки мои скорби и страдания, и малочисленны мои добрые дела, и тяжко гнетут меня грехи мои! Потому, Господь мой, я и заклинаю Тебя во имя величия Твоего…

Я попытался поднять ее, но она снова начала визжать и бить меня кулаками. Я попятился, Умм Рашид снова упала на колени.

Шейх вышел из шатра и что-то прошептал ей. Я увидел, как она решительно замотала головой. Он снова заговорил с ней, показывая рукой. Лицо его было кротким, а голос слишком тих, чтобы я мог разобрать его слова. Женщина снова покачала головой. Наконец Хассанейн взял ее под локоть и помог встать. Она разрыдалась, и бедуин отвел ее в шатер мужа.

Наконец он вернулся и начал вынимать утварь для приготовления кофе.

— С кем ты еще желаешь поговорить? — спросил я.

— Сядь, шейх Марид, — сказал он. — Я приготовлю кофе.

— Единственный подозреваемый — это Ибрагим бен-Мусаид.

Хассанейн вел себя как ни в чем не бывало. Он насыпал полную горсть кофейных зерен на маленькую железную сковородку с длинной ручкой. Поставил ее на горящие угли костра, который утром развела его жена.

— Если мы вовремя тронемся в путь, — сказал он, — то доберемся до Кхабы к вечерней молитве, ***иншалла***.

Я окинул взглядом лагерь, но Фридландер-Бея не увидел. Два молодых человека по-прежнему копали девушке могилу. Некоторые из Бани Салим стояли рядом, обсуждая все подробности происшедшего, остальные уже разошлись по шатрам или присматривали за животными. Бен-Мусаид стоял один-одинешенек, спиной к нам, словно все это нисколько его не касалось.

Когда кофейные зерна поджарились так, как любил Хассанейн, он дал им остыть. Встал, достал небольшой козий

бурдюк и принес его к костру.

— Здесь, — сказал он, — ***лабан***, который жена готовит мне каждое утро, что бы ни случилось.

Это было сквашенное верблюжье молоко, напоминавшее йогурт. Я взял бурдюк и прошептал: «***Бисмилла***». Затем отпил немного, подумав: как странно, что все, начиная с моей матери и кончая шейхом Хассанейном, пичкают меня сквашенным верблюжьим молоком. Я не слишком его любил, но из уважения к хозяину сделал вид, что оно мне очень нравится.

Я вернул ему бурдюк, и он отпил немного ***лабана***. К тому времени кофейные зерна остыли, и он ссыпал их в бронзовую ступку и растер каменным пестиком. У него было две джезвы: одна из светлой бронзы, блестящая и полированная, вторая черная от сажи. Он открыл закопченную джезву с остатками утреннего кофе и ссыпал туда свежесмолотый. Долил воды из козьего бурдюка и добавил щепотку толченого кардамона. Затем поставил закопченную джезву на огонь и стал осторожно помешивать кофе, пока тот не закипел.

— Возблагодарим же Аллаха за кофе! — сказал Хассанейн.

Он перелил его из закопченной джезвы в блестящую, затем снова в закопченную и снова в блестящую. Дал осесть кофейной гуще. Наконец он забил отверстие блестящей джезвы кусочком конопляной пеньки, для того чтобы отфильтровать кофе.

— ***Иль хамду лиллах!*** — сказал он. — Хвала Аллаху. — Он вынул три чашечки.

Я взял одну.

— Пусть вечно длится твой пир, о шейх, — сказал я.

Он наполнил мою чашечку, затем поднял взгляд.

— Ибрагим бен-Мусаид! — позвал он. — Иди пить кофе!

Бен-Мусаид повернулся и посмотрел на нас. Судя по лицу, он не понимал, что делает шейх. Он медленно подошел к нам.

— О шейх, — с подозрением спросил он, — у тебя что, нет более важных дел?

Хассанейн пожал плечами:

— Всему свое время. Бани Салим не торопятся. Сейчас время пить кофе. Освежись! — Он протянул одну из чашечек молодому человеку.

Мы выпили по чашечке, затем еще по одной. Хассанейн лениво болтал о своей любимой верблюдице, которая поранила ногу и, возможно, не сможет везти его через покрытые гравием равнины на юг.

По обычаю арабы выпивают три чашечки кофе, затем, покачивая чашечкой, дают понять, что хватит. После третьей чашечки Хассанейн выпрямился и посмотрел на бен-Мусаида.

Молчание стало почти осязаемым и угрожающим. Наконец бен-Мусаид громко рассмеялся:

— Здесь какой-то подвох, о шейх. Ты надеешься устыдить меня своим кофе и своим радушием. Ты думаешь, что я обниму твои колени и буду просить прощения у Аллаха. Ты думаешь, что это я убил Нуру.

Он встал и гневно швырнул свою чашку оземь. Чашка раскололась на мелкие кусочки. Хассанейн поморщился.

— Я ничего такого не говорил, — сказал он.

— Ищи своего убийцу где-нибудь в другом месте, — с яростью сказал бен-Мусаид. — Посмотри на своего гостя, на этого неверного из города! Может, правду знают только он да Аллах!

Он отвернулся и, пройдя через лагерь, скрылся в шатре.

Я ждал, что скажет Хассанейн. Прошло несколько минут, а он все сидел с кислой миной на лице, словно съел что-то гнилое. Затем, когда мое терпение было на исходе, он тяжело вздохнул.

— Мы ничего не узнали, — печально сказал он. — Ровным счетом ничего. Нужно начать снова.

Он медленно встал, я следом. Мы пошли туда, где Хиляль и бен-Турки копали могилу.

— Чуть поглубже, о замечательные, — сказал Хассанейн. — Когда выроете могилу, не опускайте туда бедную девочку.

— Но мы должны скорее похоронить ее, — сказал, подняв взгляд и прикрыв рукой глаза от солнца, бен-Турки. — Благородный Коран…

Хассанейн кивнул:

— Мы положим ее в могилу до заката, как предписывает Мудрое Слово Аллаха. Но не опускайте ее в могилу, пока я вам не скажу.

— Да, о шейх, — сказал Хиляль. Он посмотрел на бен-Турки. Тот лишь плечами пожал. Никто из нас не понимал, что у Хассанейна на уме.

— В Хадрамауте, в шейхстве, что находится на пятке Аравийского «сапожка», — сказал Хассанейн, — убийцу порой подвергают испытанию огнем. Конечно, все это предрассудки, и смысл испытания только в том, что в его силу верят.

Я увидел, что он ведет меня из лагеря к верблюжьему стаду. Мальчишки залезали на деревья ***гаф***, что росли в узких долинах между дюнами. Они срезали верхушки деревьев, и верблюды с удовольствием жевали их.

Хассанейн продолжил свой рассказ о правосудии в Хадрамауте:

— Церемонию проводят утром, после молитвы. Руководитель испытания собирает вместе обвиняемого, свидетелей, семью

жертвы и всех заинтересованных лиц. Раскаляет на огне нож. Когда он решает, что нож достаточно горяч, он заставляет обвиняемого открыть рот и высунуть язык. Сам он оборачивает руку кафией и прикладывает нож к языку обвиняемого сначала одной стороной, затем другой.

— И в чем заключается смысл испытания? — спросил я.

Хассанейн подошел к своей любимой верблюдице и потрепал ее по шее.

— Если человек невиновен, он может сплюнуть прямо сразу и на месте. Тем не менее руководитель дает ему пару часов. Затем язык обвиняемого внимательно рассматривают. Если он выглядит обожженным, обвиняемого признают виновным. Его казнят сразу же, если только семейство жертвы не согласится на разумную плату за кровь.

Если же признаков ожога нет или есть только небольшое обесцвечивание, то человека объявляют невиновным и отпускают на свободу.

Я не понимал, чего хочет шейх. Он положил свою верблюдицу и принялся ее седлать.

— А у Бани Салим разве нет такого обычая?

Хассанейн рассмеялся:

— Мы не так суеверны, как дикари Хадрамаута.

Я думал, что у Бани Салим хватает своих предрассудков, но решил, что не стоит говорить об этом вслух.

— Ты собираешься в путь? — спросил я.

— Нет, — ответил Хассанейн.

Он положил верблюдице на спину пару набитых пальмовым волокном подушек, а поверх установил деревянное седло. Он крепко привязал седло над холкой, перед горбом. Затем положил подушку из пальмового волокна на деревянную раму седла, приладил ее позади горба и привязал веревкой. Эта подушка поднималась высоко над крупом и создавала что-то вроде неудобной спинки. Затем Хассанейн набросил на подушку одеяло, а поверх него тяжелую овчину. Все это он крепко привязал шерстяными веревками.

— Хорошо, — сказал он, отступив назад и осматривая свою работу. Он взял верблюдицу за повод, поднял ее и повел в лагерь.

— Ты знаешь, кто убийца, о шейх? — спросил я.

— Еще нет, но скоро узнаю, — ответил он. — Однажды в Салале я слышал рассказ одного человека о том, как ловят и наказывают преступников в других странах. — Он печально покачал головой. — Не думал, что нам когда-нибудь придется воспользоваться одним из этих способов.

— Ты собираешься использовать эту верблюдицу?

Он кивнул.

— Ты ведь знаешь, среди народов света не только арабы проницательны и умны. Иногда я думаю, что мы можем гордиться тем, что способны усваивать нечто полезное.

Он привел верблюдицу прямо к краю лагеря, где выбирались из ямы Хиляль и бен-Турки.

— Мне нужна помощь всех троих, — сказал шейх, снова укладывая верблюдицу. Он указал на закутанное тело Нуры.

— Ты хочешь посадить ее в седло? — спросил Хиляль.

— Да, — ответил Хассанейн.

Мы переглянулись, затем посмотрели на шейха, однако помогли ему поднять девушку. Несколькими веревками он привязал тело покрепче, так чтобы она не упала на землю, когда верблюд будет стоять. Я не понимал, что он собирается делать, но мне все это показалось чрезвычайно странным.

— Вставай, Ата Аллах, — пробормотал Хассанейн. Его верблюдицу звали Дар Аллаха. Он потянул ее, она недовольно заворчала, но медленно поднялась. Шейх потянул ее за узду и повел по широкому кругу, охватывая лагерь и все его шатры.

Мы с Хилялем и бен-Турки изумленно смотрели на него.

— Это что, обычай Бани Салим? — спросил я. — Труп возят, а родственники стоят на месте?

— Нет, — нахмурившись, сказал бен-Турки. — Я никогда раньше не видел, чтобы шейх делал такое. Может, он помешался из-за смерти племянницы?

— А что, у бедуинов часто убивают? — спросил я.

Молодые люди переглянулись и пожали плечами.

— Да наверное, как и везде, — сказал бен-Турки. — Одно племя нападает на другое, и тогда гибнут мужчины. За кровь надо мстить, и начинается вражда. Иногда вражда длится годами, десятилетиями, даже поколениями.

— Но убийство внутри племени случается редко, — сказал Хиляль. — Это противоестественно.

Хассанейн крикнул через плечо:

— Иди сюда, шейх Марид, иди со мной!

— Не понимаю, что он делает, — сказал Хиляль.

— Мне кажется, он пытается таким образом разоблачить убийцу, — сказал я. — Но как — не понимаю.

Я поспешил за Ата Аллах и ее ужасной ношей.

Теперь многие Бани Салим вышли из своих шатров и стояли, показывая на Хассанейна и его верблюдицу.

— Мое дитя! Мое дитя! — кричала мать Нуры.

Женщина вырвалась из рук мужа и, спотыкаясь, побежала вслед за верблюдом. Она выкрикивала молитвы и проклятия,

пока в слезах не упала на землю. Нашиб подошел, чтобы помочь ей встать, но она не могла утешиться. Отец Нуры тупо смотрел на жену, затем поднял глаза на привязанное, как тюк, тело своей дочери. Казалось, он не понимает, что происходит.

Сулейман бен-Шариф прошел через лагерь и остановил нас.

— Что ты делаешь? Это непристойно! — сказал он.

— Прошу, о превосходный, — сказал Хассанейн, — доверься мне.

— Скажи мне, что ты делаешь, — потребовал бен-Шариф.

— Я хочу удостовериться, что все знают о том, что произошло с Нурой, светочем дней наших.

— Но разве есть в племени хоть кто-нибудь, кто не слышал об этом? — спросил бен-Турки.

— Слышать — это одно. Видеть — другое.

Бен-Шариф вскинул руки от возмущения, затем отпустил верблюдицу шейха, и она снова пошла по кругу.

Мы подошли к шатру Умм Рашид, но старуха только трясла головой. Ее муж, действительно слишком старый, чтобы заигрывать с женщинами, высунул из шатра голову и захныкал, прося еды. Умм Рашид одними губами проговорила молитву вслед Нуре, затем ушла в шатер.

Когда мы прошли три четверти круга, я увидел Ибрагима бен-Мусаида, который смотрел на нас с выражением полнейшей ненависти. Он стоял словно вырезанная из песчаника статуя и лишь немного повернул голову, когда мы приблизились. Он ничего не сказал, когда мы прошли мимо него и снова подошли к могиле, которую выкопали Хиляль и бен-Турки.

— Не пора ли похоронить ее, о шейх? — спросил я.

— Смотри и внимай, — ответил Хассанейн.

Вместо того чтобы остановиться, он повел Ата Аллах мимо могилы и начал обходить лагерь по второму кругу. У всех Бани Салим, что смотрели на нас, вырвался громкий вздох. Они были сбиты с толку так же, как и я.

Мать Нуры встала у нас на пути. Она кричала и посылала проклятия.

— Сын собаки! — кричала она, бросая в Хассанейна песком. — Чтобы дом твой обрушился! Почему ты не даешь моей дочери упокоиться с миром?

Мне стало ее жаль, но Хассанейн шел вперед, и лицо его было бесстрастным. Яне знал, что он задумал, но мне казалось, что он поступает неоправданно жестоко. Нашиб по-прежнему молча стоял рядом с женой. Казалось, теперь он лучше понимает, что творится кругом.

Бен-Шариф успел немного пораздумывать над тем, что делает

Хассанейн. Гнев его немного улегся.

— Ты мудр, о шейх, — сказал он. — Ты доказал свою мудрость за те годы, что вел Бани Салим твердой и справедливой рукой. Полагаюсь на твои знания и опыт, но все же я думаю, что то, что ты делаешь, оскорбляет умершую.

Хассанейн остановился и подошел к бен-Шарифу. Он положил руку на плечо молодого человека.

— Может, когда-нибудь ты станешь шейхом этого племени, — сказал он. — Тогда ты поймешь, как тяжело быть предводителем. Ты прав. Я поступаю дурно по отношению к моей племяннице, но так надо. ***Хам китаб***.

Что означало: «Так записано». Это ничего не объясняло, но бен-Шариф перестал спорить. Он только посмотрел шейху в глаза и наконец потупил взгляд. Когда мы снова двинулись, я увидел, как молодой человек задумчиво шел к своему шатру. Мы с ним почти не говорили, но мне показалось, что он — умный и серьезный молодой человек. Если Хассанейн не ошибается и бен-Шариф когда-нибудь станет на его место, то Бани Салим останутся в хороших руках.

Я смотрел вперед. Оттого, что я тоже шествовал в этой странной процессии, мне было несколько неуютно. День был самым обычным для Пустой четверти, и горячий ветер бросал мне в лицо песок, а я ворчал себе под нос. Я был сыт всем этим по горло, и, что бы там ни думал Фридландер-Бей, жизнь бедуинов вовсе не казалась мне романтичной. Она была тяжелой и грязной и, насколько я видел, вовсе лишенной удовольствий. Я молился, чтобы Аллах поскорее помог мне вернуться в город. Мне стало совершенно ясно, что хорошего кочевника из меня не выйдет никогда.

Пока мы завершали круг, бен-Мусаид, набычившись, смотрел на нас. Он стоял там же, где и прежде, скрестив на груди руки. Он не сказал ни слова и не сдвинулся ни на дюйм. Я так и видел, как его трясет от усилия сдержать себя. Казалось, он вот-вот взорвется. Не хотел бы я в это время оказаться рядом с ним.

— Довольно, о шейх? — спросил бен-Турки, когда мы подошли к могиле. Ее уже начал засыпать песок, наносимый пустынным ветром.

Хассанейн покачал головой.

— Еще круг, — сказал он.

У меня упало сердце.

— Может, ты объяснишь, о шейх? — спросил я.

Хассанейн посмотрел в мою сторону, но поверх моей головы — куда-то вдаль.

— Жили-были люди на обратной стороне мира, — устало

сказал он. — Такие же бедные, как и мы. Они тоже кочевали и жили среди лишений. Когда одного из их племени убили, старейшие пять-шесть раз провезли тело вокруг лагеря. На первый раз все в племени побросали свои дела, чтобы посмотреть, и все вместе оплакивали несчастную жертву. На второй раз смотрела только половина племени. На третий раз остались несколько человек. На пятый или шестой раз остался только один, ему было все еще интересно смотреть на то, как везут тело, это и был убийца.

Я окинул взглядом лагерь и увидел, что почти все разошлись. Да, нынешним утром погибла любимая племенем молодая женщина, но все равно надо было исполнять обычную тяжелую работу, иначе не будет ни еды, ни воды для Бани Салим и их животных.

Мы медленно вели Ата Аллах по кругу, и только бен-Мусаид и еще несколько человек смотрели на нас. Отец Нуры искал взглядом жену, но та уже давно ушла в свой шатер. Нашиб опирался на туго натянутую веревку и провожал нас пустым взглядом.

Когда мы приблизились к бен-Мусаиду, он заступил нам дорогу.

— Да отравит за это ваши жизни Аллах! — прорычал он с потемневшим от гнева лицом. Затем и он ушел в шатер.

Когда мы на сей раз приблизились к двум молодым людям, Хассанейн дал им поручение:

— Вы должны разыскать орудие убийства, — сказал он. — Нож. Хиляль, ты ищи его там, где шейх Марид обнаружил тело Нуры. Бен-Турки, поищи в палатке ее родителей.

Мы прошли мимо могилы и начали последний круг. Как и предсказывал Хассанейн, теперь остался только один человек, и был это Нашиб, его брат. Отец Нуры. Прежде чем мы дошли до него, к нам с криком подбежал Хиляль.

— Я нашел его! — кричал он. — Я нашел нож!

Хассанейн взял нож и быстро осмотрел. Показал его мне.

— Видишь? — сказал он. — Это метка Нашиба.

— Ее собственный отец?

Я был поражен. Я готов был поспорить, что Нуру Убил бен-Мусаид. Хассанейн кивнул:

— Я подозревал, что он начнет беспокоиться,

не имеют ли под собой оснований все эти слухи и пересуды. Если Нура опозорена, он никогда не получит выкуп за невесту. Возможно, он убил ее, надеясь, что обвинят кого-то другого — моего племянника Ибрагима или старуху Умм Рашид — и он, по крайней мере, получит деньги за кровь.

Я взглянул на Нашиба, который все еще стоял с пустым лицом у своего шатра. Меня ужаснуло то, что человек может из-за таких пустяков убить собственную дочь.

Бедуинское правосудие просто и прямо. У шейха Хассанейна было все, чтобы указать преступника, и все же он давал Нашибу возможность опровергнуть очевидное. Когда мы остановились возле него, остальные Бани Салим поняли, что мы нашли убийцу, вышли из своих шатров и столпились поблизости, чтобы увидеть, что будет дальше.

— Нашиб, сын моего отца, — сказал Хассанейн, — ты убил собственную дочь, плоть от плоти твоей и душу души твоей. «Не убивайте детей ваших, страшась впасть в нищету, — говорит благородный Коран. — Мы прокормим и вас и их. Внемлите же! Убийство — великий грех».

Нашиб слушал его, опустив голову. Казалось, он осознает происходящее очень смутно. Его жена упала на землю, рыдая и призывая Аллаха, и несколько женщин бросились к ней. Бен-Мусаид отвернулся, плечи его вздрагивали. Бен-Шариф ошарашенно смотрел на Нашиба.

— Станешь ли ты опровергать это обвинение? — спросил Хассанейн. — Если желаешь, можешь поклясться в невиновности у великой гробницы шейха Исмаила бен-Насра. Вспомни — год назад Али бен-Сахиб дал ложную клятву у этой гробницы, и через неделю умер от укуса змеи.

И тот же самый шейх Хассанейн ранее уверял меня в том, что Бани Салим не суеверны! Мне было любопытно, насколько он верит в эти клятвы на могилах, и чем это поможет несчастному Нашибу.

Убийца, отец Нуры, заговорил так тихо, что только мы с Хассанейном расслышали его.

— Я не буду клясться, — сказал он.

Это было признание вины. Хассанейн кивнул.

— Тогда приготовим Нуру к отдыху до Судного дня, — сказал он. — Завтра на рассвете, Нашиб, ты сможешь помолиться о ее душе. А затем я сделаю то, что должен, ***иншалла***.

Нашиб только закрыл глаза. Я никогда раньше не видел такой боли на лице мужчины. Мне показалось, что он прямо здесь упадет в обморок.

Мы отнесли Нуру к могиле. Две женщины принесли белую простыню и завернули в нее Нуру, как в саван. Они оплакивали ее и молились. Хассанейн и Абу Ибрагим, дядья Нуры, опустили ее в могилу, и шейх помолился за нее. Теперь оставалось только засыпать могилу и отметить место несколькими камнями.

Мы с Хассанейном смотрели, как Хиляль и бен-Турки

заканчивают работу. Никто из нас не произнес ни слова. Я не знал, о чем думает шейх, но спрашивал себя, почему так много людей видят в убийстве способ решения проблем? Неужели в густонаселенном городе или в пустыне жизнь стала такой невыносимой, что чья-то смерть может сделать ее лучше? Или где-то в глубине души мы уверены, что ничья жизнь не стоит столько, сколько наша собственная?

Когда два молодых человека закончили свое печальное дело, к нам подошел Фридландер-Бей.

— Да будет с ней мир и благословение Аллаха, — сказал он. — Шейх Хассанейн, твой брат бежал.

Хассанейн пожал плечами, словно он предвидел, что это случится.

— Он хочет умереть в пустыне, а не от моего меча. — Он потянулся и вздохнул. — И все равно мы должны его выследить и привести назад, ежели будет на то воля Аллаха. Трагедия еще не окончена.

Глава 8

Хотя мне и не хочется этого признавать, но время, что я прожил среди Бани Салим, изменило мою жизнь. Я был почти уверен в этом. В полудреме покачиваясь в седле Фатмы, я думал о том, как все будет, когда я вернусь в город. Особенно мне нравилось воображать, как я ворвусь к Реда Абу Адилю и горячо поцелую его, так, как сицилийские отцы отмечают поцелуем жертву. Затем я непомнил себе, что Абу Адиля трогать нельзя, и стал думать о другом.

Кому мне больше всего хочется свернуть шею? Хаджару? Это вне всякого сомнения, но просто прикончить лейтенанта не доставит мне настоящего удовольствия. Я уверен, Фридландер-Бей ждет, что я буду целить выше.

Муха села мне на лицо, и я в раздражении смахнул ее. Потом открыл глаза: посмотреть, не изменилось ли чего, но все было как прежде. Мы все так же медленно, вперевалку ехали по песчаным горам, называемым Урук-аш-Шайба. Это и вправду были горы, а не просто холмы. Я представить себе не мог, что дюны могут быть такими высокими. Песчаные пики Урук-аш-Шайбы вздымались на шесть сотен футов и тянулись до восточного края горизонта, как застывшие волны солнечного света.

Нам иногда трудно было заставить верблюдов подниматься по задним склонам этих дюн. Часто приходилось спешиваться и вести животных в поводу. Верблюды постоянно жалобно ревели, иногда нам даже приходилось облегчать им ношу и самим нести припасы. Песок на склонах был мягким по сравнению с плотным, слежавшимся песком равнины, и даже верблюдам с их твердым шагом было непросто перебираться через высокие гребни. Кроме того, на подветренной стороне, которая, естественно, была куда круче, животным грозила опасность упасть и серьезно повредить ноги или спину. Если бы такое случилось, это стоило бы нам жизни.

Нас было шестеро. Я ехал вслед за Хассаней-ном, который был нашим негласным предводителем. Его брат, Абу Ибрагим, ехал вместе с бен-Мусаидом, а Сулейман бен-Шариф — с Хилялем. Когда мы в очередной раз остановились отдохнуть, шейх сел на корточки и нарисовал на песке грубую карту.

— Здесь путь от Бир-Балаг до источника Кхаба и Мугшина, — сказал он, рисуя кривую линию с юга на север. Справа, примерно в футе от нее, он нарисовал другую линию, параллельную первой. — Здесь Оман. Возможно, Нашиб думает, что сможет просить защиты у эмира Омана, но если так, он жестоко

ошибается. Эмир Омана слаб, он сидит под пятой эмира Муската, а тот — ярый сторонник исламского правосудия. Нашиб проживет там не дольше, чем если бы он просто вернулся к Бани Салим.

Я ткнул в пространство между пустынной тропой и границей Омана.

— А здесь что? — спросил я.

— Мы только что вошли сюда, — сказал Хасса-нейн. Он похлопал по песку медового цвета. — Это Урук-аш-Шайба, высокие песчаные дюны. А за ними кое-что похуже. — Он провел ногтем большого пальца по песку в сторону оманской границы. — Умм-ас-Самин.

Это означало Матерь яда.

— Что это за место?

Хассанейн поднял на меня взгляд и прищурился.

— Умм-ас-Самин, — повторил он, словно само это название все объясняло. — Нашиб мой брат, и, сдается, я угадываю его планы. Я уверен, что он направляется сюда, поскольку сам выбрал себе смерть.

Я кивнул.

— Значит, поэтому ты не слишком стараешься поймать его?

— Если он ищет смерти в пустыне, я ему это позволю. Но в то же время мы должны быть готовы отрубить ему голову, если он вместо этого попытается бежать. Мусаид, возьми своего сына и поезжай к северным пределам Умм-ас-Самин, — обратился он к своему брату. — Бен-Шариф, ты с Хилялем поедешь на юг. Мы с этим благородным

горожанином будем преследовать Нашиба до края зыбучих песков.

Так мы разделились, договорившись присоединиться к остальным Бани Салим в Мугшине. Времени у нас было немного, поскольку в Урук-аш-Шайбе не было колодцев. У нас была только та вода, которую мы везли с собой в козьих бурдюках, чтобы продержаться, пока не поймаем Нашиба.

На исходе дня я остался наедине со своими мыслями. Хассанейн не был разговорчивым человеком, да и говорить нам было почти не о чем. Я многому от него научился. Мне казалось, что в городе я иногда сам парализовал себя, раздумывая над всякими «правильно» и «неправильно» и тем серым сумраком, что лежит между ними. Это было своего рода слабостью.

Здесь, в Песках, все было проще. Слишком долгое промедление могло оказаться смертельным. Я дал себе слово, что, когда вернусь в город, буду пытаться думать по-бедуински. Я буду вознаграждать за добро и карать за зло. Жизнь слишком коротка, чтобы искать оправдания человеческим поступкам.

Фатма споткнулась и сразу же выправилась. Сбой в ее походке пробудил меня и напомнил, что у меня есть более насущные проблемы. И все равно я не мог отделаться от ощущения, что этот урок я получил по воле Аллаха. Убийство Нуры словно научило меня чему-то важному.

Но я не понимал, почему Нура доложна была умереть ради этого. Если бы я спросил об этом глубоко религиозного Фридландер-Бея, он только пожал бы плечами и сказал: «Так было угодно Аллаху».

Такой ответ меня не удовлетворял, но другого я не получил бы. Разговор на эти темы всегда скатывается к детским рассуждениям насчет того, почему Аллах допускает существование зла.

Хвала Аллаху непостижимому!

Мы с шейхом Хассанейном ехали до заката, затем остановились и разбили лагерь на маленьком плоском пятачке между двумя дюнами. Я слышал, что лучше ехать ночью, а жарким днем спать, но Бани Салим чувствовали, что вернее будет поступать вопреки общему мнению. К тому же Фатме днем изрядно досталось — верблюдице было непросто удерживать равновесие даже тогда, когда они видела, куда ступает. В темноте началась бы игра с опасностью.

Я разгрузил Фатму и привязал ее длинной цепью, которая позволила ей самой отыскать свой скудный ужин. Нам пришлось ехать налегке, поэтому наш ужин был лишь немногим лучше. Мы сжевали по три полоски вяленой козлятины, пока Хассанейн готовил на маленьком костерке мятный чай.

— И сколько нам еще ехать? — спросил я, глядя в мерцающее пламя.

Он покачал головой:

— Трудно сказать, ведь мы не знаем планов Нашиба. Если он действительно пытается пересечь Умм-ас-Самин, то завтра в полдень наш поход будет окончен. Если он надеется сбежать от нас — а этого он сделать не может, поскольку если он не найдет воду, то погибнет, — мы окружим его с трех сторон, и может статься, произойдет жестокая схватка. Но я надеюсь, что мой брат в конце концов изберет честный конец.

Чего-то я во всем этом не понимал.

— О шейх, — сказал я, — ты назвал Умм-ас-Самин зыбучими песками. Я думал, что они существуют только в голошоу да еще где-нибудь в джунглях.

Хассанейн издал короткий лающий смешок.

— Я никогда не видел голошоу.

— Ну, зыбучие пески обычно выглядят как вязкая грязь. Если

бы ты мог ходить по воде, то даже тогда у тебя под ногами было бы более плотное основание. Зыбучие пески засосали бы тебя мгновенно.

— Засосали? — спросил шейх. Он нахмурился. — В Умм-ас-Самин погибло много народу, но никого из них не засосало. Самое подходящее слово — провалились. Зыбучка — это топкое болото непригодной к питью воды, покрытое кристаллической соляной коркой. Соль намывают потоки с холмов на оманской границе. В некоторых местах эта корка может выдержать вес человека. Однако ее не видно, потому что сверху на соль наносит песок. Издали Умм-ас-Самин кажется спокойной, твердой равниной на краю пустыни.

— Но если Нашиб попытается ее пересечь…

Хассанейн покачал головой.

— Да сжалится Аллах над его душой, — сказал он.

Это напомнило всем, что мы забыли о вечерней молитве, пусть всего на несколько минут. Мы расчистили небольшой участок пустынной земли и совершили ритуальное омовение песком. Мы помолились, и я добавил еще моление о благословении для души Нуры и руководства для всех нас. Пора ложиться спать. Я был измучен.

Всю эту беспокойную ночь мне снились странные сны. Я до сих пор помню один: я видел мощную фигуру отца, который делал мне суровое внушение насчет того, что в пятницу надо ходить в мечеть. Отец не разрешил бы мне выбрать какую-нибудь старую мечеть, это должна была быть та мечеть, в которую ходил он сам. Лишь проснувшись, я понял, что это был вовсе не мой отец, это был Джирджи Шакнахьи, мой напарник в то недолгое время, когда я служил в полицейском департаменте.

Этот сон глубоко встревожил меня по двум причинам: я то и дело винил себя в гибели Шакнахьи, и мне не было понятно, почему он во сне вел себя так сурово. В жизни он был совсем другим. Почему он сейчас потревожил мой сон, а не сон, скажем, Фридландер-Бея?

Прежде чем навьючить верблюдов и тронуться в путь, мы еще поели вяленой козлятины и попили чаю. Обычно мы ели на завтрак рисовую кашу и финики.

— Ешь вволю, — говорил Хассанейн. — День будет полон событиями, и приятными они не будут. Ешь и пей досыта, мы не будем останавливаться, пока брат мой не умрет.

«Ничего себе», — подумал я. Как он может так спокойно говорить об этом? Я подумал, что мне это было бы тяжело, но этот пустынный вождь показывал мне, в чем состоит истинная сила и твердость.

Я водрузил узорчатое седло Фатме на спину, на что она ответила своим обычным полуискренним сопротивлением. Я повесил на седло половину наших припасов, затем поднял верблюдицу на ноги. Задача была нелегкой, смею вас заверить. Не раз я желал, чтобы Бани Салим были одним из тех пустынных кланов, что носятся по равнине на прекрасных конях. Вместо этого я получил это упрямое, вонючее животное. Да ладно, на все воля Аллаха.

Мы направили наших верблюдов на восток, к Умм-ас-Самин. Хассанейн был прав — день обещал одни неприятности. Но в конце его придет развязка, которая принесет облегчение душе шейха, иншалла.

Мы не разговаривали. Каждый из нас погрузился в мрачные раздумья. Мы покачивались на спинах верблюдов, медленно двигаясь вслед за Нашибом. Прошло несколько часов, прежде чем я услышал, как шейх гневно воскликнул:

— ***Аллаху Акбар!*** Вот он!

Я сразу же посмотрел вперед. Наверное, я задремал, потому что только сейчас заметил широкую, сверкающую равнину впереди. На западе ее стоял человек и разгружал верблюда, словно собирался поставить здесь лагерь.

— По крайней мере, — сказал я, — он не собирается погубить вместе с собой еще и бедное животное.

Хассанейн обернулся и гневно посмотрел на меня. Все его добродушие как рукой сняло. Лицо его было суровым и, пожалуй, мстительным.

Мы погнали верблюдов как могли быстро и вылетели из дюн, словно неслись в атаку. Когда мы были в каких-то пятидесяти ярдах от Нашиба, он обернулся. В лице его не было ни гнева, ни страха, лишь одна неизмеримая скорбь. Он поднял руку и замахал нам. Я не понял, что он хотел этим сказать. Затем он повернулся и побежал к корке Умм-ас-Самин.

— Нашиб! — в отчаянии закричал Хассанейн. — Подожди! Вернись вместе с нами к Бани Салим! Там ты, по крайней мере, сможешь получить прощение, прежде чем я должен буду казнить тебя! Разве не лучше умереть среди своего племени, чем в одиночестве, в этом пустынном месте?

Нашиб не слушал брата. Мы едва не перехватили его, когда он сделал первый нерешительный шаг по присыпанной песком корке.

— Нашиб! — закричал Хассанейн.

На сей раз убийца обернулся. Он коснулся своей груди над сердцем, приложил пальцы к губам и поцеловал их, затем коснулся лба.

Наконец после мгновения, которое показалось мне самым долгим в истории человечества, он повернулся и сделал еще несколько шагов по соляной корке.

— Может быть, он… — Мои слова оборвал полный совершенного отчаяния вопль Нашиба. Следующий шаг — и он беспомощно провалился сквозь корку в болото. На миг его голова показалась на поверхности еще раз, но боролся он напрасно. Умение плавать не числится среди навыков, необходимых Бани Салим для выживания.

— Во имя Аллаха, благого, милосердного, — простонал Хассанейн. — Да будет с ним мир и благословение Аллаха.

— Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, — сказал я. Я был потрясен почти так же, как мой спутник. Я закрыл глаза, хотя смотреть было не на что, разве что на маленькую дырку, которую проломил в соляной корке Нашиб. Наверное, он умер очень быстро.

Наша миссия была завершена, а суровость здешних мест торопила назад — к племени в Мугшин быстро, как только можно. Хассанейн понимал это лучше меня, и потому он без единого слова спешился, взял верблюда Нашиба за повод и через поющие пески повел его к своему верблюду. Если тут и уместно было выразить свою скорбь, то шейх сделал это молча, и мы шатаясь тронулись на юг.

Не помню, чтобы до конца этого дня мы с Хассанейном обменялись хоть парой слов. Он гнал наш маленький отряд так быстро, как только мог, и мы ехали еще пару часов после захода солнца, остановившись только для закатной молитвы.

— В южной части Песков сейчас голодно, — сказал он. — Тут мало воды и корма для верблюдов. Эта часть пустыни перенесла засуху.

Черт, я чуть не спросил его, как в таком месте, как Пустая четверть, может быть еще и засуха? В смысле, как бы вы это назвали, если годовая норма осадков здесь составляет десять унций. Но я видел, что Хассанейн не склонен к разговорам, а потому промолчал.

Еще через два часа, когда мы разбили лагерь съели наш скудный ужин и расстелили одеяла рядом с костром, к нам присоединились Хиляль и бен-Шариф. Я был рад видеть их, хотя память о последних событиях витала над нами, как страх Господень.

Двое приготовили себе места у костра.

Мы издалека увидели вас и Нашиба, — сказал Хиляль. — Как только мы увидели, что вы покидаете край Умм-ас-Самин, то поняли, что Нашиб покончил с собой. Тогда мы свернули через

Пески, чтобы перехватить вас. Мы бы и раньше вас нагнали, но вы, наверное, шли слишком быстро.

— Я не хочу торчать здесь больше, чем нужно, — мрачно сказал Хассанейн. — Наша еда и вода…

— Думаю, нам ее хватит, — сказал бен-Шариф. — Ты просто хочешь поскорее уйти от того, что произошло.

Шейх посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты осуждаешь меня, Сулейман бен-Шариф? — спросил он с яростью.

— ***Йа салам***, я не осмелился бы, — ответил лодой человек.

— Тогда стели свое одеяло и спи. Завтра нам предстоит долгий путь.

— Как скажешь, шейх, — ответил Хиляль.

Через несколько минут мы все уже спали под холодным черным небом Руб-аль-Хали.

Поутру мы собрали лагерь и двинулись через пустыню, где не было ни единой тропинки. Нас вела только память Хассанейна. Так мы ехали несколько дней — все молчали, говорил один Хассанейн, и только тогда, когда это было необходимо. «Пора молиться!», или «Остановимся здесь!», или «На сегодня хватит!». С другой стороны, у меня было достаточно времени для копания в себе, и будьте уверены, я использовал его по назначению. Я вновь пришел к выводу, что мое пребывание у Бани Салим изменило меня — когда я вернусь в город, именно «когда», а не «если», некоторые существенные изменения в моем поведении будут к месту. Я всегда был страшно независим, но сейчас мне хотелось, чтобы этот грубый клан и его молчаливый вождь одобрили мое поведение.

Под конец мы заехали так далеко, ехали так быстро, что все мысли о городе выветрились у меня из головы. Я думал только о том, как бы живым добраться до другого поселения, до бедуинской деревушки на южной окраине Песков. И потому невероятно обрадовался, когда Хассанейн остановил нас и показал на горизонт, чуть больше к югу, чем к юго-западу.

— Горы, — заявил он.

Я посмотрел. Никаких гор я не увидел.

— Это последние мили Песков. Сейчас мы в Ганиме.

Конечно, шейх, если ты так считаешь. На мой же взгляд, пока ничего не изменилось. Мы взяли немного южнее и вскоре наткнулись на столетний путь от источника Кхаба к Мугшину на дальней оконечности гор Карра. Нашей целью был Мугшин, где нам предстояло встретиться с остальным племенем. Бани Салим говорили о Мугшине так, словно он был сокровищницей чудес, Сингапуром, Эдо или Нью-Йорком. Я же решил, что подожду с

оценками, пока не смогу сам восхититься его аллеями.

В последующие два-три дня местность стала заметно выше, и я уже не сомневался, что старый шейх знает, куда ехать. У подножия гор, что отделяли нас от побережья, лежал Мугшин. Я представлял себе это место только по рассказам своих спутников, и потому настоящий его вид вызвал у меня некий шок. Мугшин представлял собой пятьдесят — шестьдесят шатров — промышленных, европейского производства, — разбросанных по широкой равнине так, чтобы каждый житель чувствовал себя достаточно уединенно. Сильный ветер нес по деревне песок, не было видно ни души.

Бен-Шариф и Хиляль были вне себя от радости, увидев деревушку. Они стояли на спинах верблюдов, размахивали винтовками и то и дело выкрикивали хвалу Аллаху.

— Идите, — сказал Хассанейн, — и посмотрите, не пришли ли наши. Наше обычное место вроде бы пусто.

— Мы вполне могли обогнать их, — сказал бен-Шариф. — Мы шли быстрее, чем караван Бани Салим.

Шейх кивнул:

— Тогда будем ждать их прихода.

Хиляль встал на колени в седле и что-то крикнул. Я не понял что. Затем он ткнул верблюдицу так, что она рванула со всей скоростью. Бен-Шариф помчался за ним.

Хассанейн показал на деревушку.

— Твой город даже больше этого? — спросил он.

Это испугало меня. Я уставился на кучку зеленых и серых шатров.

— В чем-то да, — сказал я. — А в чем-то определенно нет.

Шейх хмыкнул. Время разговоров окончилось. Он пнул верблюдицу, и я поехал за ним неспешным шагом. В сердце мое хлынуло ощущение победы — ведь я выжил в этой чрезвычайно нетехнологизированной среде. Мой модифицированный мозг мало чем помогал мне с тех пор, как Бани Салим подобрали нас. Я даже пытался не пользоваться блокировщиками боли, голода и жажды, потому что хотел доказать себе, что могу вынести все, что могут вынести немодифицированные бедуины.

Конечно, я и в малой степени не был так дисциплинирован, как они. Как только боль, голод или жажда начинали слишком донимать меня, я с благодарностью прибегал к защите моего вживленного в череп оборудования. Не было смысла переутомляться, особенно если на карту ставилась гордость. Здесь, в Песках, она ценилась слишком дорого.

Бани Салим действительно еще не прибыли. Шейх Хассанейн отвел нас к обычному месту, и мы разбили временный лагерь, без

укрытий. Каким голодным взглядом смотрел я на постоянные шатры! Я отдал бы за них кучу денег, поскольку ветер был холодным и нес с собой тучи песка. Прежний Марид Одран сказал бы: «Да пошло все к черту!» — и отправился бы отдохнуть в один из них. Теперь только гордость, моя драгоценная гордость не давала мне покинуть Хассанейна и двух молодых людей. Меня больше заботило то, что они обо мне подумают, чем мой собственный комфорт. Это было нечто новое.

На следующий день я чуть не помер от скуки. До встречи с Бани Салим делать нам было нечего. Я исследовал деревню, но это заняло мало времени. Я нашел небольшой ***сук*** там, где наиболее честолюбивые мугшинские купцы расстилали на земле одеяла, прикрывая свои товары. Там было свежее мясо и не очень свежее, овощи, финики и прочие фрукты, а также основная пища бедуинов: рис, кофе, вяленое мясо, капуста, морковь и прочие овощи.

Я был весьма удивлен, увидев старика, у которого на одеяле лежали семь предметов из пластмассы — училки, привезенные из-за гор, из Салалы, Бог весть какого производства. Я с огромным любопытством рассматривал их. Мне хотелось узнать, что именно этот шибко умный старикан надеется продать тем немногим модификантам, что слоняются по Руб-аль-Хали.

Тут были две училки на святого имама, возможно, такие же, как и та, что была у Хассанейна, две медицинские, училка с программой на различные арабские диалекты южной части Аравии, незаконная сексуальная информативка и краткий справочник по шариату, мусульманскому праву. Я подумал, что последняя училка может стать хорошим подарком шейху. Спросил старика, сколько она стоит.

— Двести пятьдесят риалов, — сказал он слабым дрожащим голосом.

— Риалов у меня нет, — ответил я, — только киамы. — У меня оставалось почти четыре сотни киамов, которые я утаил от сержанта аль-Бишаха в Наджране.

Старик бросил на меня долгий проницательный взгляд:

— Киамы? Ладно, сотня киамов.

Теперь настал мой черед сделать огромные глаза.

— Да это в десять раз дороже, чем она на самом деле стоит! — сказал я.

Он только пожал плечами:

— Когда-нибудь кто-нибудь сочтет, что она стоит сто киамов, я и продам ее за сотню. Но нет. Поскольку ты гость в нашей деревне, я отдам ее тебе за девяносто.

— Пятнадцать, — ответил я.

— Тогда отправляйся к своим спутникам. Мне не нужны твои деньги. Великий Аллах поддержит меня в моем желании, ***иншалла***. Восемьдесят киамов.

Я развел руками.

— Я не могу позволить себе заплатить столько. Я дам тебе двадцать пять, но это все. Именно потому, что я странник. Но ведь это, сам понимаешь, не означает, что я богат.

— Семьдесят пять, — сказал он не моргнув глазом. Торговля для него была скорее обычаем, чем настоящей попыткой выжать из покупателя деньги.

Это продолжалось еще несколько минут, пока я, наконец, не купил училку по законам за сорок киамов. Старик поклонился мне так, будто я был каким-нибудь великим шейхом. С его точки зрения так, конечно, и было.

Я взял училку и пошел назад, к нашему лагерю. Прежде чем я успел пройти хотя бы двадцать ярдов, меня остановил другой житель.

— ***Салам***, — сказал он.

— ***Алейкум ас-салам,*** — ответил я.

— Скажи, о блистательный, не будет ли тебе любопытно взглянуть на некоторые особенно приятные и редкие персональные модули?

— Ну, — с любопытством сказал я, — может быть.

— У нас есть такие… необычные, каких ты не найдешь нигде, ни в Наджране, ни за горами, в Салале.

Я посмотрел на него со спокойной улыбкой. Я приехал не из какого-то варварского городка вроде Наджрана или Салалы. Мне казалось, что я уже попробовал самые странные и извращенные модики в мире. И все же мне было интересно посмотреть, что сумел купить этот высокий и тощий верблюжий жокей.

— Ладно, — сказал я. — Покажи их мне.

Человек заволновался, словно опасался, что нас подслушают:

— Я могу лишиться руки, если покажу тебе, что за модики мы продаем. Но если ты пойдешь без денег, это охранит нас обоих.

Я не совсем понял:

— А что мне делать с моими деньгами?

Торговец, который продал тебе училку, имеет несколько металлических ящичков для наличных, о шейх. Отдай ему свои деньги, и он надежно их спрячет, даст тебе расписку и ключ к ящичку. Затем ты пойдешь в мой шатер и будешь пробовать наши модики сколько тебе вздумается. Когда ты решишь — покупать или нет, мы пойдем назад и заберем твои деньги. Таким образом, если кто из властей придет во время демонстрации, мы сможем доказать, что ты пришел не с целью покупки и что я не собирался

ничего продавать, потому что у твоей высокой персоны нет денег.

— И как часто прерывают ваши «демонстрации»? — спросил я.

Этот бедуинский жулик посмотрел на меня и пару раз подмигнул.

— То и дело, — сказал он. — То и дело, о шейх. Это издержки производства.

— Знаю. Это я хорошо знаю.

— Тогда, о блистательный, идем со мной, и ты отдашь деньги Али Мухаммаду, старому торговцу.

Молодой человек был что-то подозрителен, но старый торговец был мне симпатичен старомодным честным поведением.

Мы подошли к его подстилке. Молодой сказал:

— Али Мухаммад, этот господин желает посмотреть наши самые лучшие модики. Он готов оставить тебе свои деньги.

Али Мухаммад, прищурившись, посмотрел на меня:

— Он не из полиции или еще откуда?

— После разговора с этим благородным шейхом, — сказал нервный молодой человек, — я ему полностью доверяю. Клянусь тебе гробницами всех имамов, он не доставит нам неприятностей.

— Ну, ладно, посмотрим, — недовольно сказал Али Мухаммад. — Сколько у него наличных?

— Не знаю, о мудрый, — сказал мой новый приятель.

Я немного помедлил, затем выложил большую часть своих денег. Я не хотел отдавать все, но казалось, оба это знали.

— В твоих карманах не должно остаться ничего, — сказал Али Мухаммад. — Десяти риалов хватит, чтобы нас троих подвергли телесному наказанию.

Я кивнул.

— Вот, — сказал я, отдавая остальные деньги.

«Назвался груздем — полезай в кузов», — сказал я себе. Только вот кузов стоил мне четыре сотни киамов.

Старый торговец исчез в ближайшем шатре. Отсутствовал он всего две-три минуты. Вернувшись, он отдал мне ключ и расписку. Мы традиционно раскланялись, и мой дерганый провожатый повел меня к другому шатру.

Прежде чем мы прошли половину пути, он сказал:

— А ты заплатил пять киамов залога за ключ, о шейх?

— Что за залог? Ты прежде ничего о нем не говорил.

— Мне очень жаль, господин, но мы не можем пустить тебя посмотреть модики, пока ты не заплатишь залог. Всего пять киамов.

В душе у меня зашевелился неприятный страх. Я протянул этому тощему хорьку расписку.

— Вот, — сказал я.

— Но здесь ничего не говорится о залоге, о шейх, — ответил он. — Всего только пять киамов, и ты сможешь целый день играть с любыми модиками, какими только пожелаешь.

Я слишком легко купился на приманку в виде модиков класса X.

— Ладно, — сердито сказал я, — ты же видел, как я отдал все деньги до последнего киама твоему старику. У меня больше нет.

— Что же, это беспокоит меня, о мудрый. Я не могу показать тебе модики без залога.

Теперь я понимал, что, заплати я даже залог, модиков у них наверняка не оказалось бы.

— Ладно, — гневно сказал я. — Пойдем назад и заберем мои деньги.

— Как пожелаешь, о шейх.

Я повернулся и зашагал к подстилке Али Мухаммада. Его там не было. Его вообще нигде не было. Вход в шатер с ящичками для денег охранял огромный человек с темным багровым лицом. Я подошел к нему, показал расписку и попросил впустить меня, чтобы забрать свои деньги.

— Я не могу впустить тебя, пока ты не заплатишь залог в пять киамов, — сказал он.

«Человек так рычать не может», — подумал я.

Я пытался угрожать, просил, обещал большую плату, когда вернется Фридландер-Бей с остальными Бани Салим. Ничего не помогало. Наконец, сообразив, что меня облапошили, я повернулся к своему нервному провожатому. Он тоже исчез.

Итак, я остался с никчемной распиской и ключом — наверное, это был Самый Дорогой Бесполезный Ключ в мире, достойный мирового рекорда, — и с ясным сознанием того, что мне только что преподали урок гордости. Это был очень дорогой урок, но все же… Я понимал, что Али Мухаммад и его молодой поделыщик, наверное, уже на полпути к горам Карра, и как только я повернулся спиной к бедуинскому Мистеру Бицепсу, он тоже скрылся. Я расхохотался. Этот анекдот я никогда не расскажу Фридландер-Бею. Я могу сказать, что меня обокрали ночью, пока я спал. Фактически это было почти правдой.

Я просто пошел прочь, смеясь над собой и своим утраченным превосходством. Доктор Садик Абд ар-Раззак, который приговорил нас к ссылке в это ужасное место, на самом деле совершил благо. Уже не раз я разочаровывался в своих достоинствах. Я вышел из пустыни изменившимся по сравнению с тем, каким я свалился туда.

Через четыре или пять дней прибыли Бани Салим, и был

шумный праздник и много встреч. Я убедился, что с Фридландер-Беем в дороге ничего плохого не случилось и что он выглядит счастливее и здоровее, чем когда-либо. На одной из пирушек шейх Хассанейн обнял меня, как будто бы я был членом его семьи, и формально принял Фридландер-Бея и меня в свой клан. Теперь мы были полноправными Бани Салим. Я подумал: пригодится ли это нам когда-нибудь? Я подарил Хассанейну училку по шариату, и он был весьма этим доволен.

На следующий день мы приготовились к отъезду. С нами ехал бен-Турки. Он должен был провести нас через горы к приморскому городу Салале. Там мы закажем билеты на первый же корабль до города Кишна, что лежал в сотне миль к западу. Это был ближайший город, в котором имелось летное поле для суборбитальных кораблей. Мы ехали домой.

Глава 9

Суборбитальный корабль «Мухаммад аль-Бакир» был вряд ли более комфортабельным, чем тот, что доставил нас в Наджран. Мы уже не были заключенными, но еда или напитки в стоимость нашего билета не вошли.

— Вот что бывает, когда тебя заносит на край света, — сказал я. — В другой раз надо стараться попасть в более уютное местечко.

Фридландер-Бей только кивнул. Мои слова вовсе не показались ему смешными. Похоже, он предвидел еще много таких похищений и ссылок. Недостаток юмора был у него чем-то вроде фирменного знака. Именно это позволило ему превратиться из иммигранта в одного из двух самых влиятельных людей в городе. Именно поэтому он был преувеличенно осторожен. Он никому не доверял, хотя в течение многих лет вновь и вновь проверял своих людей. Я до сих пор не был уверен в том, что он мне доверяет.

Бен-Турки почти ничего не говорил. Он сидел, прилипнув к иллюминатору, временами возбужденно восклицая или сдавленно ахая. Хорошо, что он поехал с нами, поскольку он напоминал мне того юношу, которым я был до того, как пресытился современной жизнью. Для бен-Турки все было внове, он был сущим деревенщиной с нищих перекрестков Салалы. Я содрогнулся при мысли о том, что может случиться с ним, если он вернется домой. Я не знал, что лучше: совратить его как можно быстрее, чтобы он сумел защититься от волков Будайина, или защитить его очаровательную невинность.

— От Кишна до Дамаска сорок минут лету, — объявил капитан суборбитального корабля. — Пассажиры на борту могут проводить свободное время по своему усмотрению.

Это были хорошие новости. Хотя у нас не будет достаточно времени, чтобы полюбоваться Дамаском, самым старым в мире населенным городом, я был рад, что наше возвращение займет минимум времени. В Дамаске у нас была посадка примерно на тридцать пять минут. Затем мы пересаживались на другую суборбиталку прямо до города. Мы будем дома. Хоть мы и не сможем жить там совершенно свободно, но мы будем, по крайней мере, среди своих.

Фридландер-Бей уже после взлета долго смотрел в окно, и я мог лишь догадываться, о чем он думает. Наконец он сказал:

— Нам нужно решить, куда мы пойдем, когда корабль из Дамаска приземлится в городе.

— Почему бы нам просто не отправиться домой? — спросил я.

Несколько мгновений он смотрел на меня ничего не выражающими глазами.

— Потому что по закону мы до сих пор преступники. Мы сбежали от того, что здесь называют «правосудием».

Я совсем забыл об этом.

— Они даже не понимают смысла этого слова!

Папа нетерпеливо отмахнулся:

— Как только мы покажемся в городе, твой лейтенант Хаджар арестует нас и отдаст под суд за убийство.

— А в городе все говорят на таком корявом арабском? — спросил бен-Турки. — Я даже не все понимаю!

— Боюсь, что так, — сказал я ему. — Но ты быстро освоишь местный диалект.

Я снова повернулся к Папе. Его рассуждения отрезвили меня и дали понять, что наши неприятности еще отнюдь не кончились.

— И что же ты предлагаешь, о дядя? — спросил я.

Мы должны найти какого-нибудь человека, которому могли бы доверять и который мог бы нас приютить на неделю или около того.

Я не мог понять ход его мысли.

— Неделя? Что может случиться за неделю? Фридландер-Бей посмотрел на меня с ужасающе холодной улыбкой.

— За неделю, — сказал он, — мы устроим встречу с шейхом Махали. Мы заставим его понять, что нас лишили последнего законного права — подать на апелляцию, что мы настоятельно просим эмира защитить наши права, поскольку таким образом он сумеет разоблачить официальную коррупцию, что угнездилась прямо у него под носом.

Я вздрогнул и возблагодарил Аллаха за то, чтоне я стану предметом его расследования — по крайней мере не придется нервничать. Интересно, хорошо ли спят лейтенант Хаджар и доктор Абд ар-Раззак? Чувствуют ли они, что над ними сгущаются тучи? Я ощутил приятный трепет, представив себе их судьбу.

Наверное, я задремал, потому что через некоторое время меня разбудил один из стюардов, который хотел, чтобы мы с бен-Турки перед посадкой проверили пристежные ремни. Бен-Туркич смотрел на свой ремень, не зная, как его застегнуть. Я помог ему, поскольку мне показалось, что стюарду это будет приятно. Теперь ему не придется беспокоиться насчет того, что мои оторванные конечности разлетятся по кабине, если корабль кувыркнется в дюны за городскими воротами.

— Мне кажется, это блестящая возможность, о шейх, —

сказал я.

— О чем ты? — спросил Папа.

— Нас считают мертвыми, — объяснил я. — В этом состоит наше преимущество. Пройдет время, пока Хаджар, шейх Реда и доктор Абд ар-Раззак поймут, что два давно забытых трупа суют нос в дела, которые они не хотели бы выносить на свет Божий. Может быть, нам стоит действовать медленно, не дать себя сразу обнаружить. Если мы войдем в город со знаменами и под звуки труб, колодцы нашего преимущества мгновенно иссякнут.

— Очень хорошо, племянник, — сказал Фридландер-Бей. — Ты усваиваешь мудрость благоразумия. Сражение редко выигрывают, если логика не ведет атаку.

— Но еще я усвоил от Бани Салим, что промедление опасно.

— Бани Салим не стали бы сидеть в темноте и вынашивать всякие там планы, — сказал бен-Турки. — Бани Салим враз налетели бы на врагов, и тогда бы говорили винтовки. А потом мы дали бы верблюдам втоптать их тела в пыль.

— Но, — сказал я, — у нас нет верблюдов, чтобы топтать врагов. И все же мне нравится, как Бани Салим подходят к решению подобных проблем.

— Пустыня действительно изменила тебя, — сказал Папа. — Но мы не собираемся медлить. Мы пойдем вперед, неторопливо, но верно. И если надо будет убрать одну из ключевых фигур, мы сделаем это без сожаления.

— Конечно, если только это не будет фигура шейха Реда Абу Адиля, — сказал я.

— Да, конечно.

— Мне хотелось бы знать все. Почему шейх Реда должен оставаться в живых, тогда как более порядочный человек — я имею в виду его карманного имама — должен быть убит ради нашей чести?

Папа вздохнул.

— Все дело в женщине, — сказал он, отворачиваясь и снова глядя в окно.

— Не говори больше, — сказал я. — Деталей я знать не хочу. Женщина — и этим все сказано.

— Женщина и клятва. Похоже, шейх Реда забыл о нашей клятве, но я — нет. Когда я умру, ты будешь свободен. Но не раньше.

Я тоже вздохнул.

— Наверное, это была особенная женщина, — сказал я. Он никогда не рассказывал мне так много о таинственных правилах его пожизненной вражды с соперником, Абу Адилем.

Фридландер-Бей не снизошел до ответа. Он просто смотрел

на светлое небо и темную планету, навстречу которой мы мчались.

По переговорному устройству сообщили, что пассажирам следует оставаться на местах, пока суборбитальный корабль не произведет посадку и не пройдет четвертьчасовую процедуру остывания. Я испытывал некое разочарование, поскольку всегда мечтал побывать в Дамаске, а теперь, когда мы здесь, мне удастся увидеть только здания терминала.

«Мухаммад аль-Бакир» принял посадочную конфигурацию, и через несколько минут мы были на земле. Меня бросило в дрожь от облегчения. Со мной всегда так бывало. Не то чтобы я боялся, что нас собьют в полете ракетой — просто на борту я сразу же теряю веру в современную физику и суборбитальное кораблестроение. Я рассуждаю, словно перепуганный ребенок, что столько тонн стали никогда не смогут подняться в воздух, а даже если это получится, они там не удержатся. На самом деле больше всего я волнуюсь во время взлета. Если корабль не разлетается вдребезги, значит, мы взлетели, и тогда я расслабляюсь. Но до того еще несколько минут жду, что пилот скажет что-нибудь вроде:

— Наземный контроль решил прервать этот полет на полпути. Нам очень жаль…

Мы совершили мягкую посадку в Дамаске, затем пятнадцать минут смотрели в окна, пока суборбиталка приходила к утвержденному Интернациональным авиастандартом состоянию. Мы быстро сообразили, где мы сможем поймать суборбиталку, которая отвезет нас домой.

Я зашел в маленький сувенирный магазинчик, думая купить что-нибудь себе и, может быть, Индихар и Чири, но был разочарован, увидев, что все сувениры были с ярлычками типа «Сделано в Западном заповеднике» или «Сделано в оккупированной Панаме». Я удовольствовался несколькими голограммами.

Начал было надписывать одну для Индихар, но остановился. Вне всякого сомнения, все каналы связи в Папином дворце прослушиваются, и послание может попасть в чужие руки. Я мог выдать нас, послав голограмму с информацией о нашем триумфальном возвращении.

Несомненно Индихар и все мои друзья смирились с моей трагической гибелью. Что мы увидим, когда вернемся в город? Я догадывался, что узнаю много нового насчет того, как относятся ко мне люди. Возможно, Юссеф и Тарик по-прежнему заботятся об имуществе Фридландер-Бея, но для Кмузу моя смерть означала свободу, и, скорее всего, он уже давно ушел.

Поднимаясь на борт другой суборбиталки, я вновь ощутил дрожь. Сознание того, что «Нарсулла» отвезет нас назад, в наш город, наполняло меня тревожным ожиданием. И часа не пройдет, как мы будем на месте. Непрочные союзы, созданные ради попытки убить нас, рассыплются; заговорщикам придет конец, как только мы приступим к делу. Я жаждал мести. Этому научили меня Бани Салим.

Это был самый короткий полет за всю мою жизнь. Я прижался к окну, расплющив нос, словно я мог, собрав все свои силы, пришпорить «Нарсуллу» и придать ему еще большее ускорение. Мне показалось, что мы только что прошли максимум, как уже вошел стюард и сказал, чтобы мы пристегнулись для посадки. Я подумал: «А если мы врежемся в землю и выроем кратер в сотню футов глубиной? Сумеет ли ремень не дать мне покалечиться и вывести из огня?»

Мы не слишком долго мешкали на терминале, потому что Фридландер-Бей был слишком известной личностью, чтобы долго оставаться незамеченным. Могли дать знать Абу Адилю, и тогда… снова город Песчаных дюн. Или выстрел в голову.

— Что теперь, о шейх? — спросил я Папу.

— Пройдемся немного, — сказал он. Я пошел следом за ним из терминала к стоянке такси. Бен-Турки, который старался быть полезным, сам потащил чемоданы.

Папа хотел было взять первое же такси, но я остановил его.

— У этих водил чертовски хорошая память, — сказал я. — И, возможно, они клюнут на деньги. Есть тут один, как раз годится для наших целей.

— А, — сказал старик, — у тебя на него что-то есть? Какая-то давняя история, которую он не хочет поднимать на свет?

— Даже лучше, о шейх. Он физически не способен запомнить хоть что-нибудь больше чем на час.

— Не понимаю. Он что, пострадал от какой-нибудь мозговой травмы?

— Можно и так сказать, дядя. — И я рассказал ему все о Билле, об этом чокнутом американце. Он не делал косметического боди-моделирования. Внешность для Билла ничего не значила. Как и модифицирование мозга. Вместо этого он сделал совершенно безумную вещь — заплатил одному из жуликов на Улице, чтобы тот убрал у него одно легкое и вместо него вставил мешок, который выпускал в его кровь постоянную, отмеренную дозу легко усваивающегося РПМ.

РПМ по сравнению с другими галлюциногенами все равно что ложка толченого сахарина по сравнению с куском сахара. Я горько каялся несколько раз, когда пытался пробовать РПМ. Его

техническое название эл-рибопропилметионин, но сейчас люди на улицах называют его «пеклом». Когда я впервые попробовал РПМ, моя реакция была настолько ужасной, что мне пришлось принять его еще раз. Я просто не мог поверить, что мне может быть настолько плохо. Это было оскорблением моего личного титула «Победителя всех химикатов».

Теперь меня ни за какие деньги не заставишь его попробовать.

И эту дрянь Билл дни и ночи напролет закачивал в свои артерии. Нечего и говорить, что он постоянно был под кайфом. Он был похож не столько на таксиста, сколько на астролога со съехавшей крышей, который наверняка совратит целое королевское семейство и кончит тем, что его утопят в полночь в ледяной реке.

Ехать с Биллом — тоже шиза, потому что он всегда огибает все, что только видит на дороге. К тому же он убежден, что рядом с ним сидят демоны — ***ифриты*** — и сбивают его с толку, искушают его и так досаждают, что ему приходится собирать все свое внимание, чтобы уберечься от смерти и не разбиться в лепешку на шоссе. Билл и те комментарии, что он бормотал себе под нос, казались мне просто замечательными. Он был для меня примером того, как не надо жить. Я говорил себе: «Ты можешь кончить как он, если не перестанешь все время глотать таблетки».

— И ты все же рекомендуешь этого водителя? — с сомнением сказал Фридландер-Бей.

— Да, — сказал я, — поскольку все внимание Билла может пройти сквозь игольное ушко и оставить в стороне слона. Он даже не вспомнит о нас, как только мы выйдем из такси. Иногда он все забывает прежде, чем ему заплатят.

Папа подергал себя за седую бороду, которую просто необходимо было привести в порядок.

— Вижу. Значит, его в самом деле невозможно подкупить, и не потому, что он честен, а лишь потому, что ничего не помнит.

Я кивнул. Я уже искал уличный телефон. Подошел к одному, бросил монетку и назвал в трубку его код. Пришлось крутить диск пятнадцать раз, и наконец Билл ответил. Он, как обычно, сидел прямо у восточных ворот Будайина, на бульваре аль-Джамаль. Билл пару минут не мог вспомнить, кто я такой, хотя мы знали друг друга уже много лет. Он сказал, что приедет и заберет нас.

— Теперь, — сказал Фридландер-Бей, — нам надо хорошенько подумать, куда поехать.

Я сунул в рот палец и задумался:

— За «Чири», конечно, следят.

«Чири» — это ночной клуб на Улице. Папа вынудил Чиригу продать его, а затем подарил мне. Чири прежде была одной из лучших моих подруг, а после этого с трудом могла заставить себя говорить со мною. Я сумел убедить ее, что это все идея Папы, а затем продал ей половину клуба. И мы снова стали друзьями.

— Мы не можем позволить себе общаться с кем-нибудь из наших прежних друзей, — сказал он. — Похоже, я знаю решение.

Он подошел к телефону и некоторое время спокойно с кем-то разговаривал. Повесив трубку, он коротко улыбнулся мне и сказал:

— Похоже, я решил проблему. У Феррари есть пара свободных комнат над ночным клубом, и я дал ему знать, что сегодня вечером мне понадобится помощь. Также я напомнил ему о кое-каких услугах, которые много лет ему оказывал.

— Феррари? — спросил я, — «Голубой попугай»? Я там никогда не был. Слишком шикарное место.

«Голубой попугай» был одним из тех респектабельных клубов, куда ходят в шикарном костюме, где подают шампанское и где играет латиноамериканский ансамбль. Синьор Феррари скользит между столов и бормочет комплименты, пока фанаты потолка медленно поворачиваются вверху. Тут даже голых грудей не увидишь. В этом месте мне было не по себе.

— Это куда лучше. Твой водитель отвезет нас к черному ходу в клуб. Дверь будет открыта. Мы с комфортом устроимся в верхних комнатах, а после двух часов ночи, когда клуб закроется, наш хозяин присоединится к нам, ***иншалла***. Что до молодого бен-Турки, то мне кажется, будет лучше и безопаснее, если мы пошлем его к нам домой. Черкни пару строк на одной из своих голограмм, но не подписывай. Юссефу и Тарику этого хватит.

Я понял, чего он хочет. Я нацарапал короткое послание на обороте одной из голограмм с видом Дамаска: «Юссеф и Тарик, это наш друг бен-Турки. Обращайтесь с ним хорошо до нашего возвращения. Вскоре увидимся. Подпись: Магрибинец». Я отдал карточку бедуину.

— Спасибо, о шейх, — сказал он. Его все еще трясло от возбуждения. — Вы уже сделали больше, чем я смогу когда-нибудь отплатить.

Я пожал плечами.

— Не думай о благодарности, друг мой, — сказал я. — Мы найдем способ помочь тебе все отработать. — Я повернулся к Фридландер-Бею. — Я верю тебе насчет Феррари, о шейх, поскольку не знаю, насколько он честен.

Папа еще раз улыбнулся.

— Честен? Я не верю честным людям. Как ты сам знаешь,

предают всегда впервые. Синьор Феррари скорее боится меня, а на это я вполне могу положиться. Что до его честности, он не честнее, чем кто-либо другой в Будайине.

Не слишком честен, значит. Хотя в этом был свой резон. Я задумался о том, как буду убивать время в комнатах Феррари. Однако прежде чем я успел поговорить об этом с Фридландер-Беем, приехал Билл.

Он посмотрел на меня из своего такси безумными глазами — казалось, что они вот-вот зашипят.

— Ну? — спросил он.

— Во имя Аллаха, благого, милосердного, — пробормотал Папа.

— Во имя Кристи Мэтьюсона, дохлого и зарытого, — прорычал в ответ Билл.

Я посмотрел на Папу.

— Кто такой Кристи Мэтьюсон? — спросил я.

Папа едва заметно пожал плечами. Мне было любопытно, но я понимал, что сейчас не время завязывать разговоры. Таксист может разъяриться, или уехать, или начать болтать, и мы не доберемся в «Голубой попугай» до самого рассвета.

— Ну? — угрожающе спросил Билл.

— Давайте сядем в такси, — спокойно сказал Фридландер-Бей. Мы забрались внутрь. — «Голубой попугай» в Будайине. К черному ходу.

— Да? — спросил Билл. — Улица закрыта для движения автомобилей, а мы и есть автомобиль или станем им, как только я тронусь с места. Точнее, мы все стронемся, потому что…

— Не беспокойся насчет распоряжений городских властей, — сказал Папа. — Я тебе разрешаю.

— Да? Хотя мы везем огненных демонов?

— Об этом тоже не беспокойся, — сказал я. — У нас специальный пропуск, — подыграл я в свою очередь.

— Да? — проворчал Билл.

— ***Бисмилла***, — взмолился Папа.

Билл нажал на газ, и мы рванули прочь от аэропорта, словно ракета, кренясь в стороны на углах. На поворотах Билл всегда прибавлял газу, словно ему не терпелось поскорее увидеть, что там, дальше. Когда-нибудь там окажется большой грузовой фургон. И будет большой бенц.

— Йа Аллах! — в ужасе восклицал бен-Турки. — Йа Аллах! — По дороге его вопли слились в перепуганное подвывание.

На самом деле наша поездка оказалась на удивление спокойной — по крайней мере для меня. Я привык к манере Билла. Папа глубоко вжался в сиденье, закрыл глаза и то и дело

повторял: «***Бисмилла, бисмилла***». А Билл разливался в бессмысленном монологе насчет того, как бейсболисты жаловались на лысые мячи, но попробовали бы они поиграть с ***ифритом***, тогда увидели бы, как трудно отбивать огненные мячи, и даже если отобьешь, то он не уйдет к воротам, а просто рассыплется красными и желтыми искрами, вот это попробовали бы, может, тогда бы люди поняли, что… И прочее в том же духе.

Мы свернули с прекрасного будайинского бульвара аль-Джамаль и проехали через восточные ворота. Даже Билл понял, что на Улице слишком много пешеходов, и потому мы медленно подъехали к «Голубому попугаю». Затем обогнули квартал, чтобы подобраться к черному ходу. Когда мы с Папой вышли из такси, Фридландер-Бей заплатил за проезд и дал Биллу скромные чаевые.

Билл помахал загорелой рукой.

— Рад был повидать тебя, — сказал он.

— Ладно, Билл, — отозвался я. — А кто такой Кристи Мэтьюсон?

— Один из лучших игроков в истории бейсбола. Его называли Большая шестерка. Он жил лет двести, а может, сто пятьдесят назад.

— Сто пятьдесят лет? — изумился я.

— Ну? — сердито сказал Билл. — И что? Я покачал головой.

— Знаешь, где дом Фридландер-Бея?

— Конечно, — ответил Билл. — А в чем дело? Вы что, ребята, забыли, где он стоит? Не приделали же ему ноги!

Вот еще десять киамов. Отвези моего друга в дом Фридландер-Бея и удостоверься, что он добрался туда в целости и сохранности.

— Уж конечно, — сказал водитель.

Я посмотрел на заднее сиденье, где сидел бен-Турки, испуганный, что ему придется одному ехать с Биллом по огромному городу.

— Через день-два увидимся, — сказал ему я. — А пока Юссеф и Тарик позаботятся о тебе. Всего доброго!

Бен-Турки просто смотрел на меня, широко открыв глаза, но сказать ничего не мог. Я повернулся и пошел с Папой к незапертой двери «Голубого попугая». Я был уверен, что Билл забудет весь этот разговор, как только доставит бен-Тур-ки в особняк.

Мы поднялись по лестнице из твердого полированного дерева. Она описала полный круг, и мы оказались перед площадкой, на которую выходили две двери. Левая была заперта, возможно, это была личная комната Феррари. За правой дверью

оказалась большая гостиная в европейском стиле — там было много темного полированного дерева, пальмы в кадках и пианино в углу. Модерная мебель, однако, подобрана со вкусом. Из гостиной двери вели в кухню и две спальни, каждая с отдельной ванной.

— Наверное, нам тут будет удобно, — сказал я.

Папа хмыкнул и пошел в ванную. Ему было уже почти двести лет, и этот день для него был долгим и утомительным. Он захлопнул за собой дверь ванной, а я остался в гостиной, тихонько наигрывая на пианино.

Минут через пятнадцать к нам поднялся синьор Феррари.

— Я слышал, как сюда поднимались, — извиняясь, объяснил он, — и хотел увериться, что здесь именно вы. Все ли понравилось синьору бею?

— Да, и мы оба хотим поблагодарить вас за гостеприимство.

— О, не стоит!

Феррари был невероятно жирным типом, запихнутым в белую льняную сорочку. Он носил красную войлочную феску с кисточкой и все время беспокойно потирал руки, что совсем не вязалось с его учтивым, масляным голосом.

— И все же, — сказал я, — уверен, что Фридландер-Бей захочет вознаградить вас за вашу доброту.

— Если он так хочет, — ответил Феррари, прищурив свои поросячьи глазки, — я сочту за честь принять его благодарность.

— Я уверен.

— Теперь я должен вернуться к своим завсегдатаям. Если вам что-нибудь понадобится, поднимите трубку и наберите 111. Моим служащим приказано выполнять все ваши желания.

— Прекрасно, синьор Феррари. Если вы немного подождете, я бы хотел написать кое-что. Может, кто из ваших служащих передаст записку?

— Ну…

— Чириге, на Улице.

— Конечно, — сказал он.

Я написал короткую записку Чири, сообщая, что я на самом деле жив, но что она должна держать это в тайне, пока мы не очистим наши имена. Я написал, чтобы она позвонила по номеру Феррари и добавила 777, если захочет поговорить со мной, но только не по клубному телефону, поскольку его наверняка прослушивают. Я сложил записку и передал ее Феррари, который обещал, что через пятнадцать минут она будет доставлена.

— Благодарю вас за все, синьор, — зевая, сказал я.

— Теперь я покидаю вас, — сказал Феррари. — Вам, вне всякого сомнения, нужно поспать.

Я хмыкнул и закрыл дверь. Затем пошел во вторую спальню и растянулся на кровати. Я ждал телефонного звонка.

Мне не пришлось ждать долго. Через некоторое время я поднял трубку и коротко спросил:

— Где ты?

Конечно, это была Чири. Несколько секунд она несла невероятную белиберду. Постепенно я начал разбирать в этом истерическом словоизвержении отдельные слова.

— Ты правда жив? Это не шутка?

Я рассмеялся:

— Ты права, Чири. Все это я устроил перед своей смертью. Ты говоришь с записью. Черт, я на самом деле жив! Неужели ты не можешь поверить…

Хаджар принес мне известие, что вас с Папой взяли по обвинению в убийстве и что вас отправили в ссылку в такое, место, откуда вы вряд ли вернетесь.

— Но я вернулся, Чири.

— Черт, мы все тут ужасно переживали, думали, что вы погибли! Значит, мы горевали напрасно? Это ты хочешь сказать?

— Горевали? — Должен признаться, что я испытал некое извращенное удовольствие.

— Ну, я, конечно, до чертиков горевала, и еще пара девчонок, и… и Индихар. Она думала, что овдовела вторично.

Несколько секунд я молчал, покусывая губу.

— Ладно, можешь сказать Индихар, но больше — никому. Поняла? Ни Полу-Хаджу, никому из моих друзей. Они все еще под подозрением. Откуда ты звонишь?

— С платного телефона в «Пестрой еде».

Это было нечто вроде буфетной стойки. Еда там была на самом деле не слишком пестрой. А название было таким из-за ошибки художника, которую никто не удосужился исправить.

— Прекрасно, Чири. Запомни то, что я сказал.

— Как насчет того, чтобы я завтра зашла к тебе?

Я подумал, затем решил, что риск невелик. Мне хотелось снова увидеть каннибальскую ухмылку Чири.

— Ладно. Знаешь, где мы?

— Над «Голубым попугаем»?

— Ага.

Черный девушка будет очень-очень рад увидеть твоя завтра, бвана.

— Да, ты права, — сказал я, бросая трубку.

В голове моей толпились мысли и планы. Я пытался заснуть, но вместо этого около часа пролежал на кровати. Наконец я услышал, что Фридландер-Бей возится на кухне, и пошел к нему.

— Тут что, заварочного чайника нет? — ворчал Папа.

Я посмотрел на часы. Было четверть третьего ночи.

— Почему бы нам не спуститься? — спросил я. — Феррари уже должен закрыть свое заведение.

Он подумал.

— Хорошо бы, — сказал он. — Хорошо бы посидеть и отдохнуть за стаканчиком-другим чая.

Мы пошли вниз. Я тщательно проверил, все ли посетители ушли, и тогда Папа сел за столик. Один из официантов Феррари принес ему чашку чая, и после этой чашки вы никогда бы не сказали, что Папа только что вернулся из мрачной и опасной ссылки. Папа тосковал по цивилизованному чаю всякий раз, как ему приходилось заглатывать жидкий, солоноватый чай Бани Салим.

Я стоял у двери, наблюдая за дорожкой. Три или четыре полицейские машины прогрохотали по булыжной мостовой.

Наконец усталость одолела нас, и мы еще раз пожелали синьору Феррари доброй ночи. Затем поднялись по лестнице в наше убежище. Раздевшись и забравшись в роскошную гостевую постель, я в несколько минут уснул.

Проспал я часов десять. Это был самый освежающий, самый роскошный отдых, какой я только мог припомнить. Я так давно не имел удовольствия спать на чистых простынях! Меня разбудил телефонный звонок. Я протянул с кровати руку и взял трубку.

— Да? — сказал я.

— Синьор Одран, — произнес голос Феррари, — тут две молодые женщины хотят вас видеть. Отправить их к вам?

— Прошу вас, — сказал я, расчесывая пятерней свои спутанные волосы. Я повесил трубку и торопливо оделся.

С лестницы я услышал голос Чири:

— Марид? Какая дверь? Где ты, Марид?

У меня не было времени на то, чтобы умыться или побриться, но мне было наплевать. Думаю, Чири тоже. Я сказал, в какую дверь идти, и с удивлением уставился на Индихар.

— Входите, — тихо сказал я. — Придется говорить тихо, поскольку Папа спит.

— Ладно, — прошептала Чири. — Хорошенькое тут у Феррари местечко.

— О, это просто гостевые комнаты. Могу представить, каковы его собственные апартаменты.

Индихар была в черном одеянии вдовы. Она подошла ко мне и коснулась моего лица.

— Я рада, что ты жив и здоров, муж, — сказала она и, отвернувшись, расплакалась.

— Я хочу узнать одну вещь, — сказала Чири, с размаху плюхаясь в старинное кресло с изогнутой спинкой. — Вы убили полицейского или нет?

— Да не убивали, — яростно сказал я. — Нам с Папой пришили это дело, заочно осудили и забросили нас в Пустую четверть. Теперь, когда мы вернулись — можете быть уверены, кое-кто думал, что мы никогда не вернемся, — мы должны распутать это преступление, чтобы очистить свое имя. Когда мы это сделаем, вокруг полетят головы. В прямом смысле этого слова.

Я верю тебе, муж, — сказала Индихар, которая сидела рядом со мной на дорогой кушетке под стать креслу Чири. — Мой… мой прежний муж и я крепко дружили с этим убитым полицейским. Его звали Халид Максвелл, и он был добрым, благородным человеком. Я не хочу, чтобы его убийца ушел от расплаты.

— Обещаю тебе, жена моя, этого не произойдет. Он дорого заплатит.

На миг повисло неловкое молчание. Я посмотрел на Индихар, перевел взгляд на ее руки, сложенные на коленях. Чири пришла нам на помощь. Она вежливо кашлянула, затем сказала:

— Я кое-что принесла тебе, мистер Босс.

Я посмотрел на нее — она усмехалась, ее татуированное лицо пошло морщинками удовольствия. Она вынула пластиковую коробочку с модиками.

— Мои модики! — радостно сказал я. — Похоже, тут все.

— Тут достаточно психов, которые позволят тебе убить время, пока ты будешь лежать на дне, — сказала Чири.

— А вот кое-что еще, муж. — Индихар протянула мне какую-то желтовато-коричневую пластиковую штучку.

— Моя аптечка!

Я обрадовался ей больше, чем модикам. Открыл ее и увидел, что она полна «красотулями», «солнышками», паксиумом, всем, что может помочь работающему беглецу сохранить разум в нашем жестоком мире.

— Вообще-то, — сказал я, прочищая горло, — я пытаюсь завязать.

— Это хорошо, муж, — сказала Индихар. Она промолчала о том, что до сих пор обвиняет меня и мои химикаты в смерти своего первого мужа.

И то, что она дала мне аптечку, с ее стороны было широким жестом.

— Где ты это взяла? — спросил я.

— У Кмузу, — сказала Чири. — Я просто ласково поговорила с этим хорошеньким мальчиком, пока тот не понял, к чему я

клоню.

— Готов поспорить, — сказал я, — Кмузу тоже знает, что я вернулся.

— Ну, это же Кмузу, — сказала Чири. — Ты можешь ему доверять.

— Да, я действительно доверял Кмузу. Больше, чем кому другому. Я сменил тему:

— Жена, как мои приемные дети?

— В порядке. — Она впервые улыбнулась. — Они все хотят знать, куда ты подевался. Думаю, малышка Захра очень тебя любит.

Я рассмеялся, хотя это известие несколько взволновало меня.

— Ладно, — сказала Чири. — Нам надо идти. Магрибинец должен подумать о планах мести. Да, Марид?

— Да, нечто вроде этого. Спасибо, что пришли. И спасибо за модики и аптечку. Это было очень мудро.

— Не за что, муж, — ответила Индихар. — Я буду молиться Аллаху и благодарить Его за то, что он вернул тебя нам. — Она подошла ко мне и целомудренно поцеловала меня в щеку.

Я проводил их до двери.

— А как дела с клубом? — спросил я.

Чири пожала плечами:

— Старая история. Бизнес заглох, девушки все пытаются втереть нам очки, остальное ты знаешь.

Индихар рассмеялась:

— Остальное в том, что твой клуб кует деньги, как сумасшедший, и теперь тебе придется везти свою долю в банк на тракторе!

Другими словами, все было в порядке. Кроме нашей с Фридландер-Беем личной свободы. У меня были кое-какие мысли насчет того, как улучшить дела в этой области, но я должен был сделать еще пару важных звонков.

— ***Салаамтак***, — сказала Индихар, кланяясь мне.

— ***Аллах йисаллимак***, — ответил я.

Женщины ушли, и я закрыл дверь.

Я почти сразу же пошел на кухню и проглотил несколько «солнышек», запив их стаканом воды. Я пообещал себе, что не вернусь к старым привычкам, просто смогу вознаградить себя за Недавнее героическое поведение. После этого я уберу аптечку и сохраню ее на экстренный случай.

Из любопытства я просмотрел свои модики и обнаружил, что Чирига сделала мне небольшой подарок — новый секс-модик. Я рассмотрел его.

На этикетке было написано: «Ад в ночи». Это был один из

ранних модиков Хони Пилар, но записан он был с точки зрения ее партнера.

Я отправился в спальню, разделся и лег в постель. Затем прошептал «***Бисмилла***» и вставил модик.

Первое, что заметил Одран, было то, что он гораздо моложе, сильнее и что его переполняет ожидание, граничащее с отчаянием. Он чувствовал себя прекрасно и смеялся, сбрасывая с себя одежду.

С ним в комнате была женщина, и была это Хони Пилар. Одран любил ее со всепожирающей страстью с той минуты, как увидел. Это случилось два часа назад. Он думал, что удостоился высочайшей чести — смотреть на нее и слагать в ее честь корявые стихи. То, что они могут быть вместе, было сверх его ожиданий.

Она медленно разделась, затем скользнула к Одрану в постель. Она была светлой блондинкой, глаза ее были зелены, как чистые, холодные океанские волны.

— Ну? — спросила она томным музыкальным голосом. — Тебе очень больно?

«Ад в ночи» был одним из ранних секс-модиков Хони, и в нем был рудиментарный сюжет. Одран осознал, что он раненый герой, боец за независимость Каталонии, а Хони играет отважную дочь злобного валенсианского герцога.

— Я в порядке, — ответил Одран.

— Тебе нужен массаж, — прошептала она, пробежав пальчиками по его груди и остановив шись как раз там, где начинались лобковые волосы. Она смотрела на него, ожидая его позволения.

— Прошу, продолжай, — сказал Одран.

— Во имя революции, — сказала она.

— Конечно.

Она ласкала его до тех пор, пока он больше не смог выдержать. Он запустил пальцы в ее благоухающие волосы, затем схватил ее и опрокинул на спину.

— Но твои раны! — воскликнула она.

— Ты чудно исцелила меня.

— О, как хорошо, — простонала она, когда Одран вошел в нее. Сначала они двигались медленно, затем все быстрее и быстрее, пока Одран не ощутил взрыв изысканного наслаждения.

Через некоторое время Хони Пилар села.

— Я должна идти, — печально сказала она. — Есть и другие раненые.

— Понимаю, — ответил Одран. Он протянул руку и вынул модик.

— Господи! — прошептал я. Я давно уже не проводил время с Хони Пилар. Я уж начал было думать, что слишком стар для

этого. В смысле, уже не дитя. Лежа в кровати и задыхаясь, я понял, что едва не перегнул палку. Может, у них есть модики, которые записаны с пар, что уже лет двадцать женаты? Это было бы как раз по мне.

В дверь постучали.

— Племянник, — позвал Фридландер-Бей, — ты в порядке?

— Да, о шейх, — ответил я.

— Я спрашиваю только потому, что слышал, как ты кричал.

Блин!

— Да кошмар приснился, вот и все. Я сейчас приму душ и выйду к вам.

— Очень хорошо, о превосходный.

Я выбрался из кровати, быстренько принял душ и вышел в гостиную.

— Переодеться бы в чистое, — сказал я. — Я не менял одежды с тех пор, как нас похитили, и, по-моему, она окончательно того.

Папа кивнул.

— Я уже позаботился об этом. Послал записку Тарику и Юссефу, и они тотчас будут здесь с чистой одеждой и деньгами.

Я сидел в кресле с резной спинкой, Папа — на кушетке.

— Полагаю, твой бизнес шел весьма хорошо, пока они стояли у руля.

— Я доверил Тарику и Юссефу свою жизнь и даже больше — я доверил им свою собственность.

— Приятно будет увидеть их снова.

— У тебя утром были посетители. Кто?

Я сглотнул. Внезапно я осознал, что он может рассматривать визит Индихар и Чири как серьезное нарушение секретности. Еще хуже — он может счесть это глупостью, достойной наказания.

— Моя жена и моя партнерша Чирига, — сказал я. У меня вдруг пересохло во рту.

Но Папа только кивнул:

— Обе они, сохрани Аллах, в порядке?

— Да, хвала Аллаху.

— Рад это слышать. Теперь… — Его прервал стук в дверь. — Племянник, — спокойно сказал он, — посмотри, кто там. Если это не Тарик с Юссефом, не впускай. Даже если это кто-нибудь из твоих друзей.

— Я понял, о шейх.

Я подошел к двери и посмотрел в глазок. Это были Тарйк и Юссеф, Папины слуга и дворецкий, а также управляющие его собственностью.

Я открыл дверь, и они бурно приветствовали нас.

— Добро пожаловать домой! — воскликнул Юссеф. — Благодарение Аллаху за ваше благополучное возвращение! Мы ни на минуту не поверили истории о том, что вы погибли в какой-то далекой пустыне!

Тарик внес в гостиную пару жестких чемоданов и поставил их на пол.

— ***Ас-салам алейкум, йаа шейх***, — сказал он мне. Повернулся к Папе и произнес то же самое.

— ***Алейкум ас-салам***, — ответил Фридландер-Бей. — Расскажите о том, что мне стоит знать.

Они действительно держали бизнес на ходу. Того, о чем они говорили с Папой, я по большей части не понимал, однако были два предприятия, в которых я участвовал. Первое — попытка каппадокийцев получить независимость от Анатолии. Я встречался с представителями Каппадокии — как давно это было? Казалось, что прошло много месяцев, а на самом деле не могло пройти больше нескольких недель.

Слово взял Юссеф:

— Мы решили, что у каппадокийцев есть хороший шанс свергнуть анатолийское правительство в их провинции. С нашей помощью это может стать реальным. И стоить это нам будет относительно дешево, причем у власти они смогут находиться достаточно долго.

Достаточно долго? Достаточно — для чего? Я не понимал. Мне еще столько надо было узнать…

Когда все геополитические темы были обсуждены и прокомментированы, я спросил:

— А что насчет проекта цифровой связи?

— Похоже, он завис, шейх Марид, — сказал Тарик.

— Так подтолкните его, — сказал Папа.

— Нам нужен кто-нибудь со стороны на исполнительную должность, — сказал Тарик. — Конечно, исполнительная должность без настоящей власти или влияния — это останется в семье, — но нам нужен, скажем…

— Козел отпущения, — сказал я. Тарик только моргнул.

— Да, — сказал он. — Это точно.

— Ты думал об этом, не так ли, племянник? — спросил Папа.

Я кивнул:

— Да, я кое-кого присмотрел на эту должность.

— Очень хорошо, — сказал Фридландер-Бей и встал. — Вроде бы все в порядке. Я так и ожидал. И все же вы будете вознаграждены.

Юссеф и Тарик поклонились и забормотали слова благодарности. Папа положил левую руку на голову Тарика,

правую — на голову Юссефа. Точно святой, благословляющий своих последователей.

— О шейх, — сказал я, — осталось решить еще одну проблему…

— М-м? — Он посмотрел на меня.

— Шейх Махали, — сказал я.

— О да, превосходный. Спасибо, что напомнил. Юссеф, я хочу, чтобы ты устроил нам с внуком встречу с эмиром. Скажи ему, что мы понимаем — мы беглецы, но напомни ему также, что нас лишили законного права апеллировать по поводу нашего вымышленного осуждения. Мы думаем, что сможем уверить его в нашей невиновности и просить всего лишь возможности защищаться.

Да, — сказал Юссеф, — я понял. Сделаем так, как вы желаете.

— Скорее так, как желает Аллах, — сказал Папа.

— Как желает Аллах, — пробормотал Юссеф.

— А бен-Турки? — спросил Тарик. — Мы устроили его в свободных комнатах, и, похоже, он до глубины души потрясен всем тем, что увидел. Он завязал дружбу с Умм Джирджи, вашей женой.

— Прекрасно. — Мой рот дрогнул в улыбке.

— Еще одно, — сказал Фридландер-Бей, правитель половины города. — Я хочу один билет туда и обратно на суборбитальный корабль до Наджрана в княжестве Азир.

Смею вас заверить, тут у меня кровь в жилах застыла.

Глава 10

Мне казалось, что с того времени как я впервые посетил дворец принца, прошел целый год. На самом деле прошло всего несколько недель.

Однако за это время я успел несколько измениться. Я стал более четко все понимать и утратил неприятие прямого действия. Поможет ли это в моей городской жизни или помешает — поживем, увидим.

Дворец эмира при дневном свете был еще прекраснее, чем в тот вечер, когда он устроил прием в честь моей свадьбы. Воздух был чист, ветерок — свеж и прохладен. Журчание воды в фонтанах успокаивало меня, пока я шел по садам шейха Махали. Мы дошли до дворца, и слуга открыл нам двери.

— У нас назначена встреча с эмиром, — сказал Фридландер-Бей.

Слуга внимательно осмотрел нас, решил, что мы не психи и не убийцы-, и кивнул. Мы пошли вслед за ним по длинной галерее, опоясывающей внутренний двор. Он открыл дверь в маленький покой для приемов, мы вошли и сели, дожидаясь прихода шейха. Я чувствовал себя очень неуютно, словно меня поймали на мошенничестве во время тестирования, и теперь оставалось только дождаться начальника, чтобы меня наказали. Различие было только в том, что меня поймали не на мошенничестве — нас обвиняли в убийстве офицера полиции. И грозил нам не десяток ударов розгой, а смерть.

Я решил, что защиту будет вести Папа. У него на полторы сотни лет больше практики, чем у меня.

Мы около четверти часа просидели в тревожном ожидании. Затем, скорее суетливо, чем торжественно, вошел шейх Махали и с ним еще трое. Шейх очень хорошо смотрелся в своей белой джеллабе и кафии, а два его спутника были одеты в европейские тёмно-серые костюмы. Третий носил темный тюрбан человека, изучающего благородный Коран. Очевидно, это был визирь шейха Махали.

Принц сел в роскошное резное кресло и повернулся к нам.

— В чем дело? — спокойно спросил он.

— О принц, — сказал Фридландер-Бей, выступая вперед, — нас несправедливо обвинили в смерти полицейского офицера Халида Максвелла. Потом, без публичного суда лишив возможности предстать перед обвинителями и защищаться, нас похитили — прямо из поместья вашего высочества, после приема по случаю бракосочетания, который вы давали в честь моего

правнука. Нас заставили подняться на борт суборбитального корабля и сообщили, что мы уже осуждены. Когда мы сели в Наджране, нас взяли на борт вертолета и затем вышвырнули в Аравийской пустыне, в ее южной, самой опасной части — Руб-аль-Хали. Нам повезло уцелеть, и благодаря великому мужеству и самоотверженности моего любимого правнука мы дожили до того часа, как нас спасло кочевое племя бедуинов, да благословит их Аллах. Мы смогли вернуться в город только сейчас. Мы молим вас обратить внимание на это дело, поскольку верим в та, что у нас есть право на апелляцию и шанс обелить свое имя.

Эмир тихонько посовещался со своим советником. Затем снова повернулся к нам.

— Я ничего об этом не знал, — просто сказал он.

— Я тоже, — сказал визирь, — а ваше дело должно было бы перед судом попасть ко мне на стол. В любом случае такой суд и приговор не могут быть законными без согласия шейха Махали.

Фридландер-Бей вышел вперед и протянул визирю копии нашего обвинения и приговора, полученные от кади.

— Вот все, что нам показали. Здесь подписи кади и доктора Садика Абд ар-Раззака.

Визирь несколько мгновений рассматривал бумагу, затем передал ее принцу. Принц глянул на нее и сказал:

— Тут нет моей подписи или подписи моего визиря. Этот ордер не имеет силы. Вы имеете право апеллировать в течение месяца начиная с сегодняшнего дня. За это время я допрошу лейтенанта Хаджара, доктора Садика Абд ар-Раззака и этого неизвестного мне кади. Между тем я проведу расследование, почему это дело прошло мимо меня.

— Благодарим вас за ваше великодушие, о принц, — скромно сказал Фридландер-Бей.

Эмир отмахнулся:

— Не стоит благодарности, я просто выполняю свой долг. Теперь скажите мне — кто-нибудь из вас хоть как-нибудь причастен к смерти этого полицейского?

Фридландер-Бей приблизился к эмиру еще на шаг и посмотрел ему прямо в глаза:

— Клянусь головой, клянусь жизнью Пророка — да будет с ним мир и благословение Аллаха, — мы никак не причастны к смерти офицера Максвелла. Мы даже не знали этого человека.

Шейх Махали задумчиво погладил свою тщательно ухоженную бороду.

— Увидим. Теперь возвращайтесь домой, потому что ваша отсрочка уже вступила в силу.

Мы низко поклонились и вышли из приемной. Оказавшись

снаружи, я с облегчением выдохнул — я так долго сдерживался!

— Мы можем ехать домой! — сказал я.

Папа был чрезвычайно счастлив.

— Да, племянник, — сказал он. — При наших возможностях и при месячной отсрочке Хаджар с имамом вряд ли смогут одолеть нас.

Я не знал в точности, что у него на уме, но мне хотелось как можно скорее окунуться в привычную жизнь. Я изголодался по спокойствию, по маленьким привычным проблемам, и я не хотел опасностей больших, чем представляет собой мышка в женском туалете моего ночного клуба. Однако, как писал один великий поэт из рода ферinджи: «Лучшие планы мышей и людей часто летят к чертям».

Это могло случиться и в мое время, я инстинктивно это понимал.

Так бывало всегда. Именно поэтому я старался сейчас не строить никаких планов. Я мог и подождать, пока Аллах в Своем бесконечном милосердии не устремит Своих намерений в нужном мне направлении.

Однако иногда нужно потерпеть несколько дней, чтобы у Владыки Миров дошли до тебя руки. Все это время я отдыхал у Чири, с удобством устроившись на своем привычном месте в углу бара. Четыре-пять ночей спустя, сильно за полночь, я смотрел, как Чирига, моя партнерша и ночная барменша, получала скромные чаевые от клиента. Она оскалила на него свои заостренные зубы и передвинулась к моему краю стойки.

— Дешевый ублюдок, — сказала она, запихивая деньги в карман своих тугих джинсов.

Некоторое время я не говорил ни слова. Я был в меланхолическом настроении. А все потому, что было уже три часа ночи и я много выпил.

— Знаешь, — наконец сказал я, глядя на стоявшую на сцене Ясмин, — когда я был ребенком, я пытался себе представить, что значит быть взрослым. Я все представлял себе не так. Совершенно не так.

Прекрасное черное лицо Чири расплылось в одной из ее редких улыбок:

— Я тоже. Никогда не думала, что зависну в этом городе. В своих мечтах я не хотела оставаться в Будайине. Я целила более высоко.

— И все же мы здесь.

Улыбка на лице Чириги погасла.

— Я здесь, Марид, невозможно, навсегда. У тебя же есть большие надежды.

Она взяла мой пустой стакан, бросила туда несколько кубиков льда и смешала мне новую порцию «Белой смерти». Так Чирига называла мой любимый напиток, смесь джина с горьким апельсиновым соком — бингарой и глотком розового сока лайма. Мне не нужно было больше пить, но я хотел.

Она поставила передо мной старый потрепанный корковый поднос, затем снова пошла в бар в передней части клуба. Вошел посетитель и сел возле двери. Чири пожала плечами и показала ему на меня. Посетитель встал и медленно пошел по узкому проходу между баром и обеденным залом. Когда он подошел чуть поближе, я узнал Жака. Жак очень гордился тем, что он христианин, живущий в мусульманском городе, и кичился тем, что на три четверти европеец, в то время как все вокруг арабы. Из-за этого он совсем отупел и стал мишенью для насмешек. Он был одним из трех моих старых приятелей: Саид Полу-Хадж был мне другом, Махмуда я так не назвал бы, а Жак был как раз посередке. Я ни шиша бы не дал за то, что он делает или говорит, равно как и все, кого я знал.

— Тебя где носило, Марид? — спросил он, сев рядом со мной. — Ты заставил нас всех поволноваться.

— Все в порядке, Жак, — сказал я. — Выпить хочешь?

Ясмин оттанцевала уже третью песню, подобрала одежду и поспешила со сцены, чтобы выманить чаевые у последних угрюмых зрителей.

Жак нахмурился:

— У меня нынче не так много денег. Я просто хотел поговорить с тобой.

— Ох-ох-онюшки, — сказал я. За тот месяц, что я владею этим клубом, я все это выслушал уже не раз. Я дал Чири знак принести пива моему старому приятелю Жаку.

Мы смотрели, как она наполняет высокий стакан и несет его в бар. Она поставила пиво перед Жаком, но ничего ему не сказала. Чири терпеть его не могла. Жак был из тех парней, которого половина Будайина оповестила бы о ночном пожаре в его доме, бросив карточку в ящик.

К нам подошла Ясмин. Она уже была одета в короткую кожаную юбку и черный кружевной бюстгальтер.

— Ну что, подбросишь мне за мой танец, Жак? — сказала она с ласковой улыбкой. Я подумал, что она — самая сексуальная танцовщица на Улице, но поскольку Жак — жесткий гетеросексуал, а Ясмин не от рождения девушка, вряд ли ей будет с ним хорошо.

— У меня денег мало, — начал было он.

— Дай ей, — холодно сказал я.

Жак коротко глянул на меня, но все же полез в карман и выудил оттуда бумажку в один киам.

— Спасибо, — сказала Ясмин и пошла к другому одинокому посетителю.

— А меня ты не желаешь видеть, Ясмин? — сказал я.

— Как поживает твоя жена! — спросила она, не обернувшись.

— Да, — ухмыльнулся Жак, — никак, медовый месяц уже кончился? Ты проторчишь здесь всю ночь?

— Я тут хозяин, ты же знаешь.

Жак пожал плечами:

— Да, но Чири без тебя прекрасно управлялась.

— Как и прежде, если я правильно помню.

Я выжал в бокал маленькую дольку лайма и заглотил напиток одним махом.

— Значит, ты зашел сюда так поздно выпить пивка на халяву? Или как?

Жак слабо улыбнулся мне.

— Я кое о чем хотел тебя спросить, — сказал он.

— Я понял.

Я покачал пустым стаканом. Чири лишь брови подняла — ей казалось, что я и так уже изрядно выпил, и таким образом она давала мне это понять.

Но я был не склонен реагировать на ее осуждающие взгляды. Чири обычно не вмешивалась в чужие дела, считая, что у каждого психа своя программа. Я снова подал знак, на сей раз жестче, и она, кивнув наконец, смешала еще «Белой смерти». Она прошла в мой конец бара, со стуком поставила стакан передо мной и ушла прочь, не говоря ни слова. Я не понимал, что ее так разволновало.

Жак медленно потягивал свое пиво, затем поставил стакан в самую середину подноса.

— Марид, — сказал он, уставившись на миленькую сексобменку Лили; которая устало дотанцовывала на сцене, — не поможешь ли ты Фуаду?

Что я могу сказать о Фуаде? На Улице он известен как аль-Манхус, что значит «вечный лопух» или что-то вроде этого. Фуад — высокий тощий парень с гривой грязных волос, зачесанных валиком. В детстве он, наверное, перенес кучу дегенеративных заболеваний, поскольку его руки тоненькие и хрупкие, словно сухие жердинки, с огромными распухшими суставами. У него, как я знал, всегда добрые намерения, но вид жалкий, щенячий. Он так отчаянно хочет быть любимым и так старается угодить, что иногда просто достает окружающих. Некоторые из клубных танцовщиц используют его в качестве посыльного — гоняют за едой или по поручениям, за что никогда ему не платят и даже не

благодарят. Когда я о нем думал, а такое бывало не часто, мне было его немного жаль.

— Фуад не слишком-то умен, — сказал я. — Он до сих пор так и не может понять, что эти шлюхи, в которых он постоянно втюривается, обчистят его как липку при первой же возможности.

Жак кивнул:

— Я говорю не о его способностях. Я хочу спросить: ты помог бы ему, если бы дело касалось денег?

— Ну, он, конечно, зануда… Однако не могу припомнить, чтобы он когда-нибудь сделал что-нибудь такое, что повредило бы другим. Не думаю, чтобы у него хватило на это пронырливости. Да, думаю, я бы ему помог. Поживем — увидим. Жак глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Хорошо, слушай, — сказал он. — Он хочет, чтобы я сделал ему большое одолжение. Скажи, что ты об этом думаешь.

— Время, Марид, — сказала с того конца бара Чири.

Я посмотрел на часы. Было уже половина третьего. В баре кроме нас было еще только двое посетителей, и они сидели тут уже почти час. За это время больше никто не пришел, только Жак. Мы не планировали других дел на вечер.

— Ладно, — сказал я танцовщицам, — дамы могут одеться.

— Вау! — воскликнула Пуалани.

Она и еще четверо танцовщиц побежали в раздевалку — надевать уличную одежду. Чири занялась подсчетами. Двое посетителей, которые только мгновение назад были поглощены бессмысленным разговором с Кэнди и Винди, растерянно уставились друг на друга.

Я встал и погасил верхний свет, затем снова сел рядом с Жаком. Мне всегда казалось, что на свете нет более одинокого места, чем будайинский бар в момент закрытия.

— Чего на сей раз хочет от тебя Фуад? — устало сказал я.

— Это долгая история, — ответил Жак.

— Ужасно. Почему ты не пришел восемь часов назад, когда я был более склонен выслушивать долгие истории?

— Только послушай. Сегодня днем Фуад пришел ко мне, и вид у него был плачевный. Ты понимаешь, что я имею в виду. Можно было подумать, что намечается конец света, а он только что обнаружил, что его на это событие не пригласили. Короче, я перекусывал в «Утешении» с Полу-Хаджем и Махмудом. Явился Фуад, приволок с собой стул и сел. И к тому же стал жрать из моей тарелки.

— Ну да, это на него похоже, — сказал я. Я взмолился к Аллаху, чтобы Жак добрался до сути дела быстрее, чем Фуад.

— Я дал ему по рукам и сказал, чтобы он валил отсюда,

поскольку у нас важный разговор. На самом деле ничего серьезного не было, просто я не хотел с ним возиться. Тогда он сказал, что ему нужна помощь, чтобы вернуть свои деньги. Саид спросил его: «Что, Фуад, опять одна из этих трудениц тебя обчистила?» Но Фуад сказал — нет, совсем не то. Тут он достает официальную с виду бумажку и отдает ее Саиду, который глядит на нее и передает мне, а я смотрю и отдаю Махмуду. «Что это такое?» — говорит Махмуд. «Это чек на двадцать четыре сотни киамов», — отвечает Фуад — «Как ты его добыл?» — спрашиваю я. «Долгая история», — отвечает он.

Я закрыл глаза и приложил ледяной стакан к своей гудящей голове. Я мог бы вставить блокировщик боли, но он остался в коробочке на столе в моих апартаментах.

— Жак, — тихо и угрожающе спросил я, — ты сказал, что это долгая история, а теперь Фуад говорит, что это долгая история. Я не хочу выслушивать долгие истории. Ладно? Не мог бы ты просто пробежаться по главным моментам?

— Конечно, Марид, не беспокойся. Он сказал, что копил эти деньги несколько месяцев, чтобы купить подержанный электрофургон у какого-то типа в Расмийе. Он сказал, что жить в фургоне ему будет дешевле, чем снимать квартиру, и что у него были планы отправиться в Триполи повидаться со своими.

— Фуад оттуда родом? Я этого не знал.

Жак пожал плечами.

— Короче, он сказал, что этот тип из Расмийи назначил ему цену за фургон в двадцать четыре тысячи киамов. Фуад клялся, что он в прекрасном состоянии, и его только нужно кое-где подвинтить, и что он взял все свои деньги и выписал банковский чек на имя этого типа. А днем, когда он прошел пешком весь путь от Будайина до Расмийи, оказалось, что тот уже продал фургон кому-то другому, после того как пообещал придержать его для Фуада. Я покачал головой:

— Фуад есть Фуад. Что за безнадежный сукин сын!

— Итак, он протопал всю дорогу назад, вошел в восточные ворота, нашел нас в кафе «Солас» и рассказал нам о своем горе. Махмуд просто рассмеялся ему в лицо, а у Саида торчал Рекс, его трахательный модик для голубых, так что ему было не до Фуада. Но мне его даже жалко стало.

— Ох, — сказал я. Я забеспокоился, услышав о том, что Жак кого-то пожалел. Если бы это было правдой, то небеса разверзлись бы или еще что-нибудь такое случилось. Однако небеса вроде бы были в порядке.

Жак беспокойно завертелся на табурете.

— Ну, похоже, Фуад никогда не имел своего банковского

счета. Он держал деньги в старой коробке из-под сигар или где-то еще. Потому ему и пришлось выписывать банковский чек. Вот он и остался теперь с банковским чеком на чужое имя и никак не может вернуть свои двадцать четыре сотни киамов.

— Ага, — сказал я. Я начал понимать, в чем сложность дела.

— Он хочет, чтобы я оплатил ему чек, — сказал Жак.

— Так оплати.

— Не знаю, — сказал Жак. — Слишком большая сумма.

— Тогда не плати.

— Да, но…

Я раздраженно посмотрел на него:

— Ладно, Жак, какого черта ты от меня хочешь?

Несколько мгновений он смотрел в свой пустой стакан. Я никогда не видел его в таком замешательстве. За многие годы он не раз со злобной радостью напоминал мне, что я наполовину француз, наполовину бербер, в то время как он превосходит меня на целого европейского деда. Наверное, ему пришлось изрядно побороться с собой, прежде чем прийти просить у меня совета.

— Магрибинец, — сказал он, — за последнее время ты приобрел репутацию человека, который умеет улаживать дела. То есть решать проблемы и все такое.

Да уж конечно. С тех пор как я стал невольным мстителем у Фридландер-Бея, мне приходилось разбираться прямо и жестоко со всякого рода плохими парнями. Я представлял себе, как они перешептываются: «Берегись Марида — теперь он может всем нам кости переломать».

Я начал становиться в Будайине силой, с которой нельзя не считаться. И не только в Будайине — в остальной части города тоже. Временами у меня бывали дурные предчувствия на этот счет. Как бы ни интересовали меня задачи, которые ставил передо мной Папа, частенько бывало, что мне хотелось спокойно управлять своим маленьким клубом, несмотря на всю привлекательность той силы, которой я теперь обладал.

— Чего ты от меня хочешь, Жак? Прижать того парня, который облапошил Фуада? Взять его за глотку и трясти, пока он не продаст ему фургон?

— Нет, Марид, это глупо. У парня уже нет фургона.

Я потерял терпение:

— Так чего же, черт возьми, тебе надо?

Жак посмотрел на меня и тут же отвел глаза.

— Я взял у Фуада чек и не знаю, что с ним делать. Просто скажи что.

— Господи, Жак, я просто отложил бы дело. Я положил бы его на свой счет и подождал бы, пока по нему не выплатят деньги.

Когда двадцать четыре сотни киамов появятся на моем счету, я снял бы их и отдал Фуаду. Но не прежде. Подожди, пока оплатят чек.

Лицо Жака расплылось в неверной улыбке:

— Спасибо, Марид. Знаешь, что на Улице тебя теперь зовут аль-Амин? Верный? Теперь ты в Будайине большая фигура.

Некоторые из моих менее богатых соседей обращались ко мне как к шейху Мариду Верному лишь потому, что я ссужал им немного денег и открыл несколько бесплатных столовых. Не слишком много. В конце концов, святой Коран требует, чтобы мы заботились о ближних.

— Да уж, — кисло сказал я, — шейх Марид. Это я.

Жак пожевал губу и принял решение.

— Тогда почему ты этого не сделаешь? — спросил он. Он вынул из кармана рубашки зеленый чек и положил его передо мной. — Почему бы тебе не пойти и не положить его для Фуада? У меня просто времени нет.

— У тебя времени нет? — рассмеялся я.

— У меня других забот хватает. Кроме того, есть причины, по которым я не хочу, чтобы у меня на счету появились бы двадцать четыре сотни киамов.

Я воззрился на него. Это было так похоже на Жака.

— Это твоя проблема, Жак. Сегодня вечером ты чуть не сделал настоящее дело, но в самый ответственный момент начал тормозить. Нет, я не вижу причины, почему это должен делать я.

— Я тебя как друга прошу, Марид.

— Да сделаю я, сделаю, — сказал я. — Я заступлюсь за Фуада. Если ты так боишься попасть впросак, то я гарантирую чек. У тебя есть что-нибудь под рукой?

Жак протянул мне ручку, я перевернул чек и подписал его — сначала написал имя парня, который разбил Фуаду сердце, затем поставил собственную подпись. Потом кончиками пальцев придвинул чек Жаку.

— Я запомню это, Марид, — сказал он.

— Знаешь, Жак, в юности нужно читать побольше сказок. Ты ведешь себя прямо как какой-нибудь дурной принц, который проезжает мимо несчастной старушки. Дурные принцы, сам знаешь, всегда кончают в животе у джинна. Или ты невосприимчив к народной мудрости, европеец?

— Я не нуждаюсь в нравоучениях, — нахмурившись, сказал Жак.

— Слушай, в благодарность я кое-чего хочу от тебя.

Он вяло улыбнулся:

— Конечно, Марид. Бизнес есть бизнес.

— А дела есть дела. И делаются они именно так. Я хочу, чтобы ты оказал мне маленькую услугу, *mon ami*. Последние несколько месяцев Фридландер-Бей говорил о том, что хочет заняться индустрией цифровой связи. Он просил меня присмотреть человека живого и трудолюбивого, для того чтобы тот представлял его новое предприятие. Как ты думаешь насчет того, чтобы занять перспективную должность?

Хорошее настроение Жака враз улетучилось.

— Не думаю, чтобы у меня было на это время, — сказал он. Голос у него был весьма встревоженный.

— Тебе понравится. Ты накуешь столько денег, иншалла, что забудешь о всех своих прочих проблемах.

Это был как раз тот случай, когда воля Аллаха совпадала с волей Фридландер-Бея. У Жака глаза забегали, как у животного, угодившего в ловушку.

— Я правда не хочу…

— Я думаю, ты хочешь, Жак. Но сейчас об этом не беспокойся. Мы обсудим это за ленчем через день-два. А теперь — спасибо, что пришел ко мне со своей проблемой, Я думаю, для нас обоих это будет очень хорошо.

— Сунь его в банкомат, — сказал он.

Он встал с табурета, пробормотал что-то себе под нос и ушел. Я мог поспорить, что он глубоко сожалеет о том, что пришел нынешней ночью к Чири. Я чуть не рассмеялся, глядя на его физиономию, когда он уходил.

Немного позже в клуб вошел высокий сильный негр с обритой головой и угрюмым лицом. Это был мой раб, Кмузу. Он встал прямо у двери, дожидаясь, когда я расплачусь с Чири и танцовщицами и закрою бар. Кмузу должен был отвезти меня домой. И еще он следил за мной для Фридландер-Бея.

Чири всегда была рада его видеть.

— Кмузу, милашка, присядь и выпей! — сказала она. За последние шесть часов она впервые так обрадовалась. Хотя ей не слишком с ним везло. Чири очень нравилось тело Кмузу, но он, казалось, не отвечал ей взаимностью. Думаю, что Чири начала сожалеть о татуировке и ритуальных шрамах на своем лице, потому что они, похоже, его смущали. И все же каждый вечер она предлагала ему выпить, а он отвечал, что он верующий христианин и спиртного не пьет, и вместо этого позволял ей налить себе стакан апельсинового сока. И еще он говорил ей, что не может думать о нормальных отношениях с женщиной, пока не получит свободу.

Он понимал, что я хочу дать ему свободу, но не сейчас. С одной стороны, Папа — Фридландер-Бей — подарил его мне, но

не позволил бы объявить никого из невольников свободным. С другой стороны, как бы мне ни было противно это сознавать, мне нравилось иметь Кмузу под рукой.

— Иди сюда, мисхер Босс, — сказала Чири. Она забрала дневные счета, сунула в карман причитавшуюся ей половину выручки и теперь похлопывала по внушительной пачке киамов, что лежала передо мной на стойке. Мне не сразу удалось преодолеть чувство вины от того, что я каждый вечер отвожу в банк столько денег, ничего не делая, но под конец я победил. Больше меня это не обременяло. Я спонсировал хорошую работу бара, и стоило мне это пять процентов недельного дохода.

— Забирайте деньги, — сказал я. Дважды приглашать не пришлось. Настоящие девушки, сексобменки и дооперационные первы, что работали у Чири в ночную смену, выстроились за своей зарплатой и комиссионными за спиртное, которое они добыли. Винди, Кэнди и Пуалани забрали свои деньги и, не сказав ни слова, поспешили в ночь. Лили, которая вот уже несколько месяцев была влюблена в меня по уши, чмокнула меня в щечку и прошептала приглашение прийти выпить с ней. Я просто легонько похлопал ее по попке и повернулся к Ясмин.

— Она откинула за спину свои прекрасные черные волосы.

— Индихар ждет тебя? — спросила она. — Или ты по-прежнему спишь один?

Она взяла деньги из моей руки и вслед за Лили пошла прочь из клуба. Она никогда не простит мне женитьбы.

— Приструнить ее, Марид? — спросила Чири.

— Нет, но все равно спасибо.

Я был благодарен ей за заботу. За исключением нескольких коротких периодов недопонимания, Чири много лет была моим самым лучшим другом в городе.

— С Индихар все в порядке? — спросила она.

— В порядке. Я почти не вижу ее. У нее и детей собственные апартаменты в другом крыле дворца Папы. Ясмин была права насчет того, что я сплю один.

— Ох-ох… — сказала Чири. — Это долго не продлится. Я видела, как ты смотришь на Индихар.

— Это брак по расчету.

— Ох-ох. Ладно, я забираю деньги. Мне пора домой. Хотя я и не знаю, зачем мне это надо, меня дома никто не ждет. У меня есть все секс-модики Хони Пилар, но нет никого, с кем спать. Наверное, я вытащу свою старую шаль, наброшу ее на плечи, сяду в кресло-качалку и стану вспоминать и качаться, качаться, пока не усну. Такая трата моих сексуальных сил, да еще в самом расцвете…

Она не сводила с Кмузу своих больших круглых глаз, усердно стараясь стереть ухмылку с его лица. Однако ей это плохо удавалось. Наконец она просто взяла свою сумку на «молнии», налила себе ***тэнде*** из личных запасов и оставила нас с Кмузу в клубе одних.

— Тебе незачем сидеть тут каждую ночь, ***йа Сиди***, — сказал он. — Эта женщина, Чирига, вполне может сама держать все в порядке. Тебе лучше было бы оставаться дома и заниматься более важными делами.

— Какими такими делами, Кмузу? — спросил я, выключая свет и выходя вслед за ним на тротуар… Я закрыл клуб и пошел было по Улице к большим восточным воротам, за которыми на бульваре аль-Джамаль стояла моя машина.

— У тебя есть важная работа, которую ты должен сделать для главы дома.

Он имел в виду Папу.

— Папа перебьется без меня еще немного, — сказал я. — Я все еще не отошел от пережитых испытаний.

Я ни в коем случае не хотел быть рэкетиром. Я не хотел быть шейхом Маридом Одраном аль-Амином. Я отчаянно хотел снова драться за жизнь, может, даже недоедать, но иметь удовольствие быть самим собой, а не становиться мишенью для прочих бандитов, замешанных в игре.

Но объяснить это Фридландер-Бею было просто невозможно. У него на все был готов ответ. Временами он отвечал взятками и вознаграждениями, иногда физическим воздействием. Это все равно что жаловаться Аллаху на песчаных блох. У Него в мыслях вещи поважнее.

Теплый ветерок нес с собой совершенно не сочетающиеся запахи: жареного мяса из столовых, пролитого пива, аромат садов, вонь блевотины. В конце квартала тощий от голода человек в длинной белой рубахе и белых хлопковых брюках поливал из шланга тротуар, смывая ночной мусор в канаву. Он беззубо ухмыльнулся нам и отвел струю в сторону, чтобы мы прошли.

— Шейх Марид, — хрипло сказал он. Я кивнул ему, уверенный, что никогда прежде его не видел.

Я чувствовал себя ужасно одиноким, хотя рядом со мной шел Кмузу. Иногда, поздней ночью, Будайин вгонял меня в тоску. Даже Улица, на которой всегда кто-то был, казалась пустынной, и наши шаги по брусчатке и плитам гулко отдавались в тишине. Из другого клуба в квартале от нас доносилась музыка, хриплые голоса издали казались мягче и печальнее. У меня в закрытом пластиковом стакане были остатки последней порции «Белой смерти», и я заглотил их единым духом. На вкус это была ледяная

вода с лаймовым соком и легким привкусом джина. Я еще не был готов закончить свой вечер.

Когда мы подошли поближе к перекрытым аркой восточным воротам огражденного стеной квартала, меня вдруг охватила огромная, ждущая тишина. Я содрогнулся. Я не мог понять, что это — какой-то таинственный сигнал моего подсознания или это просто из-за того, что я слишком много выпил и сильно устал.

Я замер на месте, там, где тротуар сворачивал на Третью улицу. Кмузу тоже остановился и вопросительно посмотрел на меня. Яркие кроваво-красные неоновые зигзаги обрамляли голографическую рекламу одной из недорогих кафиристанских клиник, делающих бодимоделинг. Я бросил взгляд на голо, посмотрел на превращение пухленького, слабого сложения паренька в стройную, чувственную Девушку. Да здравствуют чудеса проекционной голографии и избирательной хирургии! Я поднял лицо к небу. Внезапно я осознал, что немногие дни отсрочки подходят к концу и что мне нужно приступать к следующей части своего плана. Конечно, я знал такое чувство и прежде. Много раз. Но сейчас дело было в другом. Нынешним вечером в моей крови не было запрещенных наркотиков.

— Господи, — пробормотал я, содрогнувшись от холода в этой пустынной ночи, и прислонился к зеркальному фасаду клиники.

— Что с тобой, ***йа Сиди!*** — спросил Кмузу.

Несколько мгновений я смотрел на него, радуясь тому, что он рядом. Я рассказал ему о том, что только что промелькнуло в моем потрясенном сознании.

— Это не было посланием звезд, ***йа Сиди***. Это то, о чем говорил тебе утром хозяин. Ты принял слишком много соннеина и потому, наверное, не помнишь. Хозяин сказал, что он решил, какой следующий шаг он предпримет для отмщения.

— Именно этого я и боялся, Кмузу. Не помнишь, что он имел в виду?

Мне бы больше понравилось, если бы эта сумасшедшая идея пришла из открытого космоса.

— Он не делится всеми своими мыслями со мной, ***йа Сиди***.

Я услышал какой-то шорох и обернулся. Это был всего лишь ветер. Пока мы прошли оставшуюся часть Улицы, ветер стал сильнее и громче, в бешеном порыве закружив клочья бумаги и опавшие листья. Ветер надул угрюмые облака, небо затянуло, звезды и толстая желтая луна погасли в темноте.

Как только мы вышли за стены Будайина, ветер улегся. Все снова стало спокойным и тихим. Небо было все еще затянуто облаками, но луна уже бледно сияла из-за серебристого покрова.

Я оглянулся на восточные ворота. Я не верил ни в предвидение, ни в предчувствие, но вспомнил эту тревогу, когда мы с Кмузу шли к моему белому «вестфаль»-седану. Что бы то ни было, я ничего не сказал Кмузу. Он всегда был рационален чуть ли не до отвращения.

— Я хочу побыстрее попасть домой, Кмузу, — сказал я, ожидая, пока он откроет мне дверь в салон.

— Да, ***йа Сиди***.

Я сел в машину и подождал, пока он обойдет и сядет на водительское место. Он нажал код зажигания и повел электрокар на север, по широкой, разделенной улице.

— Я очень странно чувствую себя сегодня, — пожаловался я, откинув голову на спинку и закрыв глаза.

— Ты так говоришь почти каждую ночь.

— На сей раз я именно это и подразумеваю. Мне становится неуютно. Все теперь кажется мне не таким. Я смотрю на эти дома и вижу большие человеческие термитники. Я слушаю обрывки музыки и слышу отчаянный крик заблудившегося в пустыне. Я не склонен к мистическим откровениям. Как мне покончить с этим?

Он рассмеялся басом:

— Протрезветь, ***йа Сиди***.

— Я же говорил тебе, что дело не в этом. Я трезв.

— Конечно, ***йа Сиди***.

Я смотрел, как за окном проносится город. Я больше не хотел спорить. Я действительно чувствовал себя трезвым и полностью проснувшимся. Я был полон энергии, что в четыре часа утра порой доводило меня до бешенства. Это не лучшее время для энтузиазма. Решить проблему было, разумеется, очень просто — вернувшись домой, я принял довольно большую дозу бутаквалида соляной кислоты. «Красотули» дадут мне несколько минут сладостного замешательства, и я засну крепким сном. Утром я даже не вспомню эту неприятную интерлюдию просветления.

Мы некоторое время ехали молча, и странное настроение постепенно покидало меня. Кмузу вел машину к дому Фридландер-Бея, который располагался как раз за христианским кварталом. Хорошо попасть домой, постоять несколько минут под горячим душем, а затем немного почитать на сон грядущий. Одной из причин, почему я засиделся у Чири до закрытия, было то, что я не желал напороться на кого-нибудь дома. В четыре часа все будут крепко спать. И я не увижу их до утра.

— ***Йа Сиди***, — сказал Кмузу, — сегодня вечером тебе был важный звонок.

Я выслушаю известие перед завтраком.

— Мне кажется, тебе надо выслушать его прямо сейчас.

Мне это не понравилось, хотя я и не мог понять, в чем тут дело. Обычно я терпеть не мог отвечать на звонки, потому что задолжал слишком много денег разным людям. Теперь, однако, слишком много людей были должны мне.

— Это, часом, не мой давно потерянный братец? Может, он явился разделить со мной удачу?

— Нет, это был не ваш брат, ***йа Сиди***. Но будь это даже он, почему бы вам не обрадоваться…

— Я пошутил, Кмузу.

Кмузу — парень умный, и я во многом от него зависел, но там, где у людей было чувство юмора, у него было огромное белое пятно.

Он свернул с улицы к воротам Папиного особняка. Довольно долго мы стояли на пропускном пункте, проходя идентификацию, затем медленно поехали по извилистой подъездной дорожке.

— Тебя пригласили на торжественный ужин, — сказал он. — В честь твоего возвращения.

— Ох, — отозвался я. За последние дни я вытерпел уже два-три таких ужина. Большинство будайинских прихвостней Фридландер-Бея считали себя обязанными устроить в нашу честь праздник, иначе они рисковали лишиться средств к существованию. Ладно, несколько раз я поел на халяву, получил пару приличных подарков, но уже решил, что все это кончилось.

— Кто на этот раз? Френчи?

Он владел клубом, в котором обычно работала Ясмин.

— Куда более важный человек. Шейх Реда Абу Адиль.

Я недоверчиво уставился на него:

— Я приглашен на ужин нашим злейшим врагом?

— Да, ***йа Сиди***.

— И когда это будет? — спросил я.

— Сегодня вечером после молитвы, ***йа Сиди***. У шейха Реда очень плотное расписание, он может только сегодня вечером.

Я глубоко вздохнул. Кмузу остановил машину у подножия широкой мраморной лестницы, ведущей к двери красного дерева.

— Любопытно, долго ли будет сегодня спать Папа? — спросил я.

— Хозяин дал мне специальное поручение позаботиться о том, чтобы ты позавтракал с ним.

— Вот уж чего я вовсе не жажду, Кмузу.

— Завтракать? Так поешь слегка, если твой желудок все еще не в порядке.

— Нет, — раздраженно сказал я, — ужинать с шейхом Реда. Ненавижу, когда меня выводят из равновесия. Я не понимаю цели этой встречи, и вряд ли Папа сочтет нужным рассказать мне об

этом.

Кмузу пожал плечами:

— Твой приговор будет преследовать тебя, ***йа Сиди***. А я буду с тобой.

— Спасибо, Кмузу, — сказал я, выбираясь из машины. Мне действительно было уютнее, когда рядом был он, а не мой приговор. Но я не мог признаться в этом ему.

Глава 11

Этот день я всегда буду вспоминать как День трех застолий.

На самом деле еда была не слишком-то интересной — я действительно не могу вспомнить, что ели в тот день. Главное — что случилось и что было сказано во время этих трех застолий.

День начался с того, что Кмузу растолкал меня на целых полчаса раньше. Мой модик-будильник был поставлен на половину седьмого, но Фридландер-Бей сдвинул время завтрака на тридцать минут вперед. Я терпеть не мог вставать — просыпался ли я бодрым и в прекрасном расположении духа, благодаря чипу, будь он неладен, или вяло и зевая, благодаря Кмузу, будь он неладен тоже. Я подумал, что, если Аллах хотел, чтобы мы вставали так рано, Он не изобрел бы полудня.

Я также терпеть не мог завтраков. В последнее время я завтракал с Фридландер-Беем раза четыре в неделю. Я подумал, что дела пойдут еще хуже, по мере того как Папа станет нагружать меня все новыми и новыми обязанностями.

Для этих встреч я всегда одевался в традиционный арабский наряд. В джеллабе я ходил чаще, чем в синих джинсах, рабочей рубахе и ботинках. Моя старая одежда висела на крючке в шкафу и была мне молчаливым укором каждый раз, как я заглядывал туда.

Джинсы постоянно напоминали мне о том, от чего я отказался с той поры, как Папа коснулся меня своими волшебными пальцами. Я продал большую часть того, что совсем недавно называл свободой. Ирония была в том, что большинство моих друзей отдали бы все ради той роскоши, которой я теперь наслаждался. Поначалу я ненавидел Папу. Сейчас, хотя по ночам еще ощущал уколы сожаления, я осознал, что Фридландер-Бей раскрыл передо мной огромные возможности. Мои горизонты теперь простирались далеко за пределы того, что я мог представить себе в прошлые дни. Тем не менее я остро чувствовал, что не смогу отказаться ни от роскоши, ни от новых назначений. В каком-то смысле я был пресловутой птичкой в позолоченной клетке.

И все же деньги — это приятно.

Поэтому я принял душ и привел в порядок свою рыжую бородку, надел свой балахон и кафию, которые подобрал мне Кмузу. Затем мы пошли вниз по лестнице в маленькую столовую.

Фридландер-Бей, естественно, уже был там. Ему прислуживал Тарик, его слуга. Кмузу усадил меня на обычное место и встал за моим креслом.

— Доброе утро тебе, племянник мой, — сказал Папа. — Надеюсь, ты сегодня проснулся в добром здравии.

— ***Иль-хамду лиллах***, — сказал я.

Благодарение Аллаху.

На завтрак были пареная пшеничная каша с апельсиновой цедрой и орехами, блюдо яиц, блюдо мяса и, конечно, кофе. Папа разрешил Тарику положить ему немного яиц и жареной ягнятины.

— Я дал тебе несколько дней отдохнуть, о превосходный, — сказал он. — Но теперь время отдыха кончилось. Я хочу знать, что ты сделал для продвижения нашего проекта цифровой связи.

— Я уверен, что заполучил блестящего агента в лице моего приятеля Жака. Я оказал ему услугу, и, думаю, в благодарность он окажет маленькую услугу мне.

Папа лучезарно улыбнулся, словно я был достойным награды учеником.

— Очень хорошо, сын мой! — сказал он. — Я рад видеть, что ты так охотно усваиваешь методы власти. Теперь разреши мне показать тебе терминал, которым ты или, точнее, твой друг будет пользоваться.

Тарик вышел из комнаты и вскоре вернулся с чем-то вроде дипломата. Он положил его на стол, щелкнул застежками и открыл крышку.

— Ого! — воскликнул я. Компактный дизайн терминала произвел на меня впечатление. — Какая прелесть.

— Действительно, — сказал Фридландер-Бей. — У него есть встроенный комлинк и удобный цифровой принтер. Для снижения стоимости эта модель не принимает голосовых команд. Все набирается вручную. Тем не менее я ожидаю, что проект оправдает организационные расходы за шесть месяцев, и тогда мы сможем начать заменять эти терминалы голосовыми моделями.

Я кивнул:

— А я должен толкнуть владельцам баров, ночных клубов и ресторанов Будайина идейку, чтобы они взяли у меня эту штуку напрокат. Не понимаю. Не понимаю, почему люди должны платить двадцать пять фиков за информацию, которая сейчас бесплатно распространяется по всему городу?

— Мы заключили с городом контракт, — объяснил Тарик. — Специальная комиссия эмира решила, что больше не может продолжать программу «Инфо». В течение недели все терминалы «Инфо» будут заменены нашими машинками, ***иншалла***.

— Знаю, — сказал я. — А что мне делать, если хозяева баров недвусмысленно пошлют меня?

Фридландер-Бей холодно улыбнулся:

— Об этом не беспокойся. У нас есть специальный персонал, который убедит этих упрямых хозяев.

«Специальный персонал». Мне понравился этот эвфемизм. Весь персонал Папы носил имена вроде Гвидо, Тайни или Игорь.

— Лучше было бы, чтобы ты и твой друг несколько дней поработали одной командой, — продолжал Папа. — Прежде чем ты отпустишь его. Когда мы охватим весь Будайин, мы сможем осуществлять даже более жесткий контроль. Мы сможем сказать, кто пользуется этой связью и какие вопросы он задает. Поскольку им приходится пользоваться официальной идентификационной картой для регистрации, мы сможем управлять распределением информации. Мы даже сможем не допускать к ней кое-кого.

— Но, конечно, мы не будем этого делать? — спросил я.

Папа помолчал пару секунд.

— Конечно нет, — сказал он наконец. — Это противоречит принципам святого Пророка.

— Да будет с ним мир и благословение Аллаха, — автоматически ответил я.

Тарик положил передо мной буклет.

— Здесь полный набор команд, — сказал он, — а в конце буклета карман со специальной идентификационной карточкой, чтобы вам не пришлось платить за звонки.

— Спасибо, — ответил я. — Я ознакомлюсь с этими командами, а завтра пойду вместе с Жаком разговаривать с владельцами клубов на Улице.

— Прекрасно, племянник, — сказал Папа. — А теперь поговорим о нашей мести. Лучше всего объединить ее с поисками настоящего убийцы Халида Максвелла, наряду с избавлением от тех, кто злоумышляет против нас. Я приму только самое изящное решение.

— А что, если доктор Садик Абд ар-Раззак на самом деле в этом не замешан? — спросил я.

Я говорил об имаме, который дал разрешение Хаджару и его головорезам похитить нас. Папа впал в ярость.

— Не говори мне об этом сыне больной верблюдицы! — воскликнул он.

Я никогда не видел, чтобы он так выказывал свои эмоции. Лицо его побагровело, в порыве ярости он потрясал кулаками. — О шейх…

— Люди Будайина с ума посходили от тревоги! — сказал он, колотя кулаком по столу. — Все они будут думать, что нас снова могут похитить, и на этот раз мы уже не вернемся! Ходят дурные слухи о том, что мы утратили власть, что союзникам наша протекция не в радость. За последние дни я сделал все, чтобы

успокоить и утешить моих обеспокоенных друзей. Клянусь жизнью моих детей, что я не выдохнусь и что меня не задвинут! У меня есть план, племянник. Подождем и посмотрим, сумеет ли этот проклятый имам снова разлучить меня с теми, кто меня любит. Если он и не замешан, мы его втянем в дело.

— Да, о шейх.

Господи… Вот так разворачивались события за этим завтраком. Наказания и награды раздавались с легкостью, по заслугам или нет — не важно. Иногда Фридландер-Бей напоминал мне капризных гомеровских богов, капризных потому, что они будоражили целые народы из-за какого-то воображаемого неуважения к ним, от скуки или вовсе не из-за чего.

Даже когда Папа говорил о проекте цифровой связи, я видел, что им правит лишь ненависть и что ненависть эта не угаснет, пока он не нанесет смертельный удар по злоумышленникам. Девиз Фридландер-Бея гласил: «Сведение счетов — лучшая месть». Ничто другое: ни прощение из морального превосходства, ни нарочито ироничное символическое действие — его не удовлетворяло.

Не только Бани Салим требовали око за око. Эта мысль была четко зафиксирована в благородном Коране и была частью мусульманского мировоззрения, нечто такое, что западный мир усвоил с таким трудом и после многочисленных уроков. Кто-то должен будет умереть — Хаджар, шейх Махали, доктор Абд ар-Раззак или же настоящий убийца Халида Максвелла, и похоже, выбирать жертву придется мне.

Фридландер-Бей нахмурился, собираясь с мыслями.

— Тут еще один гвоздь в сапоге, — наконец сказал он. — Я говорю о лейтенанте полиции Хаджаре. К счастью, от этого гвоздя избавиться очень легко.

— Разве он не работал на вас когда-то? — спросил я.

Папа повернул голову и чуть было не плюнул на пол.

— Он предатель. Он идет к тому, кто даст больше. У него нет ни чести, ни верности. Я счастлив, что сейчас он работает на шейха Реда, а не на меня. Я не мог верить ему. Сейчас я знаю, где он, и подозреваю, что могу купить его, когда захочу. Я могу это сделать, и когда я его куплю, то сразу же избавлюсь от этого гвоздя в сапоге.

Он говорил об убийстве. Когда-то меня пугало то, как Папа между прочим рассуждает, как бы прикончить кого-нибудь, но теперь уже нет. Я смотрел на это дело, как какой-нибудь бедуин, и понимал, что Папа совершенно прав. Это дело требовало планирования. Предстояло обсудить все детали, но это было нетрудно. Меня тревожило лишь то, что Папа сначала говорил о

том, что надо убрать имама, а теперь замешался еще и лейтенант Хаджар. Я не считал нужным в праведном гневе умерщвлять весь город.

Несколькими минутами позже я уже был в моем офисе и ради пробы набрал на клавиатуре несколько команд. Я понял, что с помощью этой маленькой машинки могу узнать все и обо всех в городе. С помощью специальных секретных команд я имел свободный допуск к такой информации, о существовании которой рядовой горожанин даже и не подозревал. У меня возникло головокружительное ощущение того, что я сую нос в частную жизнь своих друзей и своих врагов. Я ощущал себя высокотехнологичным любопытствующим типом, и это ощущение было изысканно приятным.

Когда я полностью освоился с терминалом цифровой связи, я смог получить список всех телефонных звонков доктора Садика Абд ар-Раззака за последние месяцы и всех звонков ему. Звонки доктору можно было идентифицировать только по комкоду. Затем я проделал то же самое с комкодом лейтенанта Хаджара в полицейском участке. Я выяснил, что Хаджар с имамом за эти восемь недель разговаривали одиннадцать раз. Возможно, они разговаривали и по другим телефонам, но мне не нужно было отслеживать все звонки. Ни один суд не признал бы эти свидетельства законными.

Где-то за полчаса до того, как я планировал пообедать, Кмузу сказал, что ко мне пришли. Это были Индихар и бен-Турки, юноша из племени Бани Салим. — Доброго вам утра, — сказал я.

— Да будет светел твой день, муж, — ответила Индихар. — Надеюсь, мы не помешали твоей реботе?

Я знаком показал им на диван.

— Нет, вовсе нет. Я рад вас видеть. Я все равно скоро собирался прерваться на обед. У вас есть ко мне дело?

— Я передаю тебе привет от твоей матери, — сказала Индихар. — Она не понимает, почему по возвращении ты только раз посетил ее.

Правда была в том, что мне от этой встречи до сих пор было не по себе. Мать приехала в город несколько месяцев назад, и была она тогда шумной и толстой. Большую часть своей жизни она занималась сводничеством, но я забрал ее в город и дал ей несколько комнат в левом крыле, и теперь она изо всех сил старалась пообтесаться, чтобы быть достойной дома Фридландер-Бея. Мы очень долго с ней говорили и, наконец, столковались, но мне до сих пор было стыдно за нее. Я понимал, что это моя проблема, и пытался игнорировать свои чувства. Мне до сих пор было неуютно, несмотря на все те добрые дела, которые моя мать

совершала в городе, организовывая и поддерживая на мои деньги бесплатные столовые и приюты. Поведение ее было, вне всякого сомнения, похвальным, но я никак не мог забыть своего потрясения, когда увидел ее после долгой разлуки.

— Скажи Умм Марид, что я был слишком занят, пытаясь разобраться в том, что произошло, пока меня не было. Скажи, что я очень скоро приду к ней. Передай ей, что я ее люблю и прошу прощения за недостаток внимания.

— Да, муж, — сказала Индихар.

— Не думаю, чтобы мой ответ ее удовлетворил, но больше она ничего не сказала. Бен-Турки прочистил горло.

— О шейх, я много за что должен поблагодарить тебя, — сказал он. — Каждый день приносит новое чудо. Я видел такое, во что мои братья не поверят, даже если я сам им об этом расскажу. Но я все же хотел бы сам посмотреть на твой мир. У меня нет денег, а потому нет и свободы. Мы, Бани Салим, не привыкли сидеть в заточении, даже в таком приятном, как здесь.

Я задумчиво пожевал губу.

— Ты действительно считаешь, что готов покинуть эти стены? Ты достаточно узнал, чтобы защититься от хорошо одетых городских волков?

Молодой человек пожал плечами:

— Возможно, я не знаю, как уберечься от неприятностей, но у меня есть право узнать все самому.

Внезапно меня осенило.

— Ты говоришь, тебе нужны деньги. Не согласишься ли ты сделать для меня кое-какую работу? Раз в неделю тебе будут платить умеренную плату. Я позабочусь об этом.

Бен-Турки выкатил на меня глаза.

— Конечно, о шейх, — сказал он дрожащим голосом. — Благодарю тебя за эту возможность.

— Но ты еще не знаешь, о чем я прошу, — мрачно сказал я. — Помнишь историю о том, как нас похитили и увезли в Руб-аль-Хали?

— Да, о шейх.

— Помнишь, как я говорил о неоправданной жестокости сержанта в городе Наджран? Как он ни за что ни про что избил старого шейха?

— Да, о шейх.

Я открыл ящик стола, вынул оттуда билет на суборбиталку и придвинул к бен-Турки.

— Так вот, — сказал я. — Сержанта зовут аль-Бишах. Утром можешь отправляться.

Вот и все.

Индихар закрыла рот рукой.

— Марид! — воскликнула она.

Она догадалась, на какое дело я посылаю молодого человека, и явно была потрясена.

Бен-Турки немного помедлил, затем взял билет.

— Хорошо, — сказал я. — Когда ты вернешься, тебя будут ждать пять тысяч киамов и недельное жалованье в две тысячи киамов. На эти деньги ты сможешь снять дом или квартиру и жить как пожелаешь, но мы с Фридландер-Беем будем всегда тебе благодарны.

— Для меня это дороже любых денег, — прошептал бен-Турки.

— Индихар, — сказал я. — Не возьмешь ли нашего юного друга под свое крыло? Помоги ему подыскать жилье и посоветуй, как сберечь деньги. — Буду счастлива, муж, — сказала она.

На лице ее была написана тревога. Она еще не видела настоящего меня.

— Благодарю вас обоих, — сказал я. — Теперь мне нужно поработать.

— Доброго тебе дня, муж, — сказала Индихар, вставая.

— Спасибо тебе, шейх, — сказал бен-Турки.

Я сделал вид, что погружен в чтение каких-то бумажек, и они тихонько ушли. Меня трясло, как новорожденного ягненка. Я ведь тоже еще не видел настоящего себя.

Я подождал пять минут, десять минут. Я ожидал вспышки праведного негодования в своей душе, но оно не приходило. Одна часть моего рассудка беспристрастно судила меня, и то, что открывалось, не приносило спокойствия. Похоже, я вовсе не испытывал угрызений совести, посылая людей выполнять жестокие поручения. Я пытался вызвать в себе хоть какое-то чувство печали, но ничего не вышло. Тут не чём было особенно гордиться, и я решил, что не буду никому об этом рассказывать. Как и Фридландер-Бей, я научился уживаться с «надо».

Я вышел из программы, и экран монитора погас. Я начал строить планы насчет обеда. Мне нужно было повидать Жака, прежде чем я вернусь домой, но я не хотел бы напороться на Махмуда или Саида. Я знал, что они, скорее всего, сидят в патио кафе «Солас», треплются и играют в карты. Внезапно я подумал, что как раз это мне и нужно. Я вызвал Кмузу и сказал ему, чтобы он отвез меня в Будайин. Он молча кивнул и пошел к «вестфаль»-седану.

Мы припарковались на бульваре аль-Джамаль и пошли к восточным воротам. Улица была забита туристами, которые вскоре пожалеют, что не вняли совету управляющего отелем

держаться подальше от квартала, огороженного стенами. Если они вскорости не уберутся отсюда, их кошельки и карманы обчистят до последнего киама.

Мы с Кмузу подошли к «Соласу». Как я и ожидал, трое моих приятелей были там. Они сидели за столом у железной ограды патио. Я вошел в маленькие ворота и подсел к ним.

— Привет, Марид, — глухо сказал Жак. — Привет, Кмузу.

— Что поделываешь, Марид? — спросил Махмуд.

— Я волновался за тебя, — сказал Саид Полу-Хадж.

Когда-то он был моим лучшим другом, но предал меня ради шейха Реда Абу Адиля, и с тех пор я присматривал за ним.

— Я в порядке, — сказал я. — Полагаю, что вы уже слышали эту историю.

— Слышали, — сказал Махмуд. — Но не из твоих уст. Тебя ведь сперли, да? Прямо из дворца эмира? Я думал, что Папа несколько умнее.

— Папа очень даже умный человек, — сказал Полу-Хадж. — Просто шейх Реда оказался шустрее, чем они думали.

— Должен признаться, что это так, — сказал я.

— Сядь, Кмузу, — сказал Жак. — При нас тебе незачем играть раба. Мы тебя любим. Выпей, что ли.

— Спасибо, — ровным голосом ответил Кмузу. — Предпочитаю постоять.

— А мы настаиваем, — прорычал Махмуд. — Это нас раздражает.

— Кмузу кивнул, взял стул от другого столика и сел позади меня.

Старый Ибрагим подошел принять у меня заказ. Я попросил тарелку хуммуса и хлеб, а также джин и бингару, чтобы запить все это.

— М-да, — сказал Махмуд.

Я повернулся было, чтобы ответить, но мне помешал человек, подошедший к нам от ограды.

— Шейх Марид, — занудил он, — вы меня помните?

Несколько мгновений я рассматривал его. Я помнил, что видел его прежде, но не мог вспомнить, где именно.

— Простите? — сказал я.

— Меня зовут Нико Куклис. Несколько месяцев назад вы ссудили мне денег, чтобы я открыл свой ресторанчик джиро-сувлаки [Д ж и р о — тонко нарезанное и спрессованное мясо ягненка, жаренное на вертикальном шампуре, употребляется для сандвичей или кладется в питу. Сувлаки — блюдо из баранины, похожее на кебаб.] на Девятой улице. С тех пор я заработал больше, чем мог мечтать. Мой ресторанчик процветает, моя жена

счастлива, мои дети сыты и одеты. Вот. Мне доставляет огромное удовольствие вернуть вам ваши деньги, а моя жена приготовила вам противень пахлавы. Прошу вас, примите их в знак моей вечной благодарности.

Он застал меня врасплох. Много кому я ссужал деньги, но впервые человек счел своим великим долгом возвратить их мне. Мне действительно стало неудобно.

— Заберите эти деньги, — сказал я. — Приберегите их для своих жены и детей.

— Прошу прощения, о шейх, — сказал Куклис, — но я настаиваю, чтобы вы приняли их.

Я понял, что этот человек горд, и взял деньги с вежливым поклоном.

— Да продлится ваш успех, — сказал я. — Да увеличится ваше состояние.

— Я всем вам обязан, — сказал хозяин греческого ресторана. — Я вечный ваш должник.

— Возможно, когда-нибудь вам предоставится случай расплатиться со мной, — заметил я.

— Все, что угодно, — сказал Куклис. — В любое время. — Он поклонился всем четверым и удалился.

— О, мистер Щедрость! — насмешливо сказал Махмуд.

— Да, — сказал я, — это правда. А ты хоть что-нибудь для кого-нибудь сделал?

— Ну… — начал было Махмуд.

Я перебил его. Я знал Махмуда с тех пор, когда он был еще длинноногой девушкой по имени Мисти, работавшей на Джо-Маму. Я знал, что могу доверять ему не больше, чем на ту длину, на которую я мог бы его отшвырнуть. Сейчас, когда он после смены пола оброс жиром, это расстояние стало равняться всего полутора футам.

Вместо этого я повернулся к Жаку и сказал:

— Ты все еще горишь желанием помочь нам?

— Конечно.

У Жака был слегка испуганный вид. Как и большинство жителей Будайина, он пользовался покровительством дома Фридландер-Бея, но предпочитал не вспоминать об этом, когда приходило время платить.

— Тогда позвони мне завтра около полудня, — сказал я. — У тебя ведь есть номер моего телефо на в доме Папы?

— Угу, — нервно ответил Жак.

— О, — сказал Махмуд, — уже и ты продался?

— Посмотрите-ка, кто это говорит! — ответил Жак. — Сам господин Лизоблюд шейха Реда изволит наводить критику!

— Я не лизоблюд! — Махмуд привстал со стула.

— О нет, конечно нет, — ответил Саид.

Я не обращал внимания на их детскую перебранку.

— Я уже получил оборудование, — сказал я. — И уже наигрался с ним. Это дело определенно выгодное — для нас и для владельцев клубов, которые дадут под это деньги. Не беспокойся насчет законности — мы получили полный комплект разрешений от городских властей. Все легально, без всяких там штучек.

— Тогда почему это так интересует Фридландер-Бея? — спросил Махмуд… — Я думал, что ему по фигу все, что не имеет хоть какой-нибудь закавыки.

Полу-Хадж откинулся на стуле и несколько секунд рассматривал Махмуда.

— Знаешь ли, приятель, — сказал он наконец, — когда-нибудь кто-нибудь захочет заткнуть тебе рот. И ты пожалеешь, что сменил пол и прибился к крутым мужикам.

Махмуд лишь презрительно рассмеялся.

— Это так, если ты считаешь мужиком себя, Саид, — ответил он.

Перебранку прервало появление Ясмин.

— Как дела? — спросила она.

— Прекрасно, — ответил Полу-Хадж. — Вот сидим тут на солнышке, пьем и едим пахлаву да рвем друг другу глотку. Хочешь попробовать?

Ясмин очень хотелось медового пирожного, но она оказалась более сдержанной, чем я думал. — Нет, — сказала она, улыбаясь, — не могу. Пять минут на языке и всю жизнь на бедрах.

— Тогда я еще одно съем, — сказал Жак. — Плохой мальчишка! — ответила Ясмин.

— Послушай, Ясмин, — сказал я.

— Какого черта тебе нужно, женатик? — резко ответила она.

— Я только хотел узнать, когда ты бросишь меня ревновать.

— Ревновать? — надменно спросила она. — Ты считаешь, что я думаю о таких мелочах, как вы с Индихар? У меня в голове есть мысли поважнее.

Я покачал головой:

— Насколько я понимаю, Ислам позволяет мне иметь четырех жен, если я смогу их содержать. Это означает, что я по-прежнему могу встречаться с девушками. Да и женат я лишь формально.

— Ха! — воскликнул Саид. — Я так и знал! Ты никогда не спал с ней, так?

Несколько секунд я гневно смотрел на него.

— Ясмин, — сказал я, — дай мне шанс, ладно? Позволь мне

когда-нибудь угостить тебя ужином. Мне кажется, нам нужно поговорить.

Она хмуро посмотрела на меня, что вовсе не обнадеживало.

— Поговорим, — сказала она. — Поговорим сегодня вечером в клубе — если Индихар позволит тебе пойти.

Она схватила кусок пахлавы, повернулась и пошла вниз по Улице.

Вскоре после ее ухода я тоже встал и пожелал своим приятелям всего доброго. Затем приказал Кмузу отвезти меня в Папин особняк. Мне еще нужно было поработать с бумагами.

Мне предстояла еще трапеза у шейха Реда. Я вернулся домой с обеденного перерыва и попытался немного поработать. Это было очень трудно. Я понимал, что Фридландер-Бей рассчитывает на мою помощь в осуществлении проекта цифровой связи и в вечном деле стабилизации или дестабилизации мусульманских наций, которые обращались к нам за помощью. Но сегодня я не мог справиться с тревогой. Что на уме у Абу Адиля? С чего это он пригласил нас на обед? Чтобы закончить то, что он начал, когда несколько недель назад похитил нас?

Вот почему я прикрепил к поясу маленький игломет, повернув пояс так, чтобы он находился у меня на спине. Я выбрал игломет потому, что он целиком был сделан из пластика, и рентген его не мог обнаружить. Он был заряжен острыми как бритва стрелками. Не отравленными. Всадить половину обоймы этих штучек в кого-нибудь, и он запомнит это надолго. Если выживет.

Лучшую свою одежду я надел на брачный прием у шейха Махали, и во время нашего тяжелого странствия по пустыне она износилась. Свой дорогой церемониальный кинжал я подарил шейху Хассанейну. Сегодня я надел свой второй лучший костюм — длинную белую джеллабу, вышитую вручную. Это был цветочный узор шелковой кремовой нитью. Это была красивая джеллаба, и я очень ею гордился. Ее мне подарила одна будайинская семья, которой я оказал небольшую помощь.

Я надел сандалии и кафию в черно-белую клетку. Прицепил кинжал в ножнах, сдвинув его на живот, — на бедуинский манер. Когда я надел пояс, то решил спросить Фридландер-Бея, нельзя ли нам взять с собой на обед бен-Турки. Мы уже решили захватить с нами Тарика и Юссефа. Не хотелось появляться в твердыне шейха Реда без собственной маленькой армии.

Папа согласился, что бен-Турки может нам пригодиться, и потому он сопровождал нас четверых в дом шейха Реда. Дом располагался в западном районе города, Хамидийе.

Абу Адиль засел, как жаба, в центре одного из худших

районов города. С его особняком могли сравниться только дома Папы и шейха Махали, но дом шейха Реда окружали сгоревшие, заброшенные, полуразрушенные дома Хамидийи. Он всегда напоминал мне Сатану, сидящего в центре своего адского царства.

Мы въехали в ворота в высокой бурой кирпичной стене, окружавшей особняк, и остановились, чтобы охрана признала нас. Затем припарковали машину и впятером пошли к парадной двери. На сей раз мы не позволим нас разделить.

С человеком, открывшим на звонок, у нас сложностей не было. Он провел нас в маленькую столовую, где был накрыт стол на десять персон. Наша компания села в одном конце стола, ожидая явления Абу Адиля.

Это было точно явление. Сначала появился здоровенный личный охранник, за ним въехал в инвалидном кресле шейх Реда. Кресло катил Кеннет. Следом за ними вошли еще двое громил. Я не сомневался, что шейх откуда-то наблюдал за нашим приездом и взял с собой народу столько же, что и у нас. Пять на пять.

— Я рад, что вы оказали мне честь, посетив мой дом, — сказал Абу Адиль. — Нам нужно бы почаще встречаться. Возможно, тогда между нами было бы меньше трений.

— Благодарим вас за приглашение, о шейх, — осторожно сказал я.

Кеннет оценивающе посмотрел на меня. Затем тихо рассмеялся и покачал головой. Он презирал меня, и я не понимал почему. Может, если бы я переломал ему пальцы на руках и ногах, он не ухмылялся бы так самодовольно. «От фантазий вреда не будет», — подумал я.

Слуги принесли блюда кускуса, кефта кабоб, жареного ягненка и овощи под соусом из кактуса.

— Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, да будет это угощение приятно вам!

— Да продлится твой пир вечно, отец щедрости, — ответил Фридландер-Бей.

Мы с Папой ели немного, наблюдая, не проявится ли какой-нибудь намек на предательство со стороны Абу Адиля или его вышибал. Бен-Турки ел так, словно никогда раньше не видел еды. Я уверен, что ему не доводилось бывать на таком обеде.

Я шепнул юному бедуину:

— Похоже, шейх Реда пытается переманить тебя к себе.

На самом деле я так не думал. Я шутил. Бен-Турки побледнел. У него руки задрожали от возмущения.

— Разве ты думаешь, что моя верность продается?

— Это всего лишь шутка, друг мой, — сказал я.

— А, — ответил он, — тогда ладно. Ваши городские шутки иногда непостижимы. Я ведь даже не знаю, что происходит нынче вечером.

— Не ты один, — сказал ему я.

Громилы Абу Адиля, как всегда, помалкивали. Кеннет тоже, хотя он почти не сводил с меня глаз. Мы ели молча, словно ждали, что вот-вот захлопнется какая-то смертельная ловушка. Наконец, когда обед был почти закончен, шейх Реда встал и заговорил.

— Я вновь имею счастье, — сказал он, — преподнести небольшой подарок Мариду Одрану. Возблагодарим же Аллаха за то, что он и Фридландер-Бей вышли целыми и невредимыми из выпавшего им тяжкого испытания.

— Хвала Аллаху! — хором откликнулись все за столом.

Абу Адиль наклонился и вынул серую картонную коробку.

— Это, — сказал он, открывая ее, — форма, которая соответствует твоему рангу лейтенанта ***чаушей***. У тебя под командой три взвода верных патриотов. В последнее время они стали беспокоиться, не понимая, почему ты не посещаешь наши сборы и учения. Думаю, одной из причин былото, что у тебя не было подходящей формы. Ну, теперь у тебя такой отговорки нет. Шейх Марид, носи на здоровье!

Я прямо-таки онемел. Это было еще смешнее, чем прежнее мое производство. Я не знал, что сказать, поэтому, заикаясь, пробормотал несколько слов благодарности и взял коробку. На ней уже был лейтенантский значок.

Чуть позже, когда никто уже не мог больше есть, шейх Реда извинился и выехал из столовой. Кеннет и три головореза последовали за ним.

Бен-Турки наклонился ко мне и прошептал:

— Что с ним такое? Почему он в инвалидной коляске? Ведь он достаточно богат, чтобы получить любую медицинскую помощь. Даже в Руб-аль-Хали мы слышали необыкновенные истории о чудесах, которые творят врачи.

Я развел руками.

— На самом деле он не инвалид, — тихо объяснил я. — Его так называемое хобби — коллекционировать персональные модули, записанные с настоящих больных со всевозможными неизлечимыми болезнями. Это извращение называется «Ад по доверенности». Он наслаждается, если это можно так назвать, жесточайшей болью и бессилием и вынимает модик всякий раз, как они становятся невыносимыми. Полагаю, что у него выработался необычайно высокий болевой барьер.

— Это достойно презрения, — прошептал бен-Турки,

нахмурившись.

— Таков шейх Реда Абу Адиль, — сказал я.

Через две-три минуты мы пошли к машине.

— Ничего себе! — воскликнул Тарик. — Мы являемся к нему в дом вооруженными до зубов, а он просто накрывает изысканный стол и швыряет шейху Мариду униформу!

— Что это, по-вашему, значит? — спросил Юссеф.

— Думаю, мы вскоре узнаем, — сказал Папа.

Я понимал, что он прав. За этой трапезой должно было произойти что-то такое, но я не мог представить, что именно.

А не значило ли это, что мы теперь должны их пригласить к себе? Если будет так продолжаться, то раньше или позже обе семьи перестанут ходить в кино, а вместо этого будут смотреть по головизору профессиональный бокс и вместе попивать пиво. Я не мог этого вынести.

Глава 12

Я ждал Ясмин, чтобы поговорить с ней, но она так и не вышла на работу тем вечером. Я пошел домой около двух часов ночи, предоставив Чири самой закрыть бар. На следующий день завтрака с Папой не планировалось, а потому я сказал Кмузу, что хочу поспать подольше. Он разрешил.

Утро было спокойным. Я долго сидел в горячей ванне, перечитывая один из своих любимых полных тайн и убийств романов Латфи Гада. Гад был крупнейшим палестинским писателем прошлого столетия, и я то и дело ловил себя на том, что невольно подражаю его знаменитому детективу аль-Каддани. Иногда я начинал копировать его манеру речи — нахальную и ироничную. Никто из моих друзей, однако, этого не замечал, поскольку в целом они не были чересчур начитанными.

Я вылез из ванны, оделся и проглотил хорошо сбалансированный завтрак, приготовленный для меня Кмузу. Тот мрачно посмотрел на меня, но за многие месяцы он успел усвоить, что если я не склонен есть, то и не буду. Разве что этого не потребует Папа.

Кмузу молча подал мне конверт. Там было письмо Фридландер-Бея лейтенанту Хаджару с требованием восстановить меня в городской полиции, чтобы я мог продолжить расследование обстоятельств смерти Халида Максвелла. Я просмотрел его и кивнул. У Папы была сверхъестественная способность предвидеть события. Он также понимал, что может кое-что «потребовать» от полиции и что это будет сделано.

Я положил письмо в карман и присел отдохнуть в черное кожаное кресло. Я решил, что пора проконсультироваться с Мудрым Советником. Советник был персональным модулем, который оценивал мое текущее эмоциональное состояние и создавал сверхреалистичную фантазию, а также давал символическое — иногда неразборчивое — решение. «***Бисмилла***», — прошептал я и вставил модик.

Одран превратился в великого персидского поэта Хафиза. Он жил в роскоши, и в его поэмах было нечто такое, что раздражало правоверных мусульман. За долгие годы Одран нажил себе кучу врагов, и потому, когда он умер, правоверные стали говорить, что его тело должно быть лишено блага традиционной погребальной молитвы. Они обвиняли Одрана его же собственными словами.

«Разве этот поэт не писал о таких нечестивых деяниях, как питье хмельного, и о неразборчивости в связях? — спрашивали они. — Прислушайтесь к его стихам:

Подойди, подойди, виночерпий!
Пусти же по кругу чашу,
Поскольку сначала любовь свободна и легка,
Но слишком много бед от нее происходит».

Это вызвало длинные споры между почитателями Одрана и его врагами. Наконец решено было поступить так, как подскажут его же стихи. Для этого многие стихотворения Одрана были написаны на листочках бумаги и опущены в урну. Невинное дитя попросили подойти к урне и вынуть одно стихотворение. Вот какое двустишие вынул ребенок:

Рад принять я участие в похоронах Одрана,
Ибо был он греховен, но отправился на небо.

Это решение было признано обеими сторонами, и потому Одран был похоронен со всеми надлежащими церемониями. Когда эта история закончилась, Одран вынул модик.

Я вздрогнул. От фантазий, в которых я был мертв и сверху смотрел на собственные похороны, у меня всегда по спине бегали мурашки. Теперь мне предстояло решить, что это значит и каким боком это ко мне относится. Я уже пятнадцать лет не писал стихов. Я сбросил видение в файл НА ОБСУЖДЕНИЕ С КМУЗУ.

Пора было заняться раскапыванием информации по Халиду Максвеллу. Первым делом я решил отправиться в полицейское управление, которое наблюдало за деятельностью полиции в Будайине, где служил лейтенант Хаджар. Не то чтобы я ненавидел Хаджара, просто от него у меня мурашки по коже бегали. Он был не из тех, кому доставляет удовольствие отрывать мухам крылышки, — он был из таких, кто идет в другую комнату и в потайной глазок подсматривает, как этим занимается другой.

Кмузу отвез меня в кремовом «вестфаль»-седане к участку на улице Валида аль-Акбара. Как обычно, на тротуаре толклось полным-полно мальчишек, и я прорвался сквозь них, разбрасывая монетки направо и налево. Однако они все равно монотонно ныли:

— Подай нам, о щедрый!.

Мне нравились мальчишки. Не так давно и я шатался в толпе, выклянчивая деньги на пропитание. Где-то по ходу дела роли переменились, и я стал крутым богатым парнем. Верно, я теперь богат, но я никогда не забывал о своем происхождении. И я не стану жалеть для мальчишек бакшиша.

Я вошел в здание участка и направился к компьютерной

комнате на третьем этаже. Пару раз меня останавливали люди в форме, но я показывал им письмо с подписью Фридландер-Бея. Копы тут же растворялись, словно призраки.

Я очень хорошо помнил, как работать на компьютере. Я даже помнил секретное кодовое словечко — «Мирамар». У штата этого участка нравы были довольно разгильдяйские, и я был уверен, что кодового слова здесь еще несколько месяцев менять не будут. Я догадывался, что перспектива заставить все отделение запоминать новое слово для них страшнее риска, что кто-то чужой залезет в полицейские файлы.

Я сел за потрепанный старый «анамнез» и принялся шептать команды. Женщина-сержант, работавшая смотрителем базы данных, заметила меня и поспешила навстречу.

— Мне очень жаль, сэр, — сказала она отнюдь не печальным голосом, — но посетителям нельзя работать с этим терминалом.

— Разве вы меня не помните? — спросил я. Она прищурила один глаз и подумала:

— Нет. Вы должны уйти.

Я вынул Папино письмо и показал ей.

— Мне нужно поработать всего несколько минут.

— Я должна проверить, — сказала она, складывая письмо и отдавая его мне. — Никто мне ничего такого не говорил. Я вызову лейтенанта. А пока отойдите от терминала.

Я кивнул, понимая, что мне придется подождать, пока она пройдет по всей цепочке команд. Это не заняло много времени. Лейтенант Хаджар сам влетел в библиотеку.

— Что ты о себе думаешь, Одран? — заорал он. Вид у него был мрачнее некуда.

Я протянул ему Папино письмо. Я не собирался вставать или объясняться. Письмо за меня все скажет, и я чувствовал себя так, будто излучаю некое превосходство. Хаджара нужно было всякий раз ставить на место.

Он вырвал у меня бумагу и прочел ее — раз, затем другой.

— Что это такое? — прохрипел он.

— Письмо. Сам знаешь от кого, ведь ты уже прочел.

Он с яростью посмотрел на меня и смял листок в комок.

— Это со мной не пройдет, Одран! Не пройдет! И что ты делаешь на свободе? Ты же формально выслан. Я заберу тебя в каталажку прямо сейчас!

Я погрозил пальцем и улыбнулся:

— Не-а, Хаджар. Эмир дал нам отсрочку, и ты это знаешь.

— Пока дал, — сказал он.

— Пока, — ответил я, взяв смятую бумагу и прижав ему ко лбу. — Ты что, в самом деле думаешь, что это не пройдет, а?

— Нет. — Однако на сей раз голос его звучал не столь уверенно.

— Хорошо, — спокойно сказал я. — У Папы полно людей, которые сумеют поработать с тобой.

Хаджар облизнул губы.

— Ладно, так какого черта тебе надо?

Я изобразил совершенно неискреннюю дружескую улыбку.

— Я просто хочу поработать с этим терминалом пару минут.

— Думаю, это можно. И что ты пытаешься раскопать?

Я развел руками.

— Я хочу обелить наши имена, конечно же. Я хочу выяснить, что ты знаешь о Халиде Максвелле.

В глазах его промелькнул страх.

— Я не могу тебе этого позволить, — сказал он. Его голос заметно дрожал. — Это секретное полицейское расследование.

Я рассмеялся.

— Я тоже секретный полицейский, — сказал я. — По крайней мере сейчас.

— Нет, — сказал он. — Я не позволю. Дело закрыто.

— Я снова открываю его. — И я потряс у него перед носом смятой бумажкой.

— Ладно, — сказал он. — Давай. Но это тебе так не пройдет. Я предупреждаю.

— Я надеюсь, что не пройдет, Хаджар. И когда пойдет волна, советую тебе не становиться на ее пути.

Несколько минут он пялился на меня. Затем сказал:

— ***Йаллах***, наверное, твоя мать была сифилитичной верблюдицей, Одран, а твой отец был христианским ублюдком.

— Ты близок к истине, — сказал я и отвернулся, продолжая наговаривать команды. Я полагал, что теперь Хаджар уберется.

Первым делом я вызвал файл Халида Максвелла. Я мало что узнал. В файл явно уже залезали и отредактировали его так, что информации осталось совсем мало. И все же я выяснил, что Максвелл работал в полиции четыре года, что он заслужил благодарность за храбрость и был убит, когда находился не при исполнении. Согласно полицейскому компьютеру он погиб, пытаясь прекратить яростную ссору между мной и Фридландер-Беем у своего дома, на аллее Шамс, 23.

Это, конечно же, была полная чушь. Я даже не знал, где находится аллея Шамс. Я был уверен, что не в Будайине. Максвелл был вторым офицером полиции в участке Хаджара, которого убили в этом году. Для Хаджара это было не слишком хорошо, для бедного Максвелла — еще хуже.

Я еще немного посидел, заглядывая в другие файлы. В досье

Хаджара информации было еще меньше, чем когда я в последний раз туда заглядывал. Все упоминания о его трудностях с Департаментом внутренних дел были изъяты. Кроме его имени, возраста и адреса там вообще мало что осталось.

Мой собственный файл характеризовал меня как убийцу Халида Максвелла (отпущенного вплоть до истечения срока апелляции). Это напомнило мне о том, что время идет и мне осталось лишь несколько недель свободы. А доказывать свою и Папы невиновность из тюремной камеры или с плахи затруднительно. Я решил поторопить события и посмотреть, что из этого выйдет.

Я вышел из участка и нашел Кмузу в машине, чуть дальше по улице Валида аль-Акбара. Я сел на заднее сиденье и сказал, чтобы он вез меня к восточным воротам Будайина. Когда мы туда подъехали, я отправил его домой, потому что я не знал, как долго здесь задержусь. Когда Кмузу воспротивился, я сказал ему, что всегда могу взять такси. Он нахмурился и ответил, что лучше подождет меня, но я был тверд.

Я взял портативное устройство цифровой связи, которое продавали мы с Фридландер-Беем. По дороге в кафе «Солас» мне позвонили. Я отцепил телефон от пояса и сказал:

— Алло.

— Одран? — произнес гнусавый голос, прямо-таки сальный до отвращения.

— Да, — сказал я. — Кто говорит?

— Кеннет. Звоню по просьбе шейха Реда Абу Адиля.

Это объясняло мое отвращение — чувство было взаимным.

— Привет, Кении. В чем дело?

На некоторое время он замолк.

— Меня зовут Кеннет, а не Кении. Я был бы очень благодарен, если бы ты это запомнил.

— Конечно, приятель. И по какому поводу ты звонишь?

— Шейх Реда только что узнал, что ты копаешься в деле Халида Максвелла. Не делай этого.

Быстро же расходятся новости.

— Не делать?

— Да, — сказал Кеннет. — Просто не делай, и все. Шейх Реда заботится о твоей безопасности, поскольку ты офицер чаушей, и он опасается того, что может произойти, если ты будешь продолжать расследование.

Я невесело рассмеялся:

— Я скажу тебе, что случится, если я не стану продолжать расследование. Наша с Папой отсрочка истечет, и мы будем казнены.

— Мы это понимаем, Одран. Если хотите спасти ваши головы, есть два пути — правильный и неправильный. Правильный путь — найти твердое алиби на ночь убийства. Неправильный — продолжать делать то, что ты делаешь.

— Прекрасно, Кен, но, честно говоря, я даже не могу вспомнить, что я делал той ночью.

— Меня зовут Кеннет, — прорычал он, прежде чем бросить трубку.

Я хмыкнул и снова прикрепил телефон к поясу.

Я нашел Жака и Махмуда в кафе «Солас» за игрой в домино. Подвинул стул к столу и немного посмотрел. Наконец подошел старик Ибрагим и спросил, не хочу ли я чего-нибудь. Я заказал «Белую смерть», и Махмуд с любопытством посмотрел на меня.

— Долго ты тут сидишь, Марид? — спросил он. — Я и не заметил, как ты подошел.

— Недолго, — отозвался я. Затем повернулся к другому своему приятелю. — Жак, — спросил я, — ты готов начать рекламировать устройства?

Он посмотрел на меня взглядом, который говорил, что он вечно будет жалеть о том, что согласился помочь мне.

— Тебе что, больше делать нечего? — спросил он. — Разве тебе не надо отмывать свое имя и репутацию?

Я кивнул:

— Не беспокойся, я уже и за это взялся.

— Слышали, — сказал Махмуд.

— На Улице говорят, что ты ищешь кого-нибудь, чтобы пришить ему убийство Максвелла, — сказал Жак.

— Вместо того чтобы объяснить, где вы были той ночью, — сказал Махмуд. — Ты все делаешь не так. Ты пытаешься сделать это… через задницу.

— Именно так нынешний подкупной Билли Абу Адиля мне и сказал, — медленно проговорил я. — Надо же, какое совпадение.

— Это Кеннет? — спросил Махмуд. — Что ж, он, наверное, прав.

У меня не было к нему каких-либо особенных вопросов, поэтому я сменил тему.

— Ну, ты готов, Жак? — спросил я.

— Честно говоря, Марид, у меня сегодня желудок побаливает. Может, завтра в полдень?

— О, завтра в полдень ты будешь делать это сам, — улыбнулся я. — Однако тебе придется пойти со мной и сегодня.

Я терпеливо подождал, пока Махмуд выиграет партию и Жак сделает ставку.

— Похоже, день плохо для меня начинается, — сказал Жак.

Он был, как обычно, хорошо одет, но у него был тот надутый христианский вид, который большинство его друзей терпеть не могли. Он выглядел так, словно хотел уехать куда-нибудь и начать новую жизнь под новым именем.

Я уголком глаза посмотрел на него, сдерживая улыбку. Он был взволнован.

— В чем дело, Жак? — спросил я.

Тот надменно оттопырил верхнюю губу.

— Я скажу тебе одну вещь, Марид, — сказал он. — Эта работа недостойна меня. Я не могу действовать как… как простой торговец.

Я не мог удержаться от смеха:

— А ты не считай себя торговцем, если проблема только в этом. Честно говоря, ты и не торговец. Ты гораздо больше. Постарайся увидеть целое, о блистательный.

Это Жака не убедило.

— Я и так смотрю на все в целом. И вижу, как я захожу в бар или клуб, вынимаю свои товары и пытаюсь вытянуть у хозяина деньги. Это розничная продажа. Это унижает меня в чужих глазах. Разве я не говорил тебе, что я на три четверти европеец?

Я вздохнул. Последние семь лет он говорил мне об этом чуть ли не каждый день.

— А ты никогда не думал о том, кто занимается в Европе розничной торговлей?

— Американцы, — пожал плечами Жак.

Я потер лоб. Голова болела.

— Забудь о торговле. Ты не будешь торговцем. Ты будешь Специалистом по размещению данных. И когда ты начнешь, то продвинешься до Инженера по коррекции информации. С соответственным повышением процента комиссионных.

Жак злобно посмотрел на меня.

— Ты меня не обманешь, Марид, — сказал он.

— Так вот в чем дело! Мне не надо обманывать тебя. Сейчас у меня хватит власти на то, чтобы выкрутить тебе руки, и ты еще будешь доволен тем, что помогаешь мне.

Жак издал короткий невеселый смешок:

— Мне рук не выкрутишь, о шейх. Ты все та же уличная шпана, как и все остальные.

Я пожал плечами:

— Может, это и правда, друг мой христианин, но я уличная шпана, под началом у которой Хабиб и Лябиб.

— Кто они такие?

— Говорящие Булыжники, — спокойно ответил я. Я увидел, как у него отхлынула кровь от лица. Все в Будайине знали

огромных телохранителей Папы, но я был одним из немногих избранных, кто знал их по именам. Конечно, я до сих пор не знал, кто из них кто, но это было все равно, потому что они всегда ходили вместе.

Жак плюнул мне под ноги.

— Верно говорят о коррупции, — резко сказал он.

— Ошибаешься, Жак, — спокойно сказал я. — Я не стал бы угрожать никому из своих друзей. Такая власть мне не нужна. Я просто рассчитываю на то, что ты ответишь мне услугой на услугу. Разве я не закрыл для тебя чек Фуада? Разве ты не согласился помочь мне?

Он поморщился.

— Ну да, это дело чести, хорошо, я, конечно, буду рад вернуть тебе долг.

Я похлопал его по спине.

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать.

— Когда угодно, Марид.

Однако одного взгляда на его физиономию было достаточно, чтобы понять, что желудок у него до сих пор не в порядке.

Мы приехали в клуб Френчи, что был кварталом выше моего. Френчи был огромным, коренастым парнем, у которого был такой вид, словно он катал бочки в каком-нибудь солнечном французском порту.

— Как поживаешь, Марид? — крикнула Дейлия, барменша.

— Прекрасно, Дейлия. Френчи здесь?

— Вернулся. Пойду приведу его. — Она бросила свое полотенце и исчезла за дверью, в офисе. Посетителей было немного, но пока еще рано.

— Хочешь, поставлю тебе выпить? — спросил я Жака, пока мы ждали.

— Господь не одобряет хмельного, — сказал он. — Уж тебе ли этого не знать.

— Я знаю, — сказал я. — Я знаю, чего не одобряет Господь. Но лично мне он никогда этого не говорил.

— Да? А что такое, по-твоему, блевота? А отключка сознания? А когда тебе дают по морде из-за того, что ты напился и сказал что-то не то и не тому человеку? И не надо богохульствовать.

Я не мог воспринимать его серьезно.

— Я видел, что и ты пьешь.

Жак энергично закивал.

— Да, друг мой, но затем я и хожу к исповеди. Покаюсь, и снова все в порядке.

От дальнейших религиозных разглагольствований меня спас Френчи, который появился в самый критический момент.

— В чем дело? — спросил он, подвигая табурет и усаживаясь справа от меня.

— Френчи, — сказал я, — рад тебя видеть. Я счастлив, что меня до сих пор принимают в твоем клубе, но, честное слово, у меня нет времени сидеть тут и болтать.

— Ты хочешь что-то продать мне, нораф, — сказал он своим хриплым голосом. — Подожди минутку. Я в трезвом виде мошенничать не умею.

— Я-то думал, что ты бросил пить, — сказал я. — Из-за своего желудка.

— Да я начал снова, — сказал Френчи. Он махнул своей барменше, и Дейлия принесла ему закупоренную бутылку «Джонни Уокера». Первый раз я видел, как этот напиток пили греческие торговые моряки в клубе Джо-Мамы и еще в двух филиппинских барах на Улице. Френчи отвинтил пробку и налил себе полстакана. — Даю тебе шанс, — сказал он, заглатывая виски одним духом и наливая себе еще.

— Мне джин с бингарой, — сказал я барменше.

— Лаймового сока выжать? — спросила Дейлия.

Я улыбнулся:

— Все-то ты помнишь.

Она надменно пожала плечами.

— Чтобы я да забыла, — пробормотала она. — А что тебе, Жак?

— У тебя есть эквадорское пиво? Я бы выпил кружечку.

Дейлия кивнула и принесла Жаку его выпивку. Френчи влил в себя второй стакан виски и рыгнул.

— *Eh bien* [Ладно (фр.)], Марид, — сказал он, почесывая свою густую бороду, — так что у тебя в чемоданчике?

Я положил его на стойку между нами и открыл замки.

— Ты просто влюбишься в него, — сказал я,

— Еще не влюбился, — сказал Френчи, — но, может быть, через несколько минут? — Он заглотил третий стакан «Джонни Уокера».

— Можно посмотреть, Марид? — спросила Дейлия, облокотившись на стойку.

Френчи сердито посмотрел на нее, слегка покачав головой.

— Иди столы вытирай, — сказал он.

Выпивка начинала на него действовать. Это было хорошо.

Я откинул крышку и дал Френчи посмотреть устройство. Это был прекрасно выполненный терминал с памятью, достаточной для того, чтобы не забывать о своем назначении. Он был бесполезен, если где-нибудь его не присоединить к основному компьютеру. Фридландер-Бей заключил контракт с одной из

боснийских фирм, чтобы поставлять устройства по ценам значительно ниже самых благоприятных рыночных. Это можно было сделать благодаря тому, что боснийские корпорации владели индустриальным конгломератом со штаб-квартирой в Бахрейне. И главный исполнительный представитель, и вице-президент по продажам своей властью, богатством и благополучием были обязаны Папиному вмешательству в политические дела каких-то десять лет тому назад.

Я налил Френчи четвертый стакан.

— *Merde alors* [Ну и дерьмо (фр.)], — пробормотал он.

— Фридландер-Бей хочет, чтобы ты стал первым в Будайине, — сказал я ему.

Огромный француз теперь уже не глотал виски, а пил понемногу.

— Первым в чем и переживу ли я это? — спросил он.

Я улыбнулся:

— Ты можешь первым на Улице получить одно из этих устройств для цифровой связи. Можешь установить его прямо сейчас в углу бара, там, где люди смогут его увидеть.

— Ох-ох, — сказал Френчи. — А на хрен оно мне сдалось?

Я посмотрел на Жака, чтобы удостовериться в том, что он внимательно слушает.

— Эти устройства дают доступ не только в городскую сеть «Инфо», — сказал я. — Твои посетители смогут входить в мировую базу данных и получать практически неограниченную информацию.

Френчи покачал головой.

— И сколько это будет стоить?

— Один киам. Всего один киам за запрос.

— *Minute, papillon!* [Минутку, мотылек! (фр.)] Городская сеть «Инфо» бесплатная! Нужно только набрать номер по телефону!

Я снова улыбнулся:

— Это ненадолго, Френчи. Этого еще никто не знает, потому особо не распространяйся! Фридландер-Бей купил «Инфо» у города.

Френчи рассмеялся:

— Он что, эмира подкупил?

Я пожал плечами:

— Он убедил эмира. А как — не имеет значения. Эмир просто поверил в то, что Папа будет управлять «Инфо» лучше, чем прежняя Комиссия по общественным службам. Конечно, Папа также объяснил ему, что для того чтобы предоставлять людям те услуги, которых они заслуживают, придется платить за каждую сделку. Френчи кивнул:

— Значит, бесплатным услугам «Инфо» приходит конец. И вместо нее будут вот эти штучки. А вы с Папой будете сидеть и распределять информацию. А что будет, если кто-нибудь пожелает копнуть личную жизни Папы?

Я отвернулся и как бы между прочим выпил половину своей «Белой смерти».

— О, — спокойно сказал я, — к несчастью, нам придется ограничить доступ определенных людей к определенным данным.

Френчи стукнул кулаком по стойке и рассмеялся. Вообще-то это было скорее похоже на рычание.

— Потрясающе! — воскликнул он. — Он держит руку на рычаге обмена информацией и к тому же решает кому помогать, а кому нет! Подожди, пока Абу Адиль не узнает об этом!

Жак наклонился поближе.

— Я ничего об этом не знал, Марид, — тихо сказал он. — Ты ничего такого мне не говорил, и мне кажется, это расторгает наше соглашение.

Я сделал ему знак, чтобы он и дальше пил свое пиво.

— Вот потому я и пошел с тобой сегодня, — сказал я. — Я хочу, чтобы ты знал все подробности. Это начало волнующего века!

— Но мне это не нравится. Во что меня втягивают?

Я развел руками.

— В одно из величайших коммерческих предприятий в истории человечества, — сказал я.

В этот миг в клуб вошел посетитель, высокий человек в европейском костюме. Его седые волосы были подстрижены и уложены в дорогой парикмахерской. На шее у него была дорогая серебряная брошь с алмазами и несколькими изумрудами в центре. В руке у него был дипломат, чуть поменьше моего. Он постоял в дверях, привыкая к темноте бара Френчи.

Одна из танцовщиц подошла к нему и пригласила войти. Я не знал этой девушки. Наверное, она была в Будайине недавно, но если она здесь задержится, то я узнаю о ней даже больше, чем мне нужно. На ней было длинное платье из очень прозрачной ткани, так что ее груди и темный треугольник волос на лобке были видны даже при тусклом свете.

— Не желаете ли выпить? — спросила она.

Элегантно одетый человек, прищурившись, посмотрел на нее.

— Это ты — Теони? — спросил он.

Плечи танцовщицы поникли.

— Нет, — ответила она, — но она здесь.

— Теони, это к тебе.

Теони была одной из самых привлекательных девушек на

Улице, и в баре Френчи она была совершенно не к месту. Она никогда не работала у меня, но я был бы чрезвычайно рад, если бы она однажды вошла к Чириге и попросила места. Она была маленькой, гибкой, изящной и лишь чуточку подправлена хирургом. Бодимоделинг только подчеркнул ее природное очарование, не превращая ее в карикатуру, что часто приходилось видеть. В отличие от большинства танцовщиц, она не моделировала мозг, и, когда у нее не было клиента, она просто сидела в заднем углу бара Френчи, попивая шербет и читая книги в мягком переплете. Я подумал, что именно чтение привлекало меня к ней.

Она вышла из темного угла бара, поздоровалась с посетителем и повела его к столику позади того, где сидели мы с Френчи и Жаком. Дейлия подошла взять у него заказ. Он заказал себе пиво и коктейль с шампанским для Теони.

Френчи налил себе еще порцию «Джонни Уокера».

— Дейлия, — сказал он, — принеси-ка мне стакан минералки. — Повернулся ко мне. — Она лучшая барменша на Улице, знаешь? Ты считаешь, что Чири хорошая барменша, но я не променял бы Дейлию на Чири, даже если бы ты в придачу дал еще и Ясмин. Господи, как ты с ней уживаешься? С Ясмин я имею в виду. Всегда опаздывает. Она хорошенькая для мальчика и приносит деньги, но нрав у нее…

— Френчи, — сказал я, перебивая его пьяные излияния, — поверь мне, я прекрасно знаю нрав Ясмин.

— Да уж. Как же она на тебя работает после того, как ты женился? — Он снова утробно рассмеялся.

— Давай лучше поговорим о терминале, Френчи, — сказал я, пытаясь вернуть разговор в прежнее русло. — Ты захочешь иметь такой, потому что такой будет у каждого на Улице. А без него ты потеряешь свой бизнес. Как если бы у тебя в ванной не было телефона.

— Ванная все равно работает только по четвергам и пятницам, — пробормотал Френчи. — А мне-то от этого что за выгода?

Я решил сказать, что ему будет, если он согласится взять терминал.

— Друг мой, мы готовы ссудить тебе немного денег, если ты окажешь нам услугу и позволишь установить первый терминал у себя в клубе. Тысячу киамов наличными прямо сейчас, и тебе для того ничего не придется делать. Просто подпиши бланк, и завтра придет монтер и установит устройство у тебя в баре.

— Тысяча киамов? — спросил он. Наклонился поближе и посмотрел мне в глаза. Он тяжело дышал мне в лицо, и это было

не слишком приятно.

— Тысяча. Наличными. Сейчас. И самое главное, Френчи, что мы не будем требовать от тебя возврата этих денег. Мы поделим доход от цифровой связи следующим образом: шестьдесят пять на тридцать пять. Плату за ссуду мы вычтем из твоих тридцати пяти. Ты даже не потеряешь денег. А когда все будет выплачено, мы ссудим тебе еще тысячу наличными.

Он еще почесал бороду и прищурился, пытаясь понять, в чем тут подвох.

— Вы будете делиться со мной доходом ежемесячно? — спросил он.

— Тридцать пять процентов твои, — ответил я.

— Значит, эта ссуда скорее…

— Это скорее подарок! — сказал Жак.

Я повернулся к нему.

Несколько мгновений в клубе висела тишина. Уголком глаза я заметил, что Теони очень близко подсела к посетителю с драгоценной брошью. Ее рука скользнула к его бедру. Ему было не по себе.

— Откуда ты, лапочка? — спросила она, потягивая свой коктейль.

— Ахайя, — сказал он. Он убрал ее руку со своих колен.

Френчи грузно повернулся и взял со стойки два стакана. Он до половины наполнил их виски и поставил один перед Жаком, а другой — передо мной. Затем взял бутылку пива, что заказал Жак, и понюхал.

— *Pipi de chat* [Кошачья моча (фр.)] — презрительно сказал он. — Выпейте со мной.

Я пожал плечами и взял стакан. Мы с Френчи чокнулись и осушили их залпом. Жаку пришлось повозиться со своим подольше. Он был невеликим питухом.

— Марид, — сказал Френчи, внезапно посерьезнев, — а что будет со мной и с моим баром, если я отклоню ваше щедрое предложение? Что, если я откажусь? Это, в конце концов, мой клуб, и мне решать, что тут будет, а что нет. Я не хочу цифровой связи. Что на это скажет Папа?

Я нахмурился и покачал головой.

— Как давно мы знакомы, Френчи? Он только посмотрел на меня.

— Возьми устройство, — тихо сказал я.

Он был настолько велик, что мог переломить меня пополам, однако он знал, что момент критический. Он понимал, что, если вышвырнет меня из клуба, это не сочтут подходящим ответом. Он встал с тяжелым вздохом.

— Ладно, Марид, — сказал он, — запиши меня. Но не думай, что я не понимаю, что это значит.

Я ухмыльнулся.

— Все не так плохо, Френчи. Вот твоя тысяча киамов. — Я вынул из кармана джеллабы запечатанный конверт и протянул ему.

Френчи вырвал его у меня и отвернулся. Он побрел в свой офис, не сказав мне ни слова.

— Сегодня в полдень, — сказал я Жаку, — можешь предложить ту же тысячу киамов Большому Элу и прочим, но свои деньги они получат, когда установят устройство связи. Понял?

Жак кивнул. Отодвинул недопитый стакан с виски.

— И за каждый терминал я получу комиссионные?

Сто киамов, — сказал я. Я был уверен, что Жак получит большой навар, продавая устройства нашим друзьям и соседям, особенно при такой наживке, как комиссионные. Сто киамов с каждой продажи, да еще и при поддержке Фридландер-Бея.

— Сделаю, что смогу, Марид, — сказал он. Похоже, теперь он был несколько более уверен. Он медленно допил эквадорское пиво из своей бутылки.

Чуть позже ахайский посетитель встал и открыл свой портфель. Оттуда он вынул тонкий сверток.

— Это тебе, — сказал он Теони. — Не открывай, пока я не уйду. — Он наклонился, поцеловал ее в щеку и снова вышел на солнечный свет.

Теони начала разворачивать бумагу. Открыла сверток и нашла там книгу в кожаном переплете. Когда она открыла ее, у меня, на поясе зазвонил телефон. Я отцепил его и сказал:

— Алло.

— Это Марид Одран? — спросил хриплый голос.

— Да, — ответил я.

— Это доктор Садик Абд ар-Раззак.

— Это был имам, который подписал наш приговор. Я встревожился.

Теони вскочила и указала вслед джентльмену из Ахайи.

— Знаешь, кто это был? — закричала она, заливаясь слезами. — Это был мой отец!

Дейлия, Жак и я посмотрели на Теони. Такое в Будайине случается сплошь и рядом. Нечего было волноваться.

— Мне хотелось бы поговорить о том, как вы собираетесь очистить свое имя, — сказал Абд ар-Раззак. — Я не потерплю никакого нарушения мусульманских законов. Я разрешаю вам посетить меня сегодня в два.

Он бросил трубку раньше, чем я успел ответить. Я подвинул устройство цифровой связи в чемоданчике Жаку, он закрыл крышку и пошел по делам.

— Ладно, — сказал я Дейлии, — я должен поговорить со всеми, кто, по-моему, замешан в деле Халида Максвелла. Потому отправляюсь по первому кругу.

Она посмотрела на меня и вытерла стойку тряпкой. Она понятия не имела, о чем я говорю.

Глава 13

Я пролежал в постели с другим романом Латфи Гада до трех часов ночи. В желудке у меня урчало, в ушах звенело, и через некоторое время я осознал, что потею так, что все простыни промокли. Я просто психовал на всю катушку.

Что ж, герои не должны расклеиваться. Взять хотя бы аль-Каддани, непоколебимого детектива из романов Гада. Он никогда не поддавался панике. Он никогда не бодрствовал ночь напролет оттого, что ему хотелось удрать куда-нибудь подальше и начать все сначала. После пары часов нервотрепки я решил взять себя в руки, и немедленно. Я вылез из мокрой постели и пошел за своей аптечкой, что была в другом конце спальни.

Она была набита лекарствами, и у меня несколько секунд ушло на то, чтобы сообразить, что выбрать. Наконец я решил, что приму транквилизатор. Я пытался покончить со своей старой привычкой принимать для успокоения наркотики, но сейчас была ситуация, когда мои любимые таблетки и капсулы предписываются вполне законно. Я остановился на паксиуме, приняв двенадцать таблеток лавандового цвета и четыре желтых. Это притупит остроту моего психоза, сказал себе я.

Я снова лег, шлепнулся на подушки и прочел еще пару глав. Подождал, пока паксиум подействует, и через час или около того действительно почувствовал слабые, еле заметные признаки эйфории. Она, словно сахар, застывающий на птифуре, покрыла мои страдания. Но под этой тонкой корочкой в моей душе все еще копошились мрачные опасения.

Я снова встал и босиком пошел в уборную. Открыл аптечку и откопал в ней восемь таблеток соннеина, моего любимого болеутоляющего. На самом деле я не чувствовал серьезной боли, просто подумал, что опийное тепло изгонит остатки моего беспокойства. Я проглотил белые таблетки и запил их минералкой.

К тому времени, когда аль-Каддани был захвачен израильскими злодеями и, как и положено, один разок избит, я почувствовал себя куда лучше. От беспокойства остались только абстрактные воспоминания. Меня наполняло чудесное ощущение уверенности в том, что днем я смогу низвергнуть доктора Садика Абд ар-Раззака одним своим видом.

Я чувствовал себя так хорошо, что мне захотелось поделиться своей радостью с кем-нибудь еще. Но, однако, не с Кмузу, который уж точно доложит Фридландер-Бею о моем ночном кутеже. Нет уж. Я быстренько оделся и выскользнул из своей

комнаты. Тихо прошел по темным коридорам из западного крыла дома Папы к восточному крылу. Оказавшись перед дверью Индихар, я тихонько постучал несколько раз. Я не хотел будить детей.

Я подождал минутку, затем постучал погромче. Наконец я услышал за дверью какое-то движение, и дверь отворила Сенальда, валенсианка, которую я нанял в помощь Индихар.

— Сеньор Одран, — сонно сказала она. Она протерла глаза и сердито воззрилась на меня. Ей не очень нравилось, что ее разбудили так рано.

— Прости, Сенальда, — сказал я, — но мне срочно нужно поговорить с женой.

Служанка уставилась на меня. Пару секунд она не говорила ни слова. Затем повернулась и пошла в комнаты. Я ждал у двери. Через некоторое время вышла Индихар в атласном халате. Лицо ее было мрачным.

— Муж, — сказала она.

Я зевнул.

— Мне нужно поговорить с тобой, Индихар. Прости, что пришел в такой час, но это очень важно.

Она провела рукой по волосам и кивнула.

— Хорошо, Магрибинец. Лучше сейчас. Через пару часов проснутся дети, и у меня не будет времени поспать.

Она отошла в сторону, дав мне протиснуться мимо нее в гостиную.

Сейчас я чувствовал себя ужасно. Я чувствовал себя непобедимым. Пятнадцать минут назад я хотел пойти к Индихар и услышать от нее, какой я храбрый и сильный, мне было нужно, чтобы кто-нибудь сказал мне об этом. Теперь же, когда соннеин говорил мне все, что я хотел слышать, мне всего лишь нужно было обсудить с кем-нибудь, правильно ли я избавляюсь от своих страхов. Я знал, что могу доверять Индихар. Я даже не думал о том, что она может рассердиться на меня за то, что я выдернул ее из теплой уютной постели.

Я сел на кушетку и подождал, пока она сядет напротив. Несколько секунд она массировала лицо длинными, тонкими пальцами.

— Индихар, — сказала она, — ты моя жена.

Она перестала массировать лоб и посмотрела на меня.

— Я уже говорила тебе, — сказала она сквозь зубы, — что спать с тобой я не буду. Если ты разбудил меня среди ночи в пьяном…

— Нет, дело вовсе не в этом. Мне нужно услышать твое откровенное мнение по одному вопросу.

Она молча уставилась на меня. Не было похоже, чтобы она успокоилась.

— Как ты могла заметить, — сказал я, — последнее время Папа взваливает на мои плечи все больше и больше ответственности. И потому мне приходится прибегать к некоторым его методам, даже если мне лично они не по вкусу.

Индихар покачала головой:

— Видела я, как ты отсылал бен-Турки в Наджран по… по делу. Мне не показалось, что тебе было трудно приказать убить человека. Не так давно тебя бы это ужаснуло, и ты оставил бы все на усмотрение Юссефа или Тарика.

Я пожал плечами:

— Это было необходимо. У нас сотни друзей и партнеров, которые зависят от нас, и мы не можем спускать оскорбления. Если мы это допустим, то потеряем наше влияние и власть, а друзья потеряют нашу защиту.

— Нашу. Мы. Ты подсознательно начинаешь отождествлять себя с Фридландер-Беем. Он полностью овладел тобой, так? Что же так оскорбило тебя?

Я опять почувствовал депрессию, несмотря на соннеин. Это означало, что мне нужно принять еще дозу, но я не мог этого сделать. Только не при Индихар.

— Я собираюсь выяснить, кто на самом деле убил Халида Максвелла, а затем позабочусь, чтобы с ним случилось то же, что и с сержантом в Наджране.

Индихар невесело улыбнулась:

— Как хитроумно ты стал говорить правду! С ним «случится то же самое», вместо «его убьют». Словно твое сознание записано на какой-нибудь чертовой училке и ты никогда не включал ее.

Я встал и глубоко вздохнул:

— Спасибо, Индихар. Я рад, что мы поговорили. Можешь идти спать.

Я повернулся и пошел прочь, закрыв за собой дверь. Мне было плохо.

Молча я пошел по коридору мимо комнат моей матери. Свернул в темный проход в главной части дома. Из темноты выскользнула чья-то фигура и направилась ко мне. Поначалу я испугался — всегда была возможность того, что хитрый наемный убийца обманет охрану — как людей, так и электронику, но затем я увидел, что это Юссеф, Папин дворецкий и помощник.

— Добрый вечер, шейх Марид, — сказал он.

— А, Юссеф, — устало ответил я.

— Я только что проснулся и услышал, что ты тут бродишь. Тебе что-нибудь нужно?

Мы вместе пошли в левое крыло.

— Да нет, ничего, Юссеф. Спасибо. Ты только что проснулся?

Он мрачно посмотрел на меня.

— Я очень чутко сплю, — сказал он.

— А… Ладно, я просто хотел кое о чем поговорить с женой.

— И тебя удовлетворила беседа с ней?

— Не совсем, — хмыкнул я.

— Ну, может, тогда я помогу?

Я отклонил было его предложение, но затем подумал: «А вдруг Юссеф и есть тот самый человек, с которым можно поговорить о своих чувствах?»

— Индихар заметила, что я несколько изменился за последний год.

— Она совершенно права, шейх Марид.

— И ей не нравится то, чем я, по ее мнению, стал.

Юссеф пожал плечами.

— Я и не стал бы ожидать, что она это поймет, — сказал он. — Ситуация очень сложная, в ней сможет разобраться только тот, кто стоит у власти. То есть Фридландер-Бей, ты, Тарик и я. Для всех прочих мы чудовища.

— Да я и сам себя считаю чудовищем, Юссеф, — печально сказал я. — Я хочу вернуть себе прежнюю свободу. Я не хочу быть у власти. Я хочу быть бедным, молодым и счастливым.

— Этого никогда не будет, друг мой, потому хватит дразнить себя фантазиями. Тебе выпала честь заботиться о многих, и ты обязан им своими лучшими поступками. Это и означает концентрацию, которую не в силах поколебать сомнение в себе.

Я покачал головой. Юссеф меня не совсем понял.

— Теперь у меня много власти, — медленно проговорил я. — Но откуда мне знать, правильно ли я ее использую? Например, я послал молодого человека прикончить гада, который грубо обошелся с Фридландер-Беем в Наджране. Конечно, святой Коран допускает месть, но не более жестокую, чем нанесенное тебе оскорбление. Можно было бы жестоко избить сержанта и не чувствовать за собой вины, но отнять у негожизнь…

Юссеф поднял руку и перебил меня.

— А, — сказал он, — ты путаешь Промысел Аллаха и свои собственные чувства. То, что ты говорил о мести, конечно же верно — для обычного человека, у которого есть только его жизнь и жизни членов его семьи. Но поскольку с привилегиями прибавляется и ответственности, то противное также верно. То есть чем больше ответственность, тем больше привилегий. Потому мы, живущие в этом доме, выше прямого толкования воли Аллаха. Для того чтобы в Будайине и во всем городе был порядок,

мы должны зачастую действовать быстро и точно. Если нас оскорбляют, как ты это называешь, мы не должны ждать до самой смерти, чтобы ликвидировать угрозу. Мы поддерживаем благосостояние наше и наших союзников, действуя быстро, и можем продолжать действовать в том же духе, не опасаясь того, что мы исказим смысл поучений Святого Пророка.

— Да будет с ним мир и благословение Аллаха, — сказал я. Я прилежно делал невинное лицо, хотя в душе мне хотелось выть. Таких нелепых рассуждений я не слышал с тех пор, как старый шейх, что жил в домике на нашей улочке в Алжире, пытался доказать, что вся земля плоская, потому что такова Мекка. Что на самом деле было неверно.

— Меня беспокоит, что ты до сих пор выказываешь такое упрямство, шейх Марид, — сказал Юссеф.

Я махнул рукой:

— Это пустяки. Меня всегда немного трясет перед тем, как приходится что-то делать. Но вы с Фридландер-Беем прекрасно знаете, что я всегда выполняю порученное. Разве необходимо, чтобы я еще и удовольствие от этого получал?

Юссеф издал короткий смешок:

— Нет. Даже хорошо, что тебе это не доставляет удовольствия. Если бы было так, то ты мог бы кончить как шейх Реда.

— Не приведи Аллах, — пробормотал я.

Мы дошли до моей двери, и я отпустил Юссефа. Я вошел внутрь, спать мне не хотелось. На душе у меня по-прежнему было неспокойно. Я некоторое время подождал и принял еще четыре таблетки соннеина и пару таблеток трифета, для того чтобы взбодриться. Затем я медленно приоткрыл дверь, чтобы не разбудить Кмузу, и осмотрел холл. Юссефа нигде не было видно. Я снова выскользнул из комнаты, спустился по лестнице и сел за руль своего электроседана.

Мне нужно было выпить, и чтобы вокруг было много веселого народа. Я поехал в Будайин, наслаждаясь этим особенным, приятным одиночеством раннего утра, когда на дороге никого нет. Не говорите мне о езде подшофе — я знаю, это глупо. Меня нужно было бы остановить и наказать в назидание другим. Я просто думал, что при той реальной угрозе, что нависла надо мной, дорожное происшествие просто не может со мной случиться. Это была искусственная самоуверенность, вызванная наркотиками.

Короче, я подъехал к восточным воротам безо всяких приключений и припарковался у стоянки такси на бульваре аль-Джамаль. Мой клуб был закрыт — уже час или больше, да и

большинство остальных зданий были темны. Но здесь было полно баров, что работали после часа, и круглосуточных кафе. Множество танцовщиц после работы шли в «Бриг». Можно подумать, что, после того как восемь часов в сутки они пьют с посетителями, им уже хватит, но это не так. Они любят посидеть вместе в баре, попивая шнапс и болтая об идиотах, с которыми им пришлось говорить всю ночь.

«Бриг» был темным, холодным баром у южной стены Будайина на Седьмой улице. Я пошел туда. На дне моей души шевелилась слабая надежда, что я на кого-нибудь наткнусь. На кого-нибудь вроде Ясмин.

В «Бриге» было шумно и дымно, лампы, покрытые синим гелем, придавали всем мертвецкий вид. У стойки не было ни одного свободного табурета, потому я сел в отгороженном зале у противоположной стены. Владелец бара, Камаль Ибн аш-Шаалан, который к тому же работал за стойкой, увидел меня и подошел. Он пару раз провел по столу тряпкой, вонявшей прокисшим пивом.

— Как дела, Марид? — спросил он свом хриплым голосом.

— Прекрасно, — ответил я. — Джин, бингара и немного сока розового лайма, ладно?

— А как же. Ищешь компанию на вечер?

— Сам найду, Камаль, — сказал я.

Он пожал плечами и пошел смешивать мне питье.

Минут, может, через десять передо мной села подвыпившая предоперационная перва. Она выбрала для себя имя Танси, но по работе стоило бы называть ее Нафка. Никто не говорил ей, что значит «Нафка» на идиш.

— Угостишь выпивкой, мистер? — спросила она. — Я могу посидеть с тобой и помочь начать твой день с развлечений.

Она не помнила меня. Она думала, что я просто одна из ее старых жертв.

— Не сегодня, лапочка, — сказал я. — Я жду человека.

Она криво улыбнулась, полуприкрыв глаза:

— Тебя удивит то, чем я сумею тебя поразвлечь, Пока-Ты-Ждешь.

— Не думаю, что меня это удивит. Сейчас я не в духе. Извини.

Танси встала, слегка покачнувшись. Медленно подмигнула.

— Я знаю, какая у тебя проблема, мистер.

Она хихикнула и пошла назад, к бару.

Ну нет, моей проблемы она не знала. Однако мне не пришлось долго думать об этом, потому что из темной части клуба, из женского туалета, вывалилась Ясмин. Казалось, что на

работе она перегрузилась выпивкой, а потом еще и здесь добавила. Я встал и позвал ее. Она медленно качнула головой, как апатозавр, выискивающий, где бы пожевать травы.

— Эт-кто? — спросила она и дернулась в мою сторону.

— Марид.

— Марид! — Она слезливо улыбнулась и ввалилась в мой закуток, словно мешок с луком. Протянула руку под столом и игриво сунула ее под мою джеллабу. — Я потеряла тебя, Марид. А эта штучка у тебя там все еще есть?

— Ясмин, послушай…

— Я очень устала сегодня, Марид. Не отвезешь ли меня домой? Я малость перебрала.

— Вижу. Послушай, я на самом деле хотел поговорить с тобой о…

Она снова поднялась и встала рядом со мной, наклонившись, чтобы обнять меня за шею. Начала щекотать мое ухо языком.

— Обычно тебе это нравилось, Марид. Помнишь?

— Мне это никогда не нравилось. Ты меня с кем-то путаешь.

Руки Ясмин скользнули мне на грудь.

— Пошли, Марид. Я хочу домой. Я теперь снова живу на Четырнадцатой улице.

— Ладно, — сказал я.

Если Ясмин напьется да еще вобьет себе чего-нибудь в голову, с ней никак не сладишь. Если не сделаешь так, как хочет она. Я встал, обнял ее за плечи, убедился, что ее сумочка при ней, и не то повел, не то поволок ее из «Брига». Семь кварталов мы шли полчаса. Наконец добрались до дома. Я отыскал в ее сумочке ключи, открыл парадный вход и повел Ясмин к кровати.

— Спасибо, Марид, — нараспев проговорила она. Я разул ее и собрался было уходить. — Марид?

— В чем дело? — Я снова начал засыпать. Мне хотелось добраться до дома и забраться в постель до того, как Юссеф, Тарик или Кмузу обнаружат, что меня нет, и побегут докладывать Фридландер-Бею.

Ясмин снова позвала меня:

— Помассируй мне шею. Я вздохнул:

— Ладно, только немного.

Я начал массировать ей шею, и, пока я занимался ею, Ясмин потихоньку вылезала из своей короткой черной юбки. Затем она попыталась стащить с меня через голову джеллабу.

— Ясмин, ты пьяна, — сказал я.

— Разве ты меня не хочешь? — спросила она. — С этого у меня похмелья не будет.

Не самое теплое приглашение. Она впилась в меня долгим

поцелуем, в этом искусстве она всегда была мастером. И куда девать руки, она тоже знала. Через некоторое время мы голодно и жестоко любили друг друга. Я думаю, она уснула еще до того, как мы закончили. Затем и я дошел до изматывающего оргазма и рухнул рядом с ней.

Как мне описать начало следующего дня? Я спал неверным сном, наполовину сползая с голого матраса на кровати Ясмин. Мне снились яркие, сумасшедшие сны — остатки наркотического опьянения, и кровь моя струилась в жилах все медленнее. Я проснулся сразу, около десяти утра. Во рту было погано, голова пульсировала болью. Я не мог понять, где я, и осматривал квартиру Ясмин, надеясь найти подсказку. Наконец я уставился на ее изящную спину, тонкую талию и соблазнительные бедра. Что я делаю в ее постели? Она же ненавидит меня. Наконец я вспомнил завершение прошлой ночи. Я зевнул, отвернулся от нее и почти сразу же заснул снова.

Мне снилось, что. на меня орет моя мать. Такое мне снится часто. Внешне мы с мамой уладили все наши сложности; обиды и недопонимание остались в прошлом. Но сны говорили мне, что по большей части это лишь косметический ремонт. В глубине души я по-прежнему чувствую себя неуютно и тревожно, когда дело касается ее.

Голос моей матери становился все громче и пронзительнее, но я никак не мог понять, что взбесило ее на сей раз. Лицо ее побагровело и стало уродливым, она грозила мне кулаком. Ее грубые слова болезненно отдавались у меня в голове, и, когда она начала колотить меня по голове и плечам, я нырнул.

И проснулся. Вопила и лупила меня Ясмин. Когда-то она была высоким и хорошо сложенным молодым человеком, и потому даже после сексобменной операции оставалась опасным противником. Вдобавок на ее стороне был элемент неожиданности.

— Пошел вон! Пошел! — кричала она.

Я скатился с матраса и упал на холодный пол. Бросил взгляд на часы — было около полудня. Я не понимал, какие у Ясмин проблемы.

— Ты дерьмо, Одран! — кричала она. — Ты, слизняк блевучий, воспользовался моим состоянием!

Несмотря на то что в прошлом мы много раз занимались любовью, сколько бы мы вместе ни жили, я все еще стеснялся оставаться при ней обнаженным. Я увернулся от кулаков, затем встал, сжавшись, пытаясь скрыть свою уязвимость.

— Я не пользовался твоим положением, Ясмин, — сказал я. В голове опять свербило, но на сей раз куда сильнее. — Я наткнулся

на тебя в «Бриге» несколько часов назад. Ты попросила проводить тебя домой. Я хотел уйти, но ты стала просить меня переспать с тобой. Ты прямо-таки повисла на мне. Ты не хотела, чтобы я уходил. Она схватилась за голову и сморщилась:

— Ничего такого не помню.

Я пожал плечами и сгреб свое белье и джеллабу.

— Что я могу сказать? Я же не могу отвечать за то, что ты помнишь или не помнишь.

— Откуда мне знать, может, ты привез меня домой, а потом, когда я была в твоей власти, изнасиловал?

Я надел через голову джеллабу.

— Ясмин, — печально сказал я, — разве ты так плохо меня знаешь? Неужели я хоть раз сделал что-нибудь такое, что заставило бы тебя подумать, будто я могу кого-нибудь изнасиловать?

— Ты убивал людей, — сказала она, но уже без прежнего пыла.

Я надевал сандалию, стоя на одной ноге.

— Я не насиловал тебя, Ясмин, — сказал я. Она немного успокоилась.

— Да? — сказала она. — А как все это было? Я натянул другую сандалию.

— Это было прекрасно, Ясмин. Нам всегда было хорошо вместе. Мне не хватает тебя.

— Да? Это правда, Марид?

Я встал на колени рядом с ее матрасом.

— Послушай, — сказал я, глядя в ее темные глаза, — именно потому, что я женился на Индихар…

— Я не хочу, чтобы ты говорил о ней при мне. Мы с Индихар долгое время были подругами.

Я закрыл глаза и потер их. Затем снова посмотрел на Ясмин.

— Даже Пророк Мухаммед…

Да будет с ним мир и благословение Аллаха, — пробормотала она.

— Даже у Пророка была не одна жена. Я могу иметь четырех, жен, если смогу одинаково содержать их и хорошо обходиться с ними. У Ясмин расширились глаза.

— Ты что такое мне говоришь, Марид?

Я пожал плечами:

— Не знаю, милая. Мы с Индихар женаты только на словах. Мы хорошие друзья, но мне кажется, что она немного обижена на меня. И я не лгал, когда сказал, что мне действительно тебя не хватает.

— Ты в самом деле на мне женишься? А что скажет Индихар?

И как…

Я поднял руку. — Мне очень многое надо обдумать, — сказал я. — Нам надо собраться всем вместе и поговорить. Да и Папа может этого не одобрить. Короче, у меня встреча с имамом мечети Шимааль через два часа. Я собираюсь обелить свое имя.

Ясмин кивнула, но продолжала смотреть на меня, склонив голову набок. Я проверил, на месте ли ключи и все, что мне может понадобиться — в особенности моя аптечка. Потом пошел к парадной двери.

— Марид? — позвала она.

Я обернулся к ней.

— Я не хочу быть женой номер два. Я не хочу быть служанкой Индихар и ее детей. Я хочу, чтобы со мной обходились так же, как с нею, как говорит святой Коран.

Я кивнул.

— У нас куча времени, — сказал я. Я пересек комнату и встал на колени, чтобы поцеловать ее на прощанье. Это был долгий, нежный поцелуй, и мне было жаль прерывать его. Затем я встал, вздохнул и закрыл за собой дверь.

Йа Аллах , во что эти наркотики втянули меня сейчас?

Снаружи на улице стояло серое сырое утро. Оно полностью соответствовало моему настроению, но легче мне от этого не стало. Я пошел по улице от Четырнадцатой до восточных ворот. Я опустил голову и шел близко к витринам, надеясь, что никто меня не узнает. Я сейчас был не в настроении встречаться с Саидом Полу-Хаджем или Жаком, или еще с кем из моих старых приятелей. К тому же у меня едва оставалось время на то, чтобы вернуться домой, принять душ и сменить одежду для встречи с Абд ар-Раззаком.

И конечно, как всегда, все мои желания были вселенной по фигу. Я прошел всего полтора квартала, когда пронзительный голос возопил:

— Аль-Амин! О великий!

Я вздрогнул и обернулся. Там стоял тощий мальчишка лет пятнадцати, выше меня ростом, в драной белой рубахе и белых штанах. Казалось, его грязные ноги никогда не знали сандалий. На его грязной шее узлом была завязана кафия в красно-белую клетку.

— Да будет светло твое утро, о шейх, — радостно сказал он.

— Ну, — спросил я, — сколько тебе надо? — Я полез в карман и вытащил скомканные купюры.

Он ошарашенно посмотрел на меня, затем огляделся.

— Я не из-за денег, шейх Марид, — сказал он. — Я хотел тебе кое-что сказать. За тобой следят.

— Что? — Эта новость по-настоящему напугала меня, и я почувствовал себя несчастным. Интересно, кто привесил мне хвост — Хаджар, Абд ар-Раз-зак или Абу Адиль?

— Это правда, о шейх, — сказал парень. — Пройдемся вместе. По другую сторону Улицы, где-то в полутора кварталах позади, сидит жирный кяфир в небесно-голубой джеллабе. Не смотри на него.

Я кивнул.

— Интересно. Он что, всю ночь торчал перед домом Ясмин и ждал, пока я вылезу?

Парнишка рассмеялся:

— Мой приятель сказал, что да.

Это ошеломило меня.

— Откуда вы могли знать, где я был прошлой ночью?

— Не купишь ли мне чего поесть, отец щедрости? — попросил он.

Мне это понравилось. Мы повернули и пошли назад, к более чем приличному японскому ресторанчику «Киоши» на Четырнадцатой южной улице. Я долгим взглядом окинул здоровенного типа, который безуспешно пытался не казаться подозрительным. С виду он не был опасен, но это ничего не значило.

Мы сели в закутке, глядя на голографическую рок-группу, что появилась между нами. Хозяин ресторанчика воображал себя музыкантом, и его группа развлекала гостей у каждого стола, хочешь ты этого или не хочешь. Мы с парнишкой заказали по цыпленку хибачи. Этого хватит, чтобы поговорить.

— Ты наш защитник, ***йа Амин***, — сказал мальчишка, жадно заглатывая еду. — Всякий раз, как ты появляешься в Будайине, мы наблюдаем за тобой. У нас есть система сигналов, поэтому мы всегда знаем, где ты. Если тебе понадобится помощь, мы появимся в любой момент. Я рассмеялся:

— Я ничего не знал об этом.

— Ты сделал для нас доброе дело, открыв ночлежки и бесплатные кухни. Потому этим утром мои приятели сидели и ждали, пока ты не выйдешь от этой сексобменки Ясмин. Они заметили, что и этот кяфир тоже следит. Когда я проснулся, они рассказали мне об этом. Послушай, когда услышишь вот это, — он насвистел знакомую детскую песенку, которую знали все дети в городе, — знай — мы рядом и предостерегаем тебя. Значит, за тобой следят или тебя ищет полиция. Когда услышишь эту мелодию, тебе лучше будет на время скрыться с глаз.

Я выпрямился, обдумывая его слова. Значит, детская гвардия прикрывает мне спину. У меня сразу улучшилось настроение.

— Не знаю, как и благодарить, — сказал я.

Мальчишка развел руками.

— Не стоит благодарности, — сказал он. — Мы хотели бы сделать больше. Сейчас моя семья, конечно же, нуждается сильнее других, и потому у меня не так много времени на…

Я понял сразу же. Снова вытащил купюры и вынул сотенную. Подвинул ее к нему.

— Бери, — сказал я. — На жизнь твоим благословенным родителям.

Мальчишка взял купюру и изумленно воззрился на нее.

— Ты даже благороднее, чем рассказывают, — пробормотал он и быстро убрал деньги.

Ну, уж благородным я себя никак не чувствовал. Я дал парнишке несколько баксов во имя собственных интересов, и сотня киамов не слишком облегчила мой банковский счет.

— Хорошо, — сказал я, — доедай. Мне надо идти. Я буду бдительным. Как тебя зовут?

Он посмотрел мне прямо в глаза:

— Я Гази, о шейх. Когда услышишь два коротких низких свистка, а затем один высокий и длинный, это значит, что один парень передает дежурство другому. Будь осторожен, аль-Амин. Мы, жители Будайина, зависим от тебя.

Я погладил его по длинным грязным волосам.

— Не беспокойся, Гази. Я слишком люблю себя, чтобы умереть. В мире слишком много прекрасного, чего я не успел изведать. И лишь некоторые важные дела держат меня здесь.

— Такие, как деньги, спиртное, карточная игра и Ясмин? — хмыкнув, спросил он.

— Эй, — сказал я, — ты слишком много обо мне знаешь!

— О, — весело сказал он, — все в Будайине знают об этом!

— Какой ужас, — пробормотал я.

Я снова прошел мимо жирного типа, который засел напротив японского ресторанчика, и двинулся по Улице к восточным воротам. За спиной и впереди меня кто-то насвистывал детскую песенку. Всю дорогу я шел ссутулившись, словно в любой момент мне могли всадить пулю в зад. Тем не менее я спокойно дошел до другого конца окруженного стеной квартала, и никто на меня не набросился. Я сел в машину и увидел, что у меня на хвосте повисло такси. Мне было все равно — я ехал домой.

Я крался по лестнице вверх, надеясь, что ни на кого не нарвусь, но удача снова повернулась ко мне спиной. Сначала мне попались Тарик и Юссеф. Они не сказали ни слова, но лица у них были мрачны, и ничего доброго это не предвещало. Я почувствовал себя бесполезным наследником-пьяницей,

пускающим по ветру деньги большой семьи. Когда я добрался до своей комнаты, меня в дверях встретил Кмузу.

— Хозяин дома очень, сердит, ***йа Сиди***, — сказал он.

Я кивнул. Этого я и ожидал.

— Что ты ему сказал?

— Я сказал, что ты рано встал и ушел. Я сказал хозяину дома, что не знаю куда.

Я облегченно вздохнул.

— Хорошо, когда снова будешь говорить с Папой, скажи ему, что я ушел с Жаком, чтобы посмотреть, как идут дела с нашим проектом цифровой связи.

— Но это же ложь, ***йа Сиди***. Я знаю, где ты был.

Мне стало любопытно, как он об этом узнал.

Может, жирный чернокожий, который висел у меня на хвосте, работал вовсе не на плохих парней?

— Разве ты не можешь чуть-чуть приврать? Разок? Ради меня?

Он сурово посмотрел мне в глаза.

— Я христианин, ***йа Сиди***, — только и сказал он.

— Все равно, спасибо, — сказал я и протиснулся мимо него в ванную.

Я долго стоял под горячим душем, чтобы тугие струи промассировали мою гудящую шею и плечи. Я вымыл голову, побрился, постриг бородку. Мне стало получше, хотя я и спал всего несколько часов. Я долго рылся в своем гардеробе, решая, что лучше надеть для встречи с имамом. Из некоего упрямства я выбрал консервативный деловой костюм голубого цвета. Я теперь почти не носил европейской одежды и, даже когда мне приходилось это делать, я избегал деловых костюмов. Кмузу пришлось повязать мне галстук — я не знал, как это делается, и упорно Не хотел этому учиться.

— Может, поешь, ***йа Сиди***! — спросил он.

Я посмотрел на часы.

— Спасибо, Кмузу, но у меня почти не осталось времени. Не будешь ли так любезен отвезти меня?

— Конечно, ***йа Сиди***.

Почему-то я вовсе не боялся встретиться лицом к лицу с доктором Садиком Абд ар-Раззаком, имамом самой, большой церкви в городе и одним из передовых церковных мыслителей. Это было хорошо, потому что, готовясь к встрече, мне не пришлось глотать таблетки и капсулы. Трезвый, в здравом уме, я имел шанс выйти от имама с головой на плечах.

Кмузу припарковался рядом с другой машиной на улице у западной стены мечети, а я побежал под дождем по стертым гранитным ступеням. Я сбросил ботинки и углубился в темноту

комнат, ассиметрично располагавшихся под высокими сводчатыми потолками. В одной из комнат с колоннами учителя в традиционных одеждах преподавали религиозную мудрость группе серьезных мальчиков. В других молились поодиночке или небольшими компаниями. Я прошел через длинную холодную колоннаду в заднюю часть мечети, где была приемная имама.

Сначала я поговорил с секретарем, который сказал мне, что доктор Садик Абд ар-Раззак примет меня чуть попозже. Он пригласил меня подождать в маленькой комнате для посетителей. Одно из ее окошек выходило во внутренний дворик, но стекло было таким мутным, что я едва мог видеть сквозь него. Эта комната напомнила мне о тех визитах к Фридландер-Бею, когда я еще не жил в его доме. Мне всегда приходилось просиживать штаны в приемных вроде этой. Я не понимал — может, это у богатых и сильных просто развлечение такое?

После получасового ожидания секретарь открыл дверь и сказал, что сейчас имам меня примет. Я встал, глубоко вздохнул, одернул костюм и пошел вслед за секретарем. Он открыл тяжелые, украшенные затейливой резьбой деревянные двери, и я вошел внутрь.

Доктор Садик Абд ар-Раззак поставил свой огромный стол в самом темном углу комнаты, и, когда он сидел там в мягком кожаном кресле, я почти не видел его лица. На столе у него стояла лампа под зеленым абажуром, но когда я сел по его знаку, лицо имама снова растворилось в неразличимой тьме.

Я ждал, что он заговорит первым. Немного повозился в кресле, повертел головой, глядя по сторонам, — повсюду на полках вплоть до потолка были одни только книги. В комнате стоял особенный запах старой пожелтевшей бумаги, сигарного дыма и хвойного чистящего средства.

Он некоторое время смотрел на меня. Затем наклонился вперед, и лампа осветила нижнюю часть его лица.

— Мсье Одран, — сказал он скрипучим старческим голосом.

— Да, о мудрый.

— Ты оспариваешь свидетельства, которые говорят, что вы с Фридландер-Беем убили офицера Халида Максвелла. — Он побарабанил пальцами по голубой картонной папке.

— Да, я оспариваю их, о мудрый. Я никогда не видел убитого патрульного. Ни я, ни Фридландер-Бей не имеем к этому случаю никакого отношения.

Имам вздохнул и откинулся в кресле, исчезнув из круга света.

— Ты должен знать, что против вас есть серьезные улики. У нас есть свидетель.

Этого я еще не слышал.

— Да? И кто же это? И почему вы думаете, что ему можно верить? Потому, мсье Одран, что свидетель — лейтеант полиции. Лейтенант Хаджар.

— Сын ослицы! — воскликнул я. Затем взял себя руки. — Простите, о мудрый.

Он отмахнулся.

— Дело сводится к следующему: ваше слово против слов высокопоставленного офицера полиции. Я должен вынести свое суждение в соответствии с законами Ислама, согласно надлежащей гражданской процедуре и в меру своих малых способностей отличать правду ото лжи. Должен вас предупредить, что если вы не представите решающего доказательства вашей невиновности, то суд вне всякого сомнения решит дело не в вашу пользу.

— Я понимаю, имам Абд ар-Раззак. Нам еще горы перекапывать в поисках этого. Мы надеемся представить вам доказательство, которого будет достаточно, чтобы изменить ваше мнение.

Старик несколько раз хрипло кашлянул.

— Надеюсь, что вы это сделаете — для вашего же блага. Но будьте уверены, что в первую очередь я буду заботиться о том, чтобы правосудие свершилось.

— Да, о мудрый.

— Чтобы закончить, я хочу знать, каковы ваши непосредственные планы, равно и то, как продвигается ваше расследование?

— Вот оно. Если бы имам был так шокирован моей настойчивостью, он мог бы наложить вето на расследование, и тогда я был бы, как говорится, дюной без тени.

— О мудрый, — медленно заговорил я, — мы обратили внимание на то, что не было проведено надлежащей аутопсии тела Халида Максвелла. Я бы хотел эксгумировать тело, предоставив это городскому коронеру.

Я не мог видеть выражения лица имама, но услышал его тяжелое дыхание.

— Вы же знаете, что Аллах приказывает хоронить мертвых немедленно.

Я кивнул.

— Эксгумация дозволяется только в чрезвычайных и неотложных случаях.

Я пожал плечами.

— Смею ли напомнить вам, о мудрый, что отаутопсии могут зависеть моя жизнь и жизнь Фридландер-Бея. Я уверен, что, даже

если вы не согласитесь, на эксгумацию согласится шейх Махали.

Имам ударил по столу своей морщинистой рукой.

— Попридержи язык, мальчишка! — прошипел он. — Ты собираешься действовать через мою голову? Хорошо, в этом нет нужды. Я дозволяю эксгумацию. Но взамен я требую, чтобы доказательства были представлены не позднее чем через две недели, а не через месяц, как было заявлено раньше. Люди города больше не могут терпеть проволочек.

Он склонился над столом и взял чистый лист бумаги. Написал короткую записку и поставил свою подпись.

Абд ар-Раззак сделал наше оправдание почти невозможным. Две недели! Мне это вовсе не нравилось. Нам и двенадцати не хватило бы. Я просто встал, чуть опустил голову и сказал:

— Тогда, с вашего позволения, о мудрый, я пойду прямо к коронеру Будайина. Я не хочу более отнимать у вас время.

Я не видел его, а он больше ничего мне не сказал. Просто протянул мне лист бумаги. Я посмотрел: это был официальный приказ провести аутопсию тела Халида Максвелла до истечения двухнедельного срока.

Я еще несколько минут постоял в его темном кабинете, чувствуя себя все более и более неуютно. Наконец я подумал: «Да хрен с ним», и пошел прочь. Я торопливо прошел через обширную мечеть, обулся и сел в машину позади Кмузу.

— Отвезти тебя домой, ***йа Сиди?*** — спросил он.

— Нет, — ответил я. — В Будайин.

Он кивнул и завел мотор. Я откинулся на спинку заднего сиденья и стал думать о том, что я узнал. Хаджар заявляет, что он свидетель? Что ж, я подозревал, что сумею поколебать его показания. Как бы там ни было, я чувствовал себя не так уж плохо. Даже поздравил себя с тем, что так удачно уладил дело с Абд ар-Раззаком.

Затем я получил два телефонных звонка, которые испортили мое прекрасное, свежее настроение.

Первый звонок был насчет денег.

— Мистер Марид Одран? Это Кирк Адван из банка «Дюны».

В этом банке у меня был счет.

— Ну? — осторожно спросил я.

Мы получили чек от Фарука Гуссейна на двадцать четыре сотни киамов. На оборотной стороне стоит ваша передаточная надпись. Она, так же как и имя мистера Гуссейна, написана вашей рукой.

— Ох… Чек, который бедный Фуад передал Жаку. Жак ждал оплаты чека, затем снял двадцать четыре сотни киамов и отдал их Фуаду.

— Ну? — сказал я.

Мистер Одран, мистер Хуссейн заявил, что чек краденый. Мы не хотим возбуждать дела, но если вы не внесете двадцать четыре сотни до пяти часов завтрашнего дня, то мы вынуждены будем привлечь полицию. Вы можете посетить любое наше отделение.

— Минуточку!

Поздно. Адван повесил трубку. Я закрыл глаза и молча выругался. Что это, какой-то наезд? Фуад слишком глуп, чтобы затеять что-нибудь сложное. Не замешан ли в этом Жак? А, все равно. Я доберусь до сути, и кто бы ни был в этом виноват, он сильно пожалеет. Лучше бы ему привыкнуть дышать мелким желтым песком.

Я был разъярен. Я даже начал что-то бормотать себе под нос. Примерно через час, когда мы с Кмузу собирались перекусить в кафе «Солас», снова раздался звонок.

— Ну? — нетерпеливо сказал я.

— А, это ты, Одран.

Это был лейтенант Хаджар, очевидец преступления.

— Мне кое о чем надо поговорить с тобой, Хаджар, — резко сказал я.

— Подожди своей очереди, ***нораф***. Скажи-ка мне, не было ли у тебя назначено сегодня встречи с имамом Садиком Абд ар-Раззаком?

— Откуда ты знаешь? — сузил я глаза.

Хаджар фыркнул:

— Я много чего знаю. Короче, мне интересно услышать от тебя, как случилось так, что через час после твоего ухода секретарь снова вошел к имаму и нашел святого человека мертвым, лежащим на полу с полудюжиной отравленных стрел от игломета в груди?

Я уставился на Кмузу.

— Эй? — ласково сказал Хаджар. — Мистер подозреваемый? Не заедешь ли в участок сразу, как тебе будет удобно?

Я просто прицепил телефон к поясу. Теперь у меня оставалось две недели вместо месяца, чтобы доказать свою невиновность, да и неприятностей было больше некуда. Я сунул руку в карман, чтобы достать аптечку, — в конце концов, это был один из тех случаев, когда незаконные наркотики были предписаны определенно, но они остались в моей джеллабе.

«*Что бы предпринял в такой ситуации шейх Хассанейн*?» — спросил я себя. К несчастью, ответ был только один: *удрал бы в бескрайние пески Руб-аль-Хали*.

Может, это и не такая плохая идея…

Глава 14

Я занялся обеими главными проблемами в тот же день, что еще раз подтвердило, что я сильно повзрослел. В прежние дни я просто залег бы в своей спальне, погрузился в соннеиновый дурман и на день-два забросил бы свои проблемы, пока ситуация не превратилась бы в критическую. С тех пор я усвоил, что куда проще разобраться с неприятностями, пока еще горит желтый свет.

Прежде всего мне нужно было решить, какая проблема поджимает сильнее. Что спасать в первую очередь — свою жизнь или кредитный счет? Ладно, со своим банкиром я всегда был в хороших отношениях — особенно с тех пор, как стал Папиным младшим администратором и начал получать пухлые конверты, набитые купюрами. Я решил, что банк «Дюны» сможет подождать пару часов, а вот у лейтенанта Хаджара терпения может и не хватить.

Когда Кмузу подвез меня к полицейскому участку на улице Валида аль-Акбара, все еще моосило. Как обычно, мне пришлось пробиваться через толпу чумазых мальчишек, которые сбились вокруг меня и громко требовали свой бакшиш. Я не понимал, почему мальчишки толкутся здесь, у полицейского участка, а не у отеля «Палаццо Марка Аврелия», где живут богатые туристы. Может, они думают, что у людей, выходящих из полицейского участка или входящих в него, другие мысли на уме и они окажутся более щедрыми? Не знаю. Я просто бросил на мостовую несколько киамов, и мальчишки рванулись к деньгам. Поднимаясь по лестнице, я услышал, как один из них насвистывает детскую песенку.

Я поднялся по лестнице в стеклянный кабинет лейтенанта Хаджара в самом центре детективного отдела. Он говорил по телефону, потому я просто вошел и сел на неудобный деревянный стул рядом с его столом. Я взял пачку Хаджаровой почты и стал ее просматривать, пока он с рассерженным видом не вырвал бумаги у меня из рук. Затем он пролаял в трубку несколько слов и бросил ее.

— Одран, — низко, плотоядно протянул он.

— Лейтенант, — сказал я, — в чем дело? Он встал и походил немного.

— Ты станешь на одну голову короче гораздо раньше, чем думаешь.

Я пожал плечами:

— Из-за того, что Абд ар-Раззак на две недели урезал время,

которое нам дали для того, чтобы обелить себя?

Хаджар перестал расхаживать, повернулся ко мне, и его рожа расползлась в злобной ухмылке.

— Да нет, козел тупой, — сказал он. — Из-за того, что весь город набросится на тебя за убийство святого человека. Они с зажженными факелами вытащат тебя из постельки и разорвут на кусочки. Тебя и Фридландер-Бея. Ну, и из-за времени тоже.

Я прикрыл глаза и устало вздохнул:

— Я не убивал имама, Хаджар.

Он снова сел за стол.

— Подойдем к вопросу научно. У тебя в два часа была назначена встреча с имамом. Секретарь сказал, что ты вошел к нему около четверти третьего. Ты пробыл у него в кабинете не более пятнадцати минут. До половины четвертого никаких посетителей не было. Когда секретарь вошел к нему в половине четвертого, доктор Абд ар-Раззак был мертв.

— Целый час был для того, чтобы кто-то прошел мимо секретаря и убил этого сукиного сына, — спокойно сказал я.

Хаджар покачал головой.

— Это случай закрытой комнаты, — сказал он. — Ты не успеешь раскопать что-нибудь насчет Халида Максвелла.

Это начинало меня раздражать. Не страх, не тревога — просто раздражение.

— Ты спрашивал секретаря, не уходил ли он куда в течение этого часа? Ты спрашивал его, не видел ли он кого-нибудь еще в это время?

Хаджар покачал головой.

— А зачем? — сказал он. — Случай закрытой комнаты.

Я встал.

— Значит, ты говоришь мне, что теперь мне придется доказывать свою невиновность по двум убийствам?

— И очень резво. Мы не собираемся объявлять об убийстве имама до утра, поскольку эмир хочет, чтобы мы сначала подготовились к возможным беспорядкам. А они будут, и еще какие. Сам знаешь. И ты будешь давать показания посреди взбешенной толпы, из железной клетки, это я тебе обещаю. Если Фридландер-Бей хочет отмыться от убийства Халида Максвелла, ему придется делать это в одиночку. Через несколько дней ты будешь трупом, разве только не удерешь из города. И уж поверь мне, тебе это будет чертовски сложно сделать, потому что за тобой все время следят.

— Знаю, — сказал я. — Этот жирный черномазый.

Хаджар смутился.

— Ну, — сказал он, — он, конечно, не из лучших.

Я пошел к двери. Все эти визиты к Хаджару ничего не стоили.

— Пока, — бросил я через плечо.

— Ни за что не хотел бы сейчас оказаться в твоей шкуре. Я долго ждал этого момента, Одран. Куда ты направишься?

Я обернулся.

— О, я намеревался заскочить в офис медэксперта в Будайине. Я получил от имама разрешениена эксгумацию тела Халида Максвелла.

Он побагровел и надулся как шар.

— Что? — заорал он. — Нет! Только не на моем участке! Не позволю!

Я улыбнулся.

— Жизнь — тяжелая штука, лейтенант, — сказал я, показывая ему официальное «добро», полученное от Садика Абд ар-Раззака. Я не доверял Хаджару настолько, чтобы позволить ему прикоснуться к документу. — Это все, что мне нужно. А если дойдет до худшего, я, если придется, попрошу шейха Махали придержать тебя на коротком поводке.

— Максвелл? Эксгумация? Какого черта? — завопил Хаджар.

— Говорят, что жертвы убийства сохраняют образ своего убийцы на сетчатке глаз даже после смерти. Слышал когда-нибудь такое? Возможно, я узнаю, кто убил патрульного, ***иншалла***.

Хаджар ударил кулаком по столу.

— Это все предрассудки!

Я пожал плечами:

— Не знаю. По-моему, стоит попробовать. Пока.

Я вышел из кабинета лейтенанта, оставив его курить и пыхтеть в одиночестве.

Я сел в машину. Кмузу обернулся и спросил:

— Ты в порядке, ***йа Сиди!*** — спросил он.

— Новые неприятности, — хмыкнул я. — Тут в десяти кварталах по бульвару есть отделение банка «Дюны». Мне надо кое-кого там повидать.

— Хорошо, ***йа Сиди***.

Пока мы пробирались по забитой машинами улице, я соображал, сможет ли Хаджар и в самом деле пришить мне убийство имама. По крайней мере, у меня была возможность, да и мотив был. Достаточно ли этого, чтобы на законном основании открыть дело? При том, что я, кроме настоящего убийцы, был, вероятно, последним, кто видел живым доктора Садика Абд ар-Раззака?

Следующая мысль отрезвила меня. Хаджару и не требуется законное обвинение. Завтра утром две тысячи скорбящих

мусульман будут оплакивать жестокое убийство своего религиозного лидера. Все, что нужно сделать, — это пустить слушок о том, что во всем виноват я, и я отвечу за убийство, не успев даже предстать перед исламским судом. Мне не дадут и слова сказать в свое оправдание.

Я плюнул на дождь. После заявления Хаджара мне стало наплевать даже на двадцать четыре сот-ни киамов. Я вошел в банк и огляделся. Играла тихая музыка, в воздухе витал тонкий аромат роз. В вестибюле банка все было сделано из стекла и нержавейки. Справа за стойками сидели люди, слева стояли кассовые аппараты. Напротив меня находились столы банковских служащих. Я подошел к секретарше и подождал, пока она обратит на меня внимание.

— Могу ли я чем-нибудь помочь вам, сэр? — устало спросила она.

— Сегодня утром мне звонил мистер Кирк Адван…

— У мистера Адвана сейчас посетитель. Подождите немного, он займется вами позже.

Ох, — сказал я. Я неуклюже опустился на банкетку и склонил голову на грудь. Я снова пожалел, что при мне нет аптечки или модиков. Хорошо было бы на некоторое время удрать в чье-нибудь «я».

Наконец посетитель Адвана ушел. Я встал и пошел по ковру. Адван подписывал бумаги.

— Минуточку, — сказал он. — Садитесь.

Я сел. Мне просто хотелось поскорее покончить с этим глупым делом.

Адван закончил, поднял на меня пустой взгляд, секунду смотрел, затем одарил меня своей официальной улыбкой.

— Чем могу служить? — чарующим голосом проговорил он.

— Вы звонили мне сегодня утром. Мое имя Марид Одран. Тут какие-то сложности с чеком на двадцать четыре сотни киамов.

Улыбка исчезла с лица Адвана.

— Да, помню, — сказал он чрезвычайно холодным голосом. — Мистер Фарук Хуссейн заявил, что чек краденый. Когда чек поступил в банк, на нем были только его подпись и ваша на обороте.

— Я не крал чек, мистер Адван. Я не депонировал его.

Он кивнул:

— Конечно, сэр. Если вы так говорите. Тем не менее я сказал вам по телефону, что, если вы не оплатите чек, нам придется передать дело в суд. Боюсь, что в этом городе подобное воровство карается сурово. Очень сурово.

— Я намерен оплатить чек, — сказал я. Я сунул руку в

карман и вытащил бумажник. Там было около пяти тысяч киамов наличными. Я отсчитал двадцать четыре сотни киамов и пододвинул к нему деньги.

Адван сгреб их, пересчитал и извинился. Он встал и вышел в дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

Я ждал. Интересно, что теперь будет? Может, Адван вернется с кучей вооруженных банковских охранников? Лишит меня банкомата и кредитной карточки? Или привлечет к обвинению всех остальных служащих банка? Мне все было по фигу.

Адван вернулся к своему столу и сел, сложив руки перед собой.

— Мы рады, — сказал он, — что вы правильно решили эту проблему.

На миг повисло неловкое молчание.

— Скажите, — спросил я, — откуда мне знать, что этот чек действительно краденый? Вы просто позвонили мне по телефону, сказали, что это так, я пришел сюда и передал вам двадцать четыре сотни киамов. Вы забрали их и ушли, а когда вы вернулись, денег уже нет. Откуда мне знать, что вы не положили их на свой счет?

Он несколько секунд, моргая, пялился на меня. Затем открыл ящик стола, вынул тонкую картонную папку и просмотрел бумаги. Посмотрел мне прямо в глаза и пробормотал комкод в телефонную трубку.

— Держите, — сказал он мне, — поговорите с самим мистером Гуссейном.

Я подождал, пока на том конце отозвались.

— Алло? — сказал я.

— Алло, кто говорит?

— Меня зовут… впрочем, не имеет значения. Я звоню из отделения банка «Дюны». Ко мне неким образом попал чек на ваше имя.

— Ты его спер, — хрипло ответил Гуссейн.

— Не я, — сказал я. — Один из моих партнеров по бизнесу пытался оказать услугу своему другу и попросил меня подписать этот чек и оплатить его.

— Ты даже врать как следует не умеешь, мистер.

Я снова начал злиться.

— Слушай, приятель, — терпеливо продолжал я, — у меня есть товарищ по имени Фуад. Он сказал, что хотел купить у тебя фургон, но ты продал его…

— Фуад? — с подозрением сказал Гуссейн. А затем подробно описал мне Фуада аль-Манхуса от его грязных волос до разбитых ботинок.

— Откуда ты его знаешь? — изумленно спросил я.

— Это мой шурин, — сказал Гуссейн. — Иногда он ночует у меня. Наверное, я оставил этот чек на видном месте, а Фуад решил его стянуть. Я этому тощему ублюдку руки поотрываю!

— М-да, — сказал я, все еще не понимая, как Фуад сумел сочинить такую правдоподобную историю. Я скорее бы предпочел, чтобы меня одурачили, чем поверил бы в то, что он на это способен. — Похоже, он облапошил нас обоих.

— Ладно, я-то получу свои деньги назад. Вы оплатили чек?

Я понял, к чему он клонит.

— Да, — ответил я.

Гуссейн рассмеялся:

— Тогда пусть вам повезет вытрясти эти деньги из Фуада. У него никогда и пары киамов не было. Если он уже просадил двадцать четыре сотни, то можете о них забыть. Возможно, он уже смылся из города.

— Да, вы правы. Рад, что мы все уладили.

Я повесил трубку. Позже, когда я разделаюсь с главными своими проблемами, я разберусь и с Фуадом.

Хотя я чуть ли не восхищался тем, как он все это устроил. Он использовал против меня мою же собственную предвзятость — против него и Жака. Мы поверили ему потому, что считали его слишком тупым, чтобы обвести нас вокруг пальца. Несколько недель назад меня обдурил бедуинский жулик, а теперь еще и Фуад. Гордиться нечем.

— Сэр? — спросил Адван.

Я передал ему трубку.

— Все в порядке, я во всем разобрался, — сказал я ему. — У нас с мистером Гуссейном есть один близкий друг, который попытался подставить нас обоих.

— Да, сэр, — ответил Адван. — Банк заботитлишь то, чтобы чек был оплачен надлежащим образом.

Я встал.

— Да пошел он на хрен, ваш банк, — сказал я. Я даже подумал, не забрать ли у них все свои деньги. С одной стороны, этот банк меня весьма устраивал. С другой стороны, очень хотелось дать по морде этому сопливому Кирку Адвану.

День был длинный, а в квартире Ясмин я поспал недолго. Я начал уставать. Сев в машину, сказал себе: «Вот сейчас проверну еще одно дельце, а потом поеду в свой бар и буду сидеть за стойкой и смотреть на обнаженные женские фигурки, дергающиеся под музыку».

— Домой, ***йа Сиди?*** — спросил Кмузу.

— Нет старику мне покоя, — сказал я, закинув голову и

растирая виски. — Назад, к восточным воротам Будайина. Мне надо поговорить с медэкспертом, а потом я собираюсь посидеть несколько часов в баре у Чириги. Надо немного отдохнуть.

— Да, ***йа Сиди***.

— Пойдем со мной. Ты сам знаешь — Чирига тебе будет рада.

В зеркале заднего обзора я увидел, как сузились глаза Кмузу.

— Я подожду тебя в машине, — сурово сказал он. Ему на самом деле претило внимание Чири.

Или, может быть, нравилось и одновременно тяготило.

— Я просижу там несколько часов, — сказал я. — Вероятно, до самого закрытия.

— Тогда я поеду домой. Ты можешь вызвать меня, когда тебе будет угодно.

До бара было всего несколько минут езды по бульвару. Я вышел из машины, наклонился и попрощался с Кмузу. Постоял под теплым моросящим дождем, глядя вслед кремовому седану. Честно говоря, я не слишком торопился к медэксперту. Не особо люблю покойников.

Но именно покойников я и увидел, когда вошел в морг, что был как раз за воротами на углу Первой и Главной улицы. В городе было два морга: один, обслуживавший весь город, располагался где-то в другом месте, а этот занимался исключительно Будайином. Квартал за стенами поставлял покойников дальше некуда. Единственное, чего я не мог понять, так это почему морг располагается на восточной окраине Будайина, а кладбище — у западной стены. Наверное, было бы удобнее, если бы они оказались поближе друг к другу.

Я уже несколько раз бывал в морге. Мы с приятелями называли его «комнатой ужасов», потому что все ужасы, которые только можно себе вообразить, там имелись. Морг был тускло освещен, вентиляция там была очень плохая. Сырой горячий воздух вонял нечистотами, мертвечиной и формальдегидом. В отделении медэкспертизы было двенадцать подвалов, в которых лежали трупы, однако умерших естественной смертью, жертв несчастных случаев и погибших в результате нанесенных увечий было так много, что уже до полудня эти подвалы бывали забиты. Поступившие позже лежали штабелями на разбитом и грязном кафельном полу, дожидаясь своей очереди.

Главный медицинский эксперт и два его помощника пытались как-то регулировать этот жуткий поток. Второй великой проблемой была грязь, но ни у кого из трех сотрудников не было времени на то, чтобы протереть полы. Лейтенант Хад-жар иногда посылал сюда заключенных, но никто из них сюда особенно не рвался. Поскольку строители этих подвалов для трупов не

позаботились о стоке, приходилось каждый день убирать их вручную. Подвалы были великолепным рассадником разнообразных микробов и бактерий. Несчастные заключенные возвращались в тюрьму, подцепив какую-нибудь заразу — от туберкулеза до менингита, — с которой прекрасно справлялись в любом другом месте.

Ко мне подошел один из ассистентов. Лицо у него было измученное.

— Чем могу вам помочь? — спросил он. — Вы ищете труп или что еще?

Я инстинктивно попятился. Боялся, что он коснется меня.

— У меня разрешение от имама мечети Шима-аль на эксгумацию трупа. Это жертва убийства. Труп не подвергался официальной аутопсии.

— Эксгумация, ох-ох, — проговорил ассистент, приглашая меня следовать за собой.

Я прошел в отделанное кафелем помещение. На одном из двух металлических столов лежал труп. Его освещал свет из грязного, треснувшего потолочного окна и мерцавшие флюоресцентные лампы.

От формальдегида у меня начало резать глаза и потекло из носа. Я был рад, когда увидел, что ассистент ведет меня к добротной деревянной двери в конце прозекторской.

— Сюда, — сказал он. — Док придет через несколько минут. Он обедает.

Я втиснулся в крохотный кабинетик. Он был весь заставлен полками. На столе кучей лежали всякие папки, книги, компьютерные пузырьковые платы и Аллах ведает что еще. За столом стояло кресло, окруженное еще большими горами бумаг, книг и коробок. Я сел в кресло. Подвинуть его было некуда. Я чувствовал себя в этом темном закутке как в ловушке, но здесь, по крайней мере, было лучше, чем в предыдущей комнате.

Через некоторое время вошел медэксперт. Он глянул на меня поверх очков в толстой оправе.

Купить себе новые глаза теперь настолько просто и дешево — прямо в Будайине есть пара приличных магазинов, — что людей в очках встретишь нечасто.

— Я доктор Бешарати. Это вы пришли насчет эксгумации?

— Да, сэр, — ответил я.

Он сел. За этим бардаком на его столе я едва мог его разглядеть. Он взял с пола флейту и снова выпрямился в кресле.

— Я должен провести это через офис лейтенанта Хаджара, — сказал он.

Я уже был у него. Я получил разрешение на посмертную

эксгумацию от имама Абд ар-Раззака.

— Тогда я позвоню имаму, — сказал медэксперт и взял несколько нот на флейте.

— Имам мертв, — бесцветным голосом произнес я. — Но вы можете позвонить его секретарю.

— Извините? — ошеломленно посмотрел на меня доктор Бешарати.

— Его убили сегодня днем. После того как я вышел из его кабинета.

— Да будет с ним мир и благословение Аллаха, — сказал он. Затем что-то побормотал себе под нос. Наверное, молился. — Это ужасно. Чудовищно. Убийцу схватили?

Я покачал головой:

— Нет, еще нет.

— Чтобы его в куски разорвали! — сказал доктор Бешарати.

— Это насчет аутопсии Халида Максвелла. — Я протянул ему приказ, подписанный покойным доктором Абд ар-Раззаком.

Он положил свою флейту на пол и принялся рассматривать документ.

— Да, конечно. А зачем вам это нужно?

Я выдал ему всю историю. Почти все время, пока я рассказывал, он изумленно смотрел на меня, но когда я упомянул о Фридландер-Бее, он сразу же очнулся. Папино имя часто оказывало на людей магический эффект.

Наконец доктор Бешарати встал и протянул мне руку через стол.

— Прошу вас, передайте Фридландер-Бею мое почтение, — нервно сказал он. — Я сам прослежу за эксгумацией. Ее сделают прямо сегодня, иншалла. Что касается аутопсии, то я ее сделаю завтра к семи утра. Я хотел бы закончить до полуденной жары. Понимаете?

— Конечно, — ответил я.

— Хотите присутствовать? В смысле при аутопсии.

Я задумчиво пожевал губу.

— Сколько времени это займет?

Медэксперт пожал плечами:

— Пару часов.

Судя по репутации доктора Бешарати, он был одним из тех, кому мы с Фридландер-Беем могли доверять. И все же я хотел, чтобы он сам доказал это.

— Тогда я приду около девяти, и вы сможете дать мне отчет. Если найдете что-нибудь такое, что, по вашему мнению, мне стоит увидеть, то покажете. А в остальном — не вижу смысла толкаться у вас под ногами.

Он вышел из-за стола, взял меня за руку и повел в «комнату ужасов».

— Думаю, что вы правы, — сказал он.

Я поспешил впереди него в приемную.

— Благодарю вас за то, что вы нашли время помочь мне, — сказал я.

Он махнул рукой:

— Пустяки. В прошлом Фридландер-Бей не раз помогал мне. Возможно, завтра, когда мы покончим с Максвеллом, вы позволите провести для вас маленькую экскурсию по моим владениям?

Я уставился на него.

— Посмотрим, — наконец сказал я.

Он вынул платок и вытер нос.

— Полностью вас понимаю. Я тут работаю двадцать лет, а ненавижу это место как в первый день.

Он покачал головой.

Выйдя наружу, я принялся глотать свежий воздух, словно утопающий. Теперь мне еще сильнее хотелось выпить.

Двигаясь по Улице, я слышал вокруг себя пронзительный свист. Я улыбнулся. Мои ангелы-хранители были на страже. Стоял ранний вечер, клубы и кафе начали заполняться. Среди посетителей попадались нервные туристы, не знающие, смогут ли они остаться в живых, если просто посидят где-нибудь за пивом. Вероятно, они скоро это узнают. Но это будет суровый урок.

Когда я вошел в бар Чири, ночная смена только что приступила к работе. Мне сразу же полегчало. На сцене под сикхскую агитационную песню зажигательно танцевала Кэнди. Это была музыка такого типа, от которой мне сразу же хотелось поскорее убраться куда-нибудь.

— ***Джамбо***, мистер Босс! — приветствовала меня Чири.

На лице ее вспыхнула улыбка.

— Как дела, милашка? — ответил я. Я сел у дальнего конца стойки.

Чири смешала «Белую смерть» и принесла мне.

— Готовишься к еще одной волшебной ночке на Улице? — спросила она, шлепнув передо мной корковый поднос и устанавливая сверху стакан.

Я нахмурился.

— Ничего волшебного в этом не вижу, — ответил я. — Та же самая занудная музыка, те же безликие посетители.

Чири кивнула.

— Деньги тоже всегда те же самые, но я же не выбрасываю их из-за этого.

Я обвел взглядом клуб. Трое моих приятелей: Жак, Саид Полу-Хадж и Махмуд — сидели за столом в переднем углу и играли в карты. Это было редкое явление, поскольку Полу-Хадж не особенно любил смотреть на танцовщиц, Жак был воинствующим гетеросексуалом и едва мог говорить с первами и сексобменами, а Махмуду — насколько я его знал — вообще было все равно. Вот поэтому они большую часть своего времени просиживали в кафе «Солас» или в патио «Карготье».

Я подошел к ним, дабы приветствовать их в моем скромном заведении.

— Как дела? — спросил я, пододвигая себе стул.

— Отлично, — сказал Махмуд.

— Скажи, — спросил Жак, рассматривая свои карты, — что там за шухер был у Френчи с этой девчонкой, Теони?

Я почесал голову.

— В смысле, когда она вскочила и начала вопить? Да просто клиент, которого она так обхаживала, преподнес ей подарочек, помнишь? Когда он ушел от Френчи, она открыла сверток и нашла там детский альбом. А в нем кучу очаровательных детских фотографий и нечто вроде дневника первых месяцев жизни ребенка. Оказалось, что тот тип — отец Теони. Его жена сбежала от него вместе с дочкой, когда той было восемь месяцев от роду. Ее отец потратил много времени и денег, чтобы найти девушку.

Полу-Хадж покачал головой:

— Теони, наверное, удивилась.

— Да уж, — ответил я. — Ей стало стыдно от того, что отец увидел, где она работает. Он дал ей на чай сто киамов и пообещал вскоре вернуться. Теперь она знала, почему ему было так неудобно, когда она пыталась расшевелить его.

— А мы пытались поиграть тут в карты, Магрибинец, — сказал Махмуд. Очарователен он был, прямо как ржавая бритва. — Я слышал, что ты собираешься эксгумировать этого дохлого копа?

Меня удивило, что новости уже успели разлететься повсюду.

— Ну, и что ты об этом думаешь? — спросил я.

Махмуд твердо смотрел на меня несколько секунд.

— Да мне на это больше чем наплевать.

— Во что играете?

— В буре, — ответил Саид. — Учим христианина.

— Дорогой урок, — сказал Жак.

Буре — игра спокойная, обманчиво простая. Я не знаю другой такой игры, в которую можно так быстро проиграть столько денег. Даже в американский покер.

Я еще немного посмотрел. Все трое думать не думали об

эксгумации. Меня это порадовало.

— Кто-нибудь в последнее время видел Фуада? — спросил я.

Жак поднял на меня глаза.

— По крайней мере за последние пару дней — нет. А в чем дело?

— Чек был краденый, — сказал я.

— Ха! И тебе уже за это влетело, не так ли? Извини, Марид, я ничего об этом не знал.

— Конечно, Жак, — мрачно сказал я.

— Вы о чем, ребята? — спросил Саид.

Жак рассказал ему эту историю, растянув ее донельзя, со всякими ораторскими вывертами, приукрасив правду так, что я стал выглядеть сущим дураком. Конечно, свою собственную роль он приуменьшил.

Все трое разразились неудержимым хохотом.

— Значит, ты позволил Фуаду обдурить тебя? — еле дыша, сказал Махмуд. — Фуаду? Да ты теперь никогда от этого не отмоешься! Я всем об этом расскажу!

Я не произнес ни слова. Я понимал, что мне будут напоминать об этом, пока я не поймаю Фуада и не рассчитаюсь с ним за это дурацкое преступление. Мне теперь ничего не оставалось, как встать и пойти к своему месту у стойки. Когда я уходил, Жак сказал:

— У тебя тут уже стоит устройство цифровой связи, Марид. Заметил? И еще ты должен мне за те, что я уже продал. Сотня киамов за каждый, как ты сказал.

— Приходи с подписанными свидетельствами о доставке, — холодно сказал я. Я выжал дольку лайма в стакан и отпил немного «Белой смерти».

Чири перегнулась ко мне через стойку.

— Ты собираешься эксгумировать Халида Максвелла? — сказала она.

— Может, найду что стоящее.

Она покачала головой:

— Жуткое дело. Его семья и так уже много перенесла.

— Да, верно. — Я отхлебнул еще джина с бин-гарой.

— А что с Фуадом? — спросила она.

— Не бери в голову. Но если увидишь его, сразу же дай мне знать. Он просто задолжал мне немного денег.

Чири кивнула и пошла к бару, где уже сидел новый посетитель. Я смотрел, как Кэнди дотанцовывает последнюю песню.

На плечо мне легла чья-то рука. Я обернулся и увидел Ясмин и Пуалани.

— Как денек, любовь моя? — спросила Ясмин.

— Прекрасно. — Я чувствовал, что еще ничего не кончилось.

Пуалани усмехнулась:

— Ясмин говорит, что вы на следующей неделе поженитесь. Поздравляю!

— Что? — изумленно сказал я. — Что будет на следующей неделе? Я еще даже формального предложения не делал! Мне еще много о чем надо подумать. Мне кучу дел надо уладить. А потом надо поговорить с Индихар, с Фридландер-Беем…

— Ну да! — сказала Пуалани и поспешила прочь.

— Ты что, наврал мне сегодня утром? — спросила Ясмин. — Ты просто хотел убраться из моего дома, чтобы я не набила тебе морду, как ты того заслуживал?

— Нет! — сердито сказал я. — Я просто сказал, что вместе нам было бы неплохо. Я еще не готов назначить день и все прочее.

У Ясмин был обиженный вид.

— Ладно, — сказала она, — пока ты будешь рожать, я найду, куда пройтись и с кем встретиться. Понимаешь? Позвони мне, когда покончишь со всеми своими так называемыми проблемами.

Она пошла прочь, выпрямив спину, и села рядом с новым посетителем. Положила ему руку на колени. Я выпил еще.

Я сидел там долго, поглощая выпивку и трепясь с Чири и Лили, хорошенькой сексобменкой, которая всегда сама предлагалась мне. Около одиннадцати мой телефон зазвонил.

— Алло? — сказал я.

— Одран? Это Кеннет. Ты меня помнишь.

— А, да, зеница ока Абу Адиля, так ведь? Любимчик шейха Реда. В чем дело? У вас холостяцкая вечеринка и ты хочешь, чтобы я прислал нескольких мальчиков?

— Плевал я на тебя, Одран! Я всегда на тебя плевал!

Я был уверен, что Кеннет ненавидит меня до безумия.

— Чего звонишь? — спросил я.

— В пятницу в полдень ***чауши*** будут проводить демонстрацию по поводу жестокого убийства имама доктора Садика Абд ар-Раззака. Шейх Реда хочет, чтобы ты присутствовал, причем в форме, и чтобы ты обратился к ***чаушам*** с речью, а также познакомился со своим подразделением.

— Откуда ты знаешь об Абд ар-Раззаке? — спросил я. — Хаджар сказал, что он никому ничего не сообщит до завтрашнего утра.

— Шейх Реда не «кто-то». И ты должен это знать.

— Да, ты прав.

Кеннет помолчал.

— Шейх Реда также хочет, чтобы я передал тебе, что он резко против эксгумации Халида Максвелла. Не сочти это за угрозу, я просто передаю тебе пожелания шейха. Он сказал, что если ты будешь на стаивать на аутопсии, то заслужишь его вечную ненависть. От этого так просто не отмахиваются. Я рассмеялся:

— Кении, послушай, разве мы и так уже не смертельные враги? Мы и так ненавидим друг друга дальше некуда. И разве Фридландер-Бей и Абу Адиль уже не вцепились друг другу в глотку? Одна маленькая аутопсия вряд ли что-нибудь прибавитк нашей вражде.

— Ладно, тупой сукин сын! — отрезал Кеннет. — Я свое дело сделал, послание передал. В пятницу, в форме, на бульваре аль-Джамаль у мечети Шимааль. Тебе лучше прийти. — Он повесил трубку. Я прикрепил телефон к поясу.

Так завершился мой второй круг вокруг деревни. Я посмотрел на Чири и протянул ей стакан за следующей порцией. Началась долгая ночь.

Глава 15

Той ночью я проспал добрых четыре часа. Я был измотан до предела. Когда мой модик-будильник поднял меня в семь тридцать утра, я сел в кровати и поставил ноги на ковер. Закрыл лицо руками и сделал несколько глубоких вздохов. На самом деле мне не хотелось вставать, и я не был в настроении бросаться в битву с вражескими полками. Я посмотрел на часы — до того как Кмузу повезет меня в Будайин на встречу с медэкспертом, оставался еще час. Если я приму душ, оденусь и позавтракаю за пять минут, то смогу поспать почти до половины девятого.

Я выругался себе под нос и встал. У меня хрустнула спина. Раньше я никогда не слышал, чтобы у меня хрустело в спине. Может, я становлюсь слишком старым для того, чтобы всю ночь пить и драться? Нерадостная мысль.

Слепо спотыкаясь, я побрел в ванную и включил душ. Через пять минут я осознал, что стою неподвижно под горячей струей воды с широко открытыми глазами. Я спал стоя. Я схватил мыло, намылился и встал под кусачую воду. Вытерся, оделся в чистую белую галабейю, а поверх нее надел темно-красный балахон. Насчет завтрака мне еще предстояло решить. Я ведь, в конце концов, собирался в «комнату ужасов». Может, лучше позавтракать позже?

Кмузу посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом, одним из тех, который должен был говорить о его полной беспристрастности. На самом-то деле он явно не одобрял меня.

— Ты опять напился прошлой ночью, ***йа Сиди***, — сказал он, ставя передо мной блюдо яиц с ломтиками жареной ягнятины.

— Ты с кем-нибудь меня перепутал, Кмузу, — ответил я. Я посмотрел на еду и ощутил, как у меня забурлило в желудке. Нет уж, никакой ягнятины. Не сейчас.

Кмузу стоял за моим креслом, сложив мускулистые руки.

— Не рассердишься, если я сделаю тебе замечание, ***йа Сиди!*** — спросил он.

Что бы я ни сказал, его это не остановило бы.

— Нет. Говори, пожалуйста.

— Ты в последнее время пренебрегаешь своими религиозными обязанностями, ***йа Сиди***.

Я обернулся и посмотрел на его красивое черное лицо.

— А тебе-то что за дело? Мы разной веры, и ты сам постоянно мне об этом напоминаешь.

— Любая вера лучше, чем никакой.

Я рассмеялся:

— Не уверен. Могу назвать несколько…

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Неужели ты настолько опустился, что не считаешь нужным молиться? ***Йа Сиди***, ты заблуждаешься, ты сам это знаешь!

Я встал.

— Не твое дело, — пробормотал я себе под нос.

Я снова пошел в спальню за модиками и училками. За завтраком я не проглотил ни крошки. Своих невралок я в спальне не нашел. Пошел в гостиную, но их и там не было. Наконец я нашел их под полотенцем на столе в моем кабинете.

Я разложил маленькие пластиковые квадратики. Надо сказать, что я собрал весьма ценную коллекцию. Но с тех пор как мне модифицировали мозг, мне нужны были специальные модики. Это были модики для моей второй розетки, те, что подавляли неприятные сигналы, посылаемые в мозг телом. Те, что спасли мне жизнь в Руб-аль-Хали.

Я вставил их. Последствия были восхитительными. Мне больше не хотелось спать, не хотелось есть. Один из модиков позаботился и о моей нарастающей тревоге.

— Все в порядке, Кмузу, — весело сказал я. — Поехали. У меня сегодня много дел.

— Прекрасно, ***йа Сиди***, но как насчет того, чтобы поесть?

Я пожал плечами:

— В Эритрее голод. Отошли еду туда.

Обычно Кмузу такой юмор не понимал, потому я просто проверил ключи и вышел в коридор. Я не стал его ждать — все равно знал, что он сразу же пойдет за мной. Спустился по лестнице и подождал, пока он заведет машину и подгонит ее к двери. До Будайина мы не сказали друг другу ни слова. Он высадил меня у восточных ворот. У меня снова была куча планов, в которые Кмузу не входил, потому я отправил его домой. Я сказал ему, что позвоню, если мне надо будет куда-нибудь поехать. Иногда хорошо иметь раба.

Когда я добрался до морга, меня ждал неприятный сюрприз. Доктор Бешарати еще даже не начинал работать с трупом Халида Максвелла. Когда я вошел, он поднял на меня тусклый взгляд:

— Мистер Одран, простите, что припозднился. Прошлой ночью и с утра у нас было мало работы. Необычно для этого времени года. Обычно в жару убивают больше.

— Ох-ох, — сказал я. Я провел тут не более двух минут, а формальдегид уже начал есть мне глаза и нос. В этом случае модики совершенно не помогали.

Я смотрел, как двое ассистентов медэксперта пошли к одному из двенадцати подвалов, открыли его и вынесли оттуда тело

Халида Максвелла. Они с трудом водрузили его на один из столов. На другом уже лежал труп на ранней стадии разложения.

Доктор Бешарати стянул пару резиновых перчаток и надел другие.

— Вы когда-нибудь раньше видели, как проводят аутопсию? — спросил он. Похоже, он был в очень хорошем настроении.

— Нет, сэр, — ответил я.

Меня пробрала дрожь.

— Если вас начнет тошнить, можете выйти. — Он взял длинный черный шланг и повернул кран. — Случай тут будет особый, — сказал он, начиная обрабатывать труп Максвелла. — Он несколько недель пролежал в земле, так что информации мы получим не так много, как если бы покойник был свежий.

Труп вонял страшно, и вода из шланга тут ничем не помогала. Я задыхался. Один из ассистентов посмотрел на меня и рассмеялся.

— Это еще цветочки, — сказал он. — То ли еще будет, когда мы вскроем тело.

Доктор Бешарати пропустил его слова мимо ушей.

— Официальный полицейский рапорт гласит, что смерть произошла в результате выстрела с близкого расстояния из пистолета среднего калибра. Если бы расстояние было больше, то функционирование его нервов и мускулов прервалось бы на краткое время, и он просто оказался бы в состоянии беспомощности. Возможно, он был застрелен в упор. А это почти всегда приводит к немедленной остановке сердца. — За разговором он достал большой скальпель. — ***Бисмилла***, — прошептал он и сделал V-образный разрез от плечевых суставов к грудине и к верхней точке паха.

Когда ассистент приподнял кожу и мышечную ткань и отсек ее от скелета, я поймал себя на том, что смотрю в сторону. Затем я услышал, как затрещала вскрываемая грудная клетка. Когда они, однако, убрали ребра, грудная полость стала похожа а иллюстрацию к элементарной книжке по биологии. Это выглядело не так уж и страшно. И все же они были правы — смрад стал почти невыносимым. И не собирался в ближайшем времени ослабеть.

Доктор Бешарати взял шланг и вымыл тело еще раз. Посмотрел на меня.

— Полицейский рапорт также говорит, что курок пистолета спустили вы.

Я яростно замотал головой:

— Я даже не…

Он поднял руку.

— Я не собираюсь ни давить на вас, ни обвинять, — сказал он. — Ваша вина или невиновность удом доказаны не были. У меня на этот счет нет воего мнения. Но мне кажется, что, будь вы виновным, вы не волновались бы так насчет результатов аутопсии.

Я немного поразмыслил над этим.

— А что, похоже, что мы получим много полезной информации? — спросил я.

— Ну, как я и сказал, если бы труп не пролежал все это время в земле, мы узнали бы больше. С одной стороны, его кровь загнила. Она теперь клейкая и черная и почти бесполезна для судебной медицины. Но, к счастью, он был человеком бедным. Семья не бальзамировала его. Может, мы сможем выяснить пару фактиков.

Он снова вернулся к столу. Один из ассистентов начал вынимать внутренности — один орган за другим — из брюшной полости. Сморщившиеся глаза Халида Максвелла смотрели на меня. У него были прямые соломенного цвета волосы, непослушные и тусклые. Его кожа тоже высохла в гробу. Я думаю, ему было немногим за тридцать, но теперь у него было лицо восьмидесятилетнего старца. На миг мне показалось, что мне все это только снится.

Другой ассистент, зевнув, глянул на меня.

— Может, музыку завести? — спросил он. Потянулся назад и включил дешевую голосистему. Она начала играть какую-то хреновую сикхскую агитку, из тех, под которые танцевала на сцене Кэнди.

— Пожалуйста, не надо, — сказал я.

Ассистент пожал плечами и выключил музыку.

Другой ассистент отсекал внутренние органы, измерял их и ждал, пока доктор Бешарати отрежет от каждого по маленькому кусочку, положит в пузырек и запечатает. Остатки внутренностей просто сваливали в растущую кучу возле трупа.

Медэксперт тем не менее с особым вниманием рассмотрел сердце.

— Я тут стал приверженцем теории, — сказал он, — что выстрел из парализатора оставляет особый след при разложении сердца. Когда-нибудь, если эта теория будет в целом принята, мы сможем идентифицировать пистолет преступника, точно так же, как баллистическая лаборатория может идентифицировать пули, выпущенные из обычного пистолета.

Он разрезал сердце на тонкие кусочки, чтобы потом исследовать их внимательнее.

Я поднял брови.

— И что вам даст эта сердечная ткань?

Доктор Бешарати не поднял взгляда.

— Особый рисунок разорванных и целых клеток. В душе я уверен, что каждый парализатор оставляет свой собственный, уникальный след.

— Но пока это все же не считается свидетельством?

— Пока нет, но вскоре, надеюсь, будет. И это очень сильно облегчит работу мне, а также полиции и юридической консультации. — Доктор Бешарати выпрямился и передернул плечами. — У меня уже спина затекла, — сказал он, нахмурившись. — Ну, что ж, я готов заняться черепом.

Ассистент сделал разрез на затылке от уха до уха, сразу под волосами. Затем другой ассистент как-то нелепо потянул скальп вперед, и тот сполз на лицо трупа. Медэксперт взял маленькую электропилу. Когда он включил ее, помещение заполнил отдававшийся эхом громкий свербящий звук, от которого у меня заныли зубы. Он стал еще противнее, когда доктор стал срезать верхнюю часть черепа.

Доктор Бешарати выключил пилу и снял крышку черепа, внимательно рассмотрел ее в поисках трещин или других признаков грязной игры. Осмотрел мозг — сначала на месте, затем осторожно вынул его и положил на стол. Он разрезал мозг на тонкие кусочки, как и сердце, и поместил один кусочек в пузырек.

Несколько мгновений спустя я осознал, что аутопсия уже окончена. Я посмотрел на часы — девяносто минут я пробыл в каком-то жутком оцепенении. Доктор Бешарати забрал свои образцы и ушел из «комнаты ужасов» в дверь под аркой.

Я смотрел, как ассистенты убирают помещение. Они взяли пластиковый мешок и сгребли в него все извлеченные органы, включая мозг. Завязали мешок веревкой, запихнули его в грудную полость Максвелла, водворили на место грудную клетку и начали сшивать его крупными неряшливыми стежками. Положили на место кусок черепа, натянули на нее скальп и пришили его на затылке.

Неужели хороший человек может кончить свое существование таким механистичным, бесчувственным образом! Да уж — механистичный и бесчувственный: трое сотрудников медицинской экспертизы до обеда проводили по двенадцать или больше аутопсий.

— Вы в порядке? — спросил один из ассистентов, хитро усмехнувшись. — Вырвать не тянет?

— Я в норме. А что будет с ним? — Я показал на тело

Максвелла.

— Назад в ящик, потом в землю до полуденной молитвы. Не беспокойтесь о нем. Он ничего не почувствовал.

— Да будет с ним мир и благословение Аллаха, — сказал я. Меня снова передернуло.

— Да, — сказал ассистент. — Именно так, как вы сказали.

— Мистер Одран? — позвал доктор Бешарати.

Я обернулся и увидел его в дверях. — Идите-ка сюда, и я покажу вам то, о чем говорил.

Я пошел вслед за ним в рабочую комнату с наполовину прозрачным потолком. Света тут было побольше, но что до запаха, он был еще хуже. Стены комнаты, от пола до потолка, были заняты полками. На каждой полке в двенадцать дюймов высотой стояло по паре тысяч белых пластиковых пробирок, набитых по четыре штуки в глубину и по четыре в высоту, так что не оставалось ни дюйма свободного места. Доктор Бешарати перехватил мой взгляд.

— Я был бы рад избавиться от них, — грустно сказал он.

— А что это? — спросил я.

— Образцы. По закону мы обязаны хранить все образцы в течение десяти лет. Как срезы сердца и мозга Максвелла. Но поскольку формальдегид опасен, город не позволяет нам сжигать их, когда приходит время. И не позволит нам зарыть их или спустить в канализацию из-за угрозы заражения. Скоро у нас тут совсем не останется места. Я обвел взглядом полки в комнате.

— И что вы собираетесь делать?

Он покачал головой:

Не знаю. Может, нам придется снимать складские помещения с морозильниками. Это дело города, но городские власти всегда отвечают, что у них нет денег, чтобы привести в порядок мое учреждение. Мне кажется, что они просто забыли, что тут, внизу, есть мы.

— Я напомню эмиру о вас, когда в следующий раз увижу его.

— Да? — с надеждой сказал он. — Как бы то ни было, посмотрите на это. — Он показал мне на старый микроскоп, который, наверное, был новым в те времена, когда доктор Бешарати впервые начал мечтать о том, чтобы поступить в медицинский колледж.

Я уставился в окуляры микроскопа. Увидел несколько помеченных клеток. Это все, что я мог различить. — Что это? — спросил я.

— Срез мускульной ткани Халида Максвелла. Видите тот рисунок разложения, о котором я говорил?

Я понятия не имел, как должны были выглядеть клетки,

потому не мог судить о том, как они изменились от выстрела парализатора.

— Боюсь, что нет, — ответил я. — Должен буду положиться на ваше слово. Но вы-то его видите, правда? И если вы увидите другой образец с тем же самым рисунком, то будете ли вы готовы подтвердить, что использовалось одно и то же оружие?

— Я-то да — медленно сказал он. — Но, как я сказал, в суде мои показания не будут иметь веса.

Я снова посмотрел на него.

— Кое-что мы тут получили, — задумчиво сказал я. — Похоже это пригодится.

— Ладно, — сказал доктор Бешарати, провожая меня из «комнаты ужасов в приемную, — я надеюсь, вы сумеете воспользоваться этим и обелите свое имя. Я уделю этой работе особое внимание, сегодня же вечером у меня будут результаты. Если я еще чем-то могу помочь, немедленно свяжитесь со мной. Я тут торчу часов по двенадцать — шестнадцать, шесть дней в неделю.

Я обернулся.

— Это чересчур много для такого места, — сказал я.

Он просто пожал плечами.

— Сейчас у меня дожидаются очереди семь жертв убийства, кроме Халида Максвелла. Даже после стольких лет работы я не перестаю спрашивать себя, кем были эти бедняги, как они жили, что за жуткая история привела их на мой стол. Они для меня люди, мистер Одран. Люди. Не жмурики. И они заслуживают лучшего, что я только могу для них сделать. Для некоторых из них я — единственная надежда на правосудие. Я — их последний шанс.

— Возможно, — сказал я. — Здесь, в самом конце, их жизнь обретает какой-то смысл. Может, если вы сумеете помочь найти убийц, город сможет защитить остальных.

— Может быть, — сказал он и печально покачал головой. — Иногда нет ничего важнее справедливости.

Я поблагодарил доктора Бешарати за помощь и покинул это учреждение. У меня создалось впечатление, что в глубине души он любит свою работу, но в то же время ненавидит условия, в которых ему приходится эту работу выполнять. По дороге из Будайина мне вдруг пришло в голову, что ведь и я могу однажды кончить как Халид Максвелл и что мои внутренности так же будут валяться на столе из нержавейки, а мозг и сердце разрежут на кусочки и будут хранить в каких-нибудь пластиковых пробирочках. Я был рад даже тому, что иду в участок Хаджара — куда угодно, только бы подальше.

Идти было недалеко — из восточных ворот через бульвар аль-Джамаль, затем на юг. Участок располагался через несколько кварталов на углу улицы Валида аль-Акбара. Но мне неожиданно пришлось сделать крюк. У кромки тротуара стоял Папин черный лимузин. На тротуаре стоял Тарик и, судя по его виду, ждал меня. Выражение его физиономии у меня радости не вызвало.

— Фридландер-Бей желает поговорить с тобой, шейх Марид, — сказал он. Он открыл заднюю дверцу, и я скользнул внутрь. Я думал, что Папа будет там, но я был совсем один.

— Почему он не послал за мной Кмузу, Тарик? — спросил я.

Он лишь захлопнул дверь и обошел вокруг машины. Он сел на переднее сиденье, и мы тронулись с места. Вместо того чтобы ехать домой, Тарик повез меня в восточную часть города, через незнакомые места.

— Куда мы едем? — спросил я. Ответа не было. Ох-ох…

Я откинулся на спинку сиденья, спрашивая себя, что творится. У меня возникло жуткое, леденящее душу подозрение. Когда-то очень давно я уже ездил этим путем. Мои подозрения усилились, когда мы повернули и поехали по извилистым улочкам бедняцких окраин города. Блокирующий страх модик делал все, что мог, но тем не менее руки у меня начали потеть.

Наконец Тарик въехал на асфальтовую дорожку за бледно-зеленым бетонным зданием мотеля. Я сразу узнал его. Узнал это от руки написанное объявление: «МЕСТ НЕТ». Тарик припарковал машину и открыл мне дверь.

— Комната 19, — сказал он.

— Знаю, — ответил я. — Я помню дорогу.

В дверях комнаты 19 стоял один из Говорящих Булыжников. Он посмотрел на меня сверху вниз. Лицо его было бесстрастным. Сдвинуть с места этого гиганта я был не в силах, потому просто стоял и ждал, пока он не сочтет нужным войти вместе со мной. Наконец он фыркнул и отступил в сторону так, что я только-только сумел протиснуться внутрь.

Комната была все такой же. Со времени моего последнего посещения убранство ее не изменилось. Тогда я впервые привлек внимание Фрид-ландер-Бея и стал частью замысловатых планов старика. Старая потертая мебель, рабочий стол и кровать в европейском стиле, пара стульев с ветхой обивкой. Папа сидел за раскладным карточным столом посередине комнаты. Рядом с ним стоял другой Булыжник.

— Племянник, — сказал Папа.

Лицо его было мрачным, и в глазах не было любви.

— ***Хамдаллах ас-саламаа, йа шейх***, — сказал я. — Хвала Аллаху, ты здоров. — Я украдкой скосил глаза, выискивая путь к

бегству. Конечно же, его не было.

— ***Аллах йисаллимак***, — резко ответил он. Он пожелал мне благословения Аллаха голосом таким же бесстрастным, как звук выпущенной пули.

Говорящие Булыжники медленно встали по обеим сторонам от меня. Я посмотрел на них, затем на Папу.

— Что я такого сделал, о шейх? — прошептал я.

Я почувствовал, как руки Булыжников сжали мои плечи, хватка их становилась все жестче. Они чуть ли не ломали мои кости. Только блокиров-щик боли удерживал меня от крика. Папа встал.

— Я молил Аллаха, чтобы ты изменил свой образ жизни, племянник, — сказал он. — Скорбь мою не выразить словами. — Глаза его утратили блеск. Они были словно осколки грязного льда. И вовсе не казались скорбными.

— Что ты хочешь сказать? — спросил я.

Я прекрасно знал что.

Булыжники еще крепче стиснули мои плечи. Тот, кто был слева — Хабиб или Лябиб, я никогда не мог их различить, — отвел мою руку в сторону. Нажал на плечо и начал выворачивать руку из сустава.

— Ему должно бы быть больнее, — задумчиво сказал Фридландер-Бей. — Ну-ка, выдерните чип из его розетки. — Второй Булыжник сделал то, что было приказано, и мне стало ужас как больнее. Я подумал, что мне вообще оторвут руку. Я застонал.

— Ты знаешь, почему ты здесь, племянник? — спросил Папа, подойдя поближе и встав надо мной. Положил руку мне на щеку, мокрую от слез. А Булыжник все продолжал откручивать мою руку.

— Нет, о шейх, — молил я. Я хрипел, выдавливая слова.

— Наркотики, — просто сказал Папа. — Ты слишком часто появлялся на людях, будучи опьяненным наркотиками. Ты знаешь, как я смотрю на это. Ты презрел святое слово пророка Мухаммеда, да будет с ним мир и благословение Аллаха. Он запрещает отравлять себя. Я это запрещаю.

— Да, — сказал я. Я прекрасно понимал, что оскорбление, нанесенное ему, злит его гораздо больше, чем оскорбление, нанесенное нашей благословенной религии.

— Тебя предупреждали и раньше. Это предупреждение — последнее. Самое последнее. Если ты не изменишь свое поведение, племянник, ты прокатишься с Тариком еще раз. Но повезет он тебя не сюда. Он увезет тебя из города. В пустыню. И вернется домой один. И на сей раз у тебя не будет надежды

вернуться живым. Тарик будет не столь беспечен, как шейх Реда, хотя ты и мой правнук. У меня есть и другие правнуки.

— Да, о шейх, — тихо ответил я. Мне было очень больно. — Пожалуйста.

Он зыркнул на Булыжников. Они точас отошли от меня. Но боль не уходила. Я еще долго не отойду. Медленно, сморщившись, я встал со стула.

— Подожди немного, племянник, — сказал Фридландер-Бей. — Мы еще не кончили.

— ***Йаллах***, — выдохнул я.

— Тарик, — позвал Папа. Водитель вошел в комнату. — Тарик, дай моему племяннику оружие.

— Тарик подошел ко мне и посмотрел мне в глаза. На этот раз мне показалось, что я вижу в них намек на сострадание. Такого раньше не бывало. Он вынул игломет и вложил его мне в руку.

— Что это за пистолет, о шейх? — спросил я.

Папа нахмурил лоб.

— Это, племянник, оружие, из которого был убит имам, доктор Садик Абд ар-Раззак. С его помощью ты сможешь найти убийцу.

Я уставился на пистолет как на какой-нибудь неземной артефакт.

— Как…

— Больше у меня нет для тебя ответов.

Я встал и посмотрел прямо в глаза седому старику:

— Как ты его добыл?

Папа махнул рукой. Этого мне знать не надо было. Я должен был только найти владельца.

Я понял, что аудиенция окончена. Чаша терпения Фридландер-Бея была переполнена. Я и то, как я вел расследование, довели его.

Внезапно мне пришло в голову, что он способен и солгать мне — игломет мог не принадлежать убийце. Но, возможно, для той обширной паутины интриг, что плелась вокруг него и шейха Реда, это и не было важно. Возможно, единственной важной вещью во всем этом было то, что это оружие просто назвали оружием убийцы.

Тарик помог мне выйти из машины. Я медленно уселся сзади, прижимая к груди игломет. Перед тем как захлопнуть двери, Тарик протянул мне блокировщик боли. Я посмотрел на него, но слова не шли на язык. С благодарностью я вставил чип.

— Куда тебя отвезти, шейх Марид? — спросил Тарик, садясь в кресло водителя и включая мотор.

У меня был короткий список из трех пунктов. Сначала я думал поехать домой, забраться в постель и принять медицинскую дозу соннеина, чтобы облегчить боль в руке и плече. Но я знал, что Кмузу никогда этого не допустит. Осознав это, я решил поехать к Чири и заглотить несколько порций «Белой смерти», но, посмотрев на часы, понял, что дневная смена еще не приступила к работе. Последним, но самым неприятным местом, оставался полицейский участок Хаджара. Мне нужно было проверить одну важную улику.

— Отвези меня на улицу Валида аль-Акбара, Тарик, — сказал я. Он кивнул. До знакомой части города мы добирались по длинному, ухабистому пути. Я сидел, запрокинув голову, закрыв глаза и прислушиваясь к смутному шуму блокировщиков в голове. Я ничего не чувствовал. И мой дискомфорт, и мои эмоции шунтовала электроника.

Я, наверное, погрузился в беспокойный сон без видений. Я даже не думал о том, что буду делать, когда доберусь до места.

Мой отдых прервал Тарик.

— Приехали, — сказал он.

Он остановил машину, выскочил наружу и открыл передо мной дверь. Я быстро вышел — блокировщики боли облегчали задачу.

— Я подожду тебя здесь, шейх Марид?

— Да, — ответил я. — Долго не задержусь. О, кстати, нет ли у тебя бумаги и чего-нибудь, чем писать? Не хочу тащить туда этот игломет. Но серийный номер записать нужно.

Тарик порылся в карманах и достал бумагу и ручку. Я нацарапал номер на обороте визитки какого-то иностранца и засунул ее в карман галабейи. Затем поспешил вверх по лестнице.

Я не желал наткнуться на лейтенанта Хаджара, и потому пошел прямо в компьютерную. На сей раз женщина-сержант кивнула мне. Похоже, я становился тут привычной фигурой. Я сел за исцарапанную, грязную клавиатуру и приступил к работе. Когда компьютер сделал запрос, я прошептал: «След оружия». Просмотрел несколько меню, и наконец компьютер запросил у меня серийный номер. Я вытащил визитку и зачитал комбинацию букв и цифр.

Несколько секунд компьютер думал, затем на экране вспыхнули строчки. Игломет был зарегистрирован на имя моего приятеля, лейтенанта Хаджара собственной персоной. Я уставился в экран. Хаджар? Зачем Хаджару убивать имама?

Да потому, что Хаджар был цепным копом шейха Реда Абу Адиля. А шейх Реда думал, что он хозяин Абд ар-Раззака. Но имам совершил смертельную ошибку — он разрешил мне сделать

эксгумацию Халида Максвелла вопреки настоятельным пожеланиям Абу Адиля. У Абд ар-Раззака, возможно, еще осталось немного честности, потускневшей приверженности правде и законности, и за это Абу Адиль приказал его прикончить. Шейх Реда беспомощно смотрел на то, как его план избавиться от меня и Фридландер-Бея медленно распадается. Теперь, чтобы спасти свою задницу, ему придется доказывать, что он никак не связан со смертью Халида Максвелла.

На экране компьютера была еще информация. Я узнал, что игломет был похищен, что законно зарегистрирован он был три года назад. В файле был и адрес Хаджара, но я знал, что он давно уже недействителен. Куда интереснее, однако, был файл, в котором содержались все наказания Хаджара, все его ошибки и проступки, которые он совершил с тех пор, как появился в городе. Это был объемистый список всех обвинений, которые против него выдвигались, включая торговлю наркотиками, шантаж и вымогательство, за которые он никогда не был осужден.

Я рассмеялся, поскольку Хаджар так старался изъять всю эту информацию из своего персонального файла и городской базы данных по преступлениям. Он забыл об этой записи, и, возможно, она поможет вздернуть этого тупого сукиного сына.

Я только-только очистил экран, как раздался голос с сильным иорданским акцентом. Голос Хаджара:

— И сколько же тебе осталось до топора, Магрибинец? Все след ищешь?

Я крутанулся на стуле и улыбнулся ему:

— Все становится на свои места, Хаджар. Не думаю, что мне вообще о чем-либо следует беспокоиться.

Хаджар наклонился ко мне и прошипел сквозь зубы:

— Не о чем? Ты что, сляпал подписанное признание? И кому же ты собираешься пришить убийство? Своей мамаше?

— Я получил все, что мне нужно, из твоего компьютера. Я хотел поблагодарить тебя за то, что ты разрешил мне им воспользоваться. Ты славный малый, Хаджар.

— Что ты такое несешь?

Я пожал плечами:

— Я много что выяснил из данных по аутопсии Максвелла, но это оказалось неубедительным.

Лейтенант хмыкнул:

— Я же предупреждал тебя!

— Потому я пришел сюда и покопался кое в чем. Я забрался в городскую полицейскую библиотеку и нашел там очень интересную статью. Похоже, что появилась новая методика определения преступников по парализатору. Знаешь что-нибудь

об этом?

— Не-а. Ты ничего не сможешь определить по следу парализатора. Он не оставляет свидетельства. Ни пуль, ни иголок, ничего.

Я решил, что немножечко приврать не помешает:

— В этой статье говорится, что каждый парализатор оставляет свой индивидуальный след в клетках тела жертвы. Ты хочешь сказать, что никогда не читал об этом? Ты плохо делаешь уроки, Хаджар.

Улыбка сползла с его лица, сменившись беспокойством.

— Ты врешь!

Я рассмеялся:

— Что я знаю обо всем этом? Как я мог наврать? Я говорю тебе — я просто прочел это в вашей собственной библиотеке. Теперь я пойду к шейху Махали и попрошу еще раз эксгумировать Халида Максвелла. Медэксперт не искал следов парализатора. Думаю, он и не знал о них.

Хаджар побелел. Он схватил меня за грудки.

— Только попробуй сделать это, — прорычал он, — и каждый добрый мусульманин в городе разорвет тебя в клочья. Я тебя предупреждаю. Оставь Максвелла в покое. У тебя был шанс. Если ты до сих пор не нашел свидетеля, значит, тебе не повезло.

Я схватил его за запястье и вывернул его. Он, наконец, отцепился.

— Даже и не мечтай, — сказал я. — Ты сейчас пойдешь позвонишь Абу Адилю и передашь все, что я сказал. Мне осталось сделать только шаг для того, чтобы очистить свое имя и положить на плаху чью-то голову.

Хаджар рванулся и ударил меня по лицу.

— Ты зашел слишком далеко, Одран, — сказал он. Он был испуган. — Убирайся отсюда и болше не возвращайся. До тех пор, пока не будешь готов признаться в обоих убийствах.

Я встал и оттолкнул его.

— Да, ты прав, Хаджар, — сказал я. За последние дни я ни разу не чувствовал себя столь же хорошо. Оставив компьютерный зал, я побежал по лестнице вниз, туда, где ждал меня Тарик.

Я приказал ему отвезти меня в Будайин. Я собирался много что сделать этим утром, но пора было позавтракать, и я подумал, что заслужил еду и небольшой отдых. Прямо за восточными воротами, на Первой улице напротив морга был ресторан «У Мелула». Мелул был, как и я, магрибинцем, у него поначалу был ресторанчик неподалеку от полицейского участка. Это было излюбленное местечко копов, и дела там шли так хорошо, что он открыл еще один ресторанчик в Будайине, которым управлял его

шурин.

Я сел за маленький столик в задней части ресторана, спиной к кухне, так, чтобы видеть, кто входит. Ко мне с улыбкой подошел шурин Мелула и подал меню. Это был приземистый, коренастый человек с огромным крючковатым носом, по-берберски смуглой кожей и, если не считать жидкой бахромы темных волос над ушами, совершенно лысый.

— Меня зовут Слиман. Как ваши дела сегодня? — спросил он.

— Прекрасно, — ответил я. — Мне приходилось бывать у Мелула. И кухня мне очень понравилась.

— Счастлив слышать это, — сказал Слиман. — Я тут добавил несколько блюд Северной Африки и Среднего Востока. Надеюсь, вы их оцените.

Я несколько минут изучал меню, затем заказал большую чашку холодного йогурта, огуречный суп и жаренного на вертеле цыпленка. Пока я ждал, Слиман принес мне стакан сладкого мятного чая.

Еду подали быстро, ее было много, и она была вкусной. Я ел медленно, оценивая вкус каждого куска. В то же время я ждал телефонного звонка. Я ждал, что мне позвонит Кеннет и скажет, что, если я собираюсь провести еще одну эксгумацию, шейх Реда призовет на мою голову все муки ада.

Я поел, заплатил по счету, дал Слиману щедрые чаевые и пошел наружу. И тут я услышал, как какой-то мальчишка насвистывает детскую песенку. Я осмотрелся. После еды, со все еще включенными модиками, я не очень волновался. Я мог сам позаботиться о себе. Мне подумалось, что я должен все время это демонстрировать. И я пошел по Улице.

Вслед за первым мальчиком засвистел второй. И в его сигнале я почувствовал предостережение. Я остановился и огляделся в тревоге. Уголком глаза я уловил движение и, посмотрев в ту сторону, увидел бегущего ко мне со всех ног Хаджара.

Он поднял руку. В ней был парализатор. Он выстрелил, но лишь зацепил меня. И все равно мне пришлось пережить этот ужасный момент дезориентации, когда мое тело охватило жаром. Я упал на тротуар, содрогаясь в конвульсиях. Тело не слушалось меня. Я не мог управлять своими мускулами.

За мной на земле лежал один из мальчиков. Он не шевелился вовсе.

Глава 16

Из меня вынули блокировщики боли и положили в постель, и я отключился часа этак на двадцать четыре. Когда на следующий день я начал собирать свои рассеянные мысли, меня все еще трясло и я не мог удержать даже стакана с водой. Кмузу все время присматривал за мной, сидя в кресле у моей постели и рассказывая мне о том, что произошло.

— Ты хорошо рассмотрел того, кто в тебя стрелял, ***йа Сиди?*** — спросил он.

— Кто стрелял в меня? — изумленно сказал я. — Да Хаджар, вот кто! Прямо стоит передо мной! Разве никто больше этого не видел?

Кмузу нахмурился:

— Никто не осмелится опознать его. Похоже, только один свидетель будет говорить. Это один из тех мальчиков, что пытались предупредить тебя. Он вкратце описал преступника, но его описание почти не будет иметь значения при опознании убийцы.

— Убийцы? Значит, второй мальчик…

— Он мертв, ***йа Сиди***.

Я кивнул. Мне было очень горько. Я откинулся на подушки и закрыл глаза. У меня было много о чем подумать. А вдруг убитым мальчиком был Гази? Я надеялся, что нет.

Несколько минут спустя у меня возникла другая мысль.

— Мне не звонили, Кмузу? — спросил я. — От шейха Реда или его прихвостня Кеннета?

Кмузу покачал головой.

— Звонили Чирига и Ясмин. Твои приятели Жак и Саид даже приходили домой, но ты был не в состоянии их принять. А от шейха Реда ничего не было.

Я глубоко задумался. Я скормил Хаджару ложь о второй эксгумации, и тот среагировал как ненормальный, даже набросился на меня с парализатором, чтобы не дать мне продолжить расследование. Полагаю, он думал, что сумеет представить дело так, будто меня хватил сердечный приступ прямо на тротуаре. Беда Хаджара была в том, что он считал себя чересчур крутым. Он не сумел довести дело до конца.

Я уверен, что он передал мои планы своему боссу, шейху Реда, но на сей раз звонков с предупреждениями от Кеннета не было. Возможно, Абу Адиль знал, что я блефую. Может, он понимал, что никакой полезной информации от повторной эксгумации Халида Максвелла я не получу. Может, он просто был

настолько самоуверен, что ему было все равно.

Так закончился третий круг вокруг деревни, и на сей раз остался только один заинтересованный участник — Хаджар. В душе я был уверен, что он был виноват в обоих убийствах. Это меня не удивляло. Он убил Халида Максвелла по приказу Абу Адиля и попытался пришить убийство мне, он убил доктора Садика Абд ар-Раззака и, возможно, непреднамеренно убил невинного мальчика. Проблема была в том, что, хотя я и знал правду, у меня все еще не было ничего, что я мог бы представить в суде и сунуть Хаджару под нос.

Я даже книгу удержать в руках не мог, и потому весь день смотрел голопрограмму. Передавали погребение убитого имама, которое состоялось днем раньше, после того как он был выставлен на всеобщее обозрение в течение двадцати четырех часов. Хаджар был прав — беспорядки начались. Улицы вокруг мечети Шимааль день и ночь были забиты сотнями тысяч людей, оплакивавших имама. Некоторых из них оттеснили, и они стояли вокруг мечети, читая молитвы, и резали бритвами себе руки и лица. Толпы людей текли то в одну, то в другую сторону, несколько десятков человек убили, других затолкали или затоптали.

Все время слышались пронзительные крики с требованием отдать убийцу под суд. Я ждал, что Хаджар назовет журналистам мое имя, но лейтенант был бессилен выполнить свою угрозу. У него даже не было оружия убийства, чтобы связать подозрение с преступником. У него было только чрезвычайно шаткое случайное свидетельство. Он не представлял для меня угрозы, по крайней мере некоторое время.

Когда мне надоело смотреть передачу, я переключил головизор и стал смотреть оперу середины шестнадцатого века хиджры «Казнь Рушди». Веселее мне от этого не стало.

Вдохновение снизошло на меня как раз в тот момент, когда Кмузу принес поднос с цыпленком и овощным кускусом.

— Сдается мне, я поймал его, — сказал я. — Кмузу, не запросишь ли «Инфо» насчет телефона медэксперта и не поднесешь ли трубку к моему уху?

— Конечно, ***йа Сиди***. — Он нашел номер и пробормотал его в трубку. Затем придержал ее так, чтобы я мог говорить и слушать.

— ***Мархаба***, — сказали на том конце. Это был один из ассистентов.

— Да будет с тобой Аллах, — сказал я. — Это Марид Одран. Пару дней назад для меня делали аутопсию Халида Максвелла.

— Да, мистер Одран. Мы выслали вам результаты. Можем ли еще чем-нибудь вам помочь?

— Да. — Сердце мое заколотилось быстрее. — Меня слегка зацепило из парализатора в Будайине…

— Да, мы слышали. При этом же нападении был убит мальчик.

— Точно. Вот об этом я и хотел с вами поговорить. Вы провели аутопсию этого мальчика?

— Да.

— Теперь слушайте. Это очень важно. Не попросите ли доктора Бешарати сравнить рисунок распада клеток сердца мальчика с тем, что было у Халида Максвелла? Мне кажется, они могут совпасть.

— Хм. Это интересно. Но, понимаете ли, даже если и окажется совпадение, вам от этого пользы не будет. В смысле юстиции. Вы не…

— Я все знаю. Я просто хочу выяснить, верны ли мои собственные подозрения. Не можете ли попросить его провести сравнение поскорее? Я не преувеличиваю, когда говорю, что это касается жизни и смерти.

— Хорошо, мистер Одран. Возможно, он позвонит вам сегодня чуть позже.

— Не знаю, как и благодарить вас, — с чувством сказал я.

— Ладно, — сказал ассистент. — Как скажете.

Он повесил трубку.

Кмузу тоже.

— Прекрасная аргументация, ***йа Сиди***, — сказал он. Он почти улыбался.

— Ну, мы еще ничего не знаем. Нам придется подождать звонка доктора.

Я немного вздремнул. Проснулся я от того, что Кмузу положил мне руку на плечо.

— К тебе гость, — сказал он.

Я повернул голову и понял, что могу немного управлять своими мускулами. В гостиной раздались шаги, и вошел мой юный бедуинский друг, бен-Турки. Он сел на стул возле постели.

— ***Ас-салаам алейкум, йа шейх***, — серьезно сказал он.

Я был очень рад видеть его.

— ***Ва-алейкум ас-салаам,*** — ответил я с улыбкой. — Когда ты вернулся?

— Меньше часа назад. Я приехал сюда прямо с поля. Что случилось с тобой? Тебе лучше?

— Кое-кто стрелял в меня, но Аллах на сей раз был на моей стороне. Моему врагу придется в следующий раз целиться получше.

— Будем молиться, чтобы следующего раза не было, о

шейх, — сказал бен-Турки.

Я просто развел руками. Следующий раз будет, почти наверняка. Если не Хаджар, то еще кто-нибудь.

— Теперь скажи мне, как твоя поездка?

Бен-Турки поджал губы.

— Удачно. — Он вынул какой-то предмет из кармана и положил его на одеяло рядом с моей рукой. Я взял его своими скрюченными пальцами и поднес поближе, чтобы рассмотреть. Это был пластиковый именной жетон с надписью «Сержант аль-Бишах». Так звали того наджранского ублюдка, который избил нас с Фридландер-Беем.

Я забыл, что приказал убить этого человека. Я спокойно обрек его на смерть, и все, что осталось теперь от полицейского — этот жетон. И как я себя чувствовал? Я подождал несколько секунд, ожидая, что холодный ужас заполнит мои мысли. Но этого не произошло. Порой мы так легко относимся к смерти кого-то другого. Мне было все равно. Я чувствовал только нетерпение заняться делами.

— Хорошо, друг мой, — сказал я. — Ты получишь награду.

Бен-Турки кивнул, забирая жетон.

— Мы говорили о месте, которое будет приносить мне постоянный доход. Я приехал сюда, что бы испробовать сложности городской жизни. Думаю, я смогу тут побыть немного прежде, чем вернусь к Бани Салим.

— Мы будем рады тебе, — сказал я. — Я хочу вознаградить твое племя за их безграничное гостеприимство и доброту к нам, когда мы были брошены в Песках. Я думал построить вам поселение, возможно, возле того оазиса…

— Нет, о шейх, — сказал он. — Шейх Хассанейн никогда не принял бы такого дара. Несколько человек покинули Бани Салим и построили себе дома из бетонных блоков, и мы видим их раз или два в год, когда проходим мимо их деревень. Но большая часть племени держится старинных обычаев. Это решение шейха Хассанейна. Мы знаем о таких роскошествах, как электричество и газовые плиты, но мы — бедуины. Мы не променяем наших верблюдов на грузовики и наши шатры из козьих шкур на дома, что привяжут нас к месту.

— Я и не думал, что Бани Салим будут жить весь год в селении, — сказал я. — Но, может быть, племя захочет иметь удобные жилища, когда закончит ежегодную кочевку.

Бен-Турки улыбнулся:

— У тебя добрые намерения, но твой дар бы бы смертельным для Бани Салим.

— Как скажешь, бен-Турки.

Он встал и пожал мне руку.

— Теперь я оставляю тебя. Отдыхай, о шейх.

— Ступай с миром, племянник, — сказал я.

— Аллах йисаллимак, — сказал он и покинул комнату.

Около семи часов вечера того же дня зазвонил телефон. Кмузу поднял трубку.

— Это доктор Бешарати, — сказал я. Потом неуклюже взял трубку и поднес ее к уху. — ***Мархаба***, — сказал я.

— Мистер Одран? Вы оказались правы в своих подозрениях. Рисунок распада клеток сердца мальчика и Халида Максвелла один и тот же. Я уверен, что они были убиты из одного и того же пистолета.

Я несколько секунд в задумчивости смотрел в пространство.

— Спасибо, доктор Бешарати, — наконец сказал я.

— Конечно, это еще не доказывает, что в обоих случаях им пользовался один и тот же человек.

— Это я понимаю. Но есть шанс, что это был один и тот же. Теперь я точно знаю, что мне делать и как.

— Ладно, — сказал медэксперт, — я не знаю, что вы имеете в виду, но всеже желаю вам удачи. Да будет с вами мир.

— И с вами, — сказал я, опуская трубку. Наказывая врагов и вознаграждая друзей, я решил подумать, что бы мне такое сделать для доктора Бешарати. Он несомненно заслуживал благодарности.

Той ночью я рано отправился спать и наутро я оправился достаточно, чтобы выбраться из постели и принять душ. Кмузу хотел, чтобы я избегал всяческих усилий, но это было невозможно. Была пятница — день Шабад, — и я был должен появиться на параде ***чаушей***.

Я съел обильный завтрак и оделся в сизую форму, подаренную мне шейхом Реда. Брюки с черными лампасами были сшиты прекрасно и скроены так, чтобы заправлять их в высокие черные сапоги. Мундир со стоячим воротничком и лейтенантскими нашивками. Здесь также была высокая фуражка с черным козырьком. Полностью одевшись, я посмотрел на себя в зеркало. Мне подумалось, что сходство этой формы с нацистской не случайно.

— Как я смотрюсь, Кмузу? — спросил я.

— Это не ты, ***йа Сиди***. Определенно, это не твой стиль.

Я рассмеялся и снял фуражку.

— Ладно, — сказал я. — Абу Адиль был достаточно добр и подарил мне эту форму. Й самое меньшее, чем я могу отплатить ему, так это ради него надеть ее разок.

— Не понимаю, почему ты должен это делать. Я пожал

плечами:

— Может, ради любопытства.

— Надеюсь, хозяин дома не увидит тебя в этой одежде, ***йа Сиди***.

— Я тоже на это надеюсь. Теперь подгони машину. Парад состоится на бульваре аль-Джамаль, рядом с мечетью Шимааль. Боюсь, нам придется где-нибудь оставить машину и пройти несколько кварталов. Возле мечети толпа по-прежнему густая.

Кмузу кивнул. Он спустился по лестнице, чтобы завести «вестфаль»-седан. Я пошел вслед за ним, решив не принимать наркотиков и не брать моди-ки с собой. Я не знал в точности, во что ввязываюсь, и мне хотелось сохранить ясность мысли.

Когда мы добрались до бульвара, я просто испугался, увидев такую толпу. Кмузу начал объезжать ее по аллеям и боковым улочкам, пытаясь подъехать поближе к месту сбора ***чаушей***.

Через некоторое время нам пришлось сдаться и пройти остаток пути пешком. Мы пробивались сквозь толпу. По-моему, то, что я был в форме, немного помогало мне, но продвигались мы все равно медленно. Я увидел высокую платформу с трибуной, покрытой флагом с эмблемой ***чаушей***. Я увидел Абу Адиля и Кеннета, обоих в форме. Шейх Реда стоял и болтал с другим офицером. Он был без своих адских модиков. Меня это порадовало — я не желал иметь дела с Абу Адилем, претерпевающим свои электронные страдания.

— Кмузу, — сказал я, — я хочу попробовать залезть на платформу и поговорить с шейхом Реда. Я хочу, чтобы ты подошел сзади. Старайся держаться поблизости. Ты можешь мне понадобиться.

— Понял, ***йа Сиди***, — озабоченно сказал он. — Будь осторожен и не лезь на рожон.

— Не полезу.

Я медленно протискивался скозь толпу, пока не добрался до задних рядов ***чаушей***, стоявших на центральной полосе бульвара. Оттуда добраться до передних рядов было легче. И всю дорогу мне кивали и отдавали честь знакомые ополченцы.

Я добрался до края платформы и поднялся по трем ступенькам. Реда Абу Адиль по-прежнему не видел меня. Я подошел к нему и отдал честь. Его форма была куда более элегантна, чем моя. По-моему, пуговицы на ней были золотые, в то время как у всех прочих — бронзовые. На его воротнике вместо бронзовых полумесяцев были искривленные золотые мечи.

— Надо же! — сказал Абу Адиль, отвечая мне таким же приветствием. Вид у него был удивленный. — Вот уж не ожидал, что ты придешь.

— Я не хотел разочаровывать вас, сэр, — сказал я с улыбкой. Повернулся к его помощнику. — Ну, как дела, Кении?

Кеннет был полковником и прямо-таки любовался собой в ботфортах.

— Я же говорил тебе, чтобы ты не называл меня так, — прорычал он.

— Говорил. — Я повернулся к нему спиной. — Шейх Реда, ведь ***чауши*** — это военизированные силы Ислама. Я помню, что некогда это была группа, которая должна была очистить город от чужаков. Теперь мы с гордостью носим Символы веры. Я только что подумал — неужели Кеннет один из нас? Могу поспорить, что он христианин. Или, может быть, даже иудаист.

Кеннет схватил меня за плечо и развернул лицом к себе.

— Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, — продекламировал он, — и Мухаммед пророк Его!

Я ухмыльнулся.

— Прекрасно! У тебя это действительно здорово получается. Продолжай в том же духе.

Абу Адиль нахмурился:

— Кончайте ваши детские ссоры. Нам сегодня предстоит подумать о делах более важных. Эта наша первая публичная демонстрация. Если все пойдет как надо, мы получим сотни новобранцев, и ***чаушей*** станет вдвое больше. Вот что имеет значение.

— О, — сказал я, — вижу. А что с беднягой стариком Абд ар-Раззаком? Или это только предлог?

— Зачем ты пришел? — спросил Абу Адиль. — Если ты собираешься смеяться над нами…

— Нет, сэр, вовсе нет. Конечно, между нами есть разногласия, но мне выпала честь очистить этот город. Я пришел посмотреть на те три взвода, которыми я должен командовать.

— Хорошо, хорошо, — медленно проговорил Абу Адиль. — Прекрасно.

— Я ему не верю, — сказал Кеннет.

Абу Адиль повернулся к нему.

— Я тоже, друг мой, но тем не менее мы можем вести себя как цивилизованные люди. На нас другие смотрят.

— Попытайся на некоторое время сдержать свою злобу, Кеннет, — сказал я. — Я готов простить и забыть. По крайней мере сейчас.

Он только злобно глянул на меня и отвернулся.

Абу Адиль положил мне руку на плечо и показал на подразделение, стоявшее у платформы справа.

— Вот ваши взводы, лейтенант Одран, — сказал он. — Это

отделение аль-Хашеми. Лучшие из наших людей. Почему бы тебе не спуститься к ним и не познакомиться с твоими сержантами? Мы скоро начнем марш.

— Хорошо, — сказал я. Я спустился с платформы и прошелся перед своим подразделением. Остановился и поприветствовал трех взводных сержантов, затем прошелся по рядам, словно бы инспектируя их. Большинство людей показались мне потерявшими форму. Я подумал, что ***чауши*** не слишком хорошо смотрятся по сравнению с регулярными войсками, но они и не были предназначены для сражения с настоящей армией. ***Чауши*** нужны были для того, чтобы держать в страхе владельцев магазинов и неверных интеллектуалов.

Примерно через четверть часа Абу Адиль взял микрофон и приказал начать парад. Мое подразделение в нем не участвовало — оно не давало гражданским вмешиваться в ход парада. Несколько специально вымуштрованных взводов показали свою выправку, маршируя, поворачиваясь и выделывая артикулы деревянными винтовками.

Это продолжалось около часа под палящим солнцем, и я стал подумывать, что сделал серьезную ошибку. Я начал слабеть, у меня кружилась голова и мне захотелось сесть. Наконец последний показушный взвод встал «смирно», и Абу Адиль поднялся на трибуну. Еще полчаса он разглагольствовал перед ***чаушами*** об ужасном убийстве доктора Абд ар-Раззака и о том, как мы все должны поклясться в верности Аллаху и ***чаушам*** и не предаваться отдыху, пока жестокий убийца не будет схвачен и казнен по законам Ислама. Могу сказать, что шейх Реда завел всех людей в форме так, что те едва сдерживали ярость.

Затем он вдруг позвал меня и попросил произнести речь. Я пару секунд пялился на него, затем снова взобрался на платформу. Встал у микрофона. Абу Адиль отошел в сторону. По рядам стоявших передо мной людей в форме пробежал тревожный шепот, но за ними я видел толпу в десятки тысяч мужчин и женщин, чья сдерживаемая ярость все еще искала выхода. Я не знал, что бы мне такое сказать.

— Друзья мои, воины Аллаха, — начал я, простирая руки, чтобы показать, что слова мои относятся не только к ***чаушам***, но и к толпе. — Слишком поздно что-либо делать. Остается только мстить. — Со стороны зрителей раздался громкий крик. — Как сказал шейх Реда, у нас есть священная обязанность, которую возлагает на нас благородный Коран. Мы должны найти того, кто убил нашего святого имама, и дать ему испробовать остроту кинжалов нашего правосудия. — Я содрогнулся от странного, плотоядного воя толпы. Но я продолжал: — Это наша задача. Но

честь, вера и уважение к закону требует, чтобы мы сдерживали наш гнев, чтобы месть наша не пала на невиновного. Как же тогда нам узнать истину? Друзья мои, мои братья и сестры во Исламе, эту истину знаю я!

Эти слова заставили толпу зареветь, а сзади, где стояли Абу Адиль и Кеннет, раздался возглас удивления. Я расстегнул мундир и достал игломет, высоко подняв его над головой, чтобы видно было всем.

— Вот оружие убийцы! Вот жестокое орудие убийства имама!

Теперь крики были куда страшнее и продолжительнее. Охваченная истерикой толпа хлынула вперед, и стоявшие внизу ***чауши*** пытались удержать людей от того, чтобы они не опрокинули платформу.

— Я знаю, чье это оружие! — закричал я. — Хотите ли вы узнать об этом? Хотите ли вы узнать о том, кто хладнокровно убил доктора Садика Абд ар-Раззака? — Я подождал несколько секунд, понимая, что рев не уляжется, но держал паузу ради эффекта. Я увидел, как Кеннет рванулся ко мне, но Абу Адиль схватил его за руку. Это меня удивило.

— Оно принадлежит лейтенанту полиции Хаджару, иорданскому иммигранту, человеку, у которого в прошлом множество преступлений, и он не понес за них наказания. Я не знаю, почему он так поступил. Я не знаю, почему он лишил нас нашего имама. Я знаю только то, что он совершил злодеяние и что сейчас он сидит неподалеку отсюда в полицейском участке на улице Валида аль-Акбара в своей греховной гордости, уверенный в том, что месть людская его не коснется.

Я намеревался сказать им еще кое-что, но это было невозможно. С этого момента толпа стала страшной. Казалось, что она трясется, мечется и ползет сама по себе, голоса слились в неразборчивые крики, повсюду раздавались молитвы и проклятия. Через несколько минут я с изумлением увидел, что толпа сгруппировалась так, будто у нее появились лидеры, которые и приняли решение. Зверь толпы медленно повернулся от платформы. Он пополз на юг, по прелестному бульвару аль-Джамаль. К полицейскому участку. Зверь шел за Хаджаром.

Хаджар предвидел, как поведет себя разъяренная толпа. Он предвидел ужас ее бездумного гнева. Он ошибся лишь в том, кто станет ее жертвой.

Я с интересом наблюдал за происходящим. Через некоторое время я, наконец, отошел от микрофона. Дневной парад ***чаушей*** был закончен. Многие из людей в форме покинули ряды и присоединились к взбешенной толпе.

— Прекрасно сделано, Одран, — сказал Абу Адиль. —

Отлично сыграно.

Я посмотрел на него. Мне показалось, что он говорил совершенно искренне.

— Тебе это будет стоить одного из самых полезных наемников, — сказал я. — Расплата — сука, не так ли?

Абу Адиль только пожал плечами:

— Я уже списал Хаджара со счетов. Я могу оценить хорошую работу, даже если это работа врага. Но берегись. Не думай, что, если я поздравляю тебя, я не замышляю, как бы заставить тебя расплатиться. Все это слишком опасно для меня.

Я улыбнулся:

— Ты сам на себя навлек беду.

— Запомни, что я сказал: я заставлю тебя заплатить.

— Думаю, ты попытаешься.

Я спустился вниз с задней стороны платформы. Там стоял Кмузу. Он увел меня с бульвара от мятущейся толпы, к нашей машине.

— Пожалуйста, сними эту форму, ***йа Сиди***, — сказал Кмузу.

— Что? А домой я в исподнем поеду? — рассмеялся я.

— Хотя бы мундир. Меня от него тошнит.

Я сделал, как он просил, и бросил мундир в угол заднего сиденья.

— Ну, — потянувшись, сказал я, — и как у меня вышло?

Кмузу обернулся и одарил меня улыбкой — редкое событие.

— Здорово, ***йа Сиди***, — сказал он и снова вернулся к рулю.

Я расслабился и откинулся на сиденье. Я говорил себе, что небольшой перерыв в ходе моей жизни, вызванный вмешательством Абу Адиля, лейтенанта Хаджара и имама Абд ар-Раззака, кончился, и что теперь жизнь вернется в прежнее русло. Инцидент был исчерпан. А что до самого шейха Реда, то все планы воздать этому сукиному сыну по заслугам придется отложить на время, пока в туманном будущем Аллах не призовет к себе Фридлан-дер-Бея в свой Святой рай.

А пока мы с Папой восстановили свое доброе имя. На следующий день мы встретились с эмиром и представили ему информацию и свидетельства по убийствам Халида Максвелла, Абд ар-Раззака и лейтенанта Хаджара. Я не счел нужным излагать ему подробности внезапной смерти сержанта аль-Бишаха в Наджране и некоторые другие существенные детали. Шейх Махали приказал одному из своих заместителей снять с нас ложные обвинения и изъять всякие упоминания об убийстве Халида Максвелла из наших досье.

Я был доволен тем, как легко я вернулся к прежней жизни. Вскоре я снова сидел за клавиатурой, просматривая информацию,

касающуюся революционной партии, набиравшей силу в моей родной Мавритании. Кмузу стоял рядом и ждал, пока я его замечу. Я поднял взгляд.

— В чем дело? — спросил я.

— Хозяин дома желает говорить с тобой, ***йа Сиди***, — сказал Кмузу.

Я кивнул, не зная, чего ожидать. С Папой никогда не угадаешь — зовут тебя ради наказания или ради награды. В желудке у меня забурлило — неужели я снова вызвал его недовольство? И не ждут ли меня Говорящие Булыжники, чтобы переломать мне кости?

К счастью, оказалось, что это не тот случай. Когда я вошел в кабинет, Фридландер-Бей улыбнулся мне и показал, чтобы я сел с ним рядом.

— Я приказывал тебе найти элегантное решение наших проблем, племянник, и очень доволен тем, как ты это сделал.

— Счастлив слышать это, о шейх, — с облегчением сказал я.

— Я думаю, здесь достаточно, чтобы вознаградить тебя должным образом за все, что ты претерпел, и за ту работу, которую ты выполнил для меня.

— Я не прошу награды, о шейх, — сказал я.

— Я люблю награды, как и всякий другой, но правила хорошего тона предписывали отказаться ради проформы.

Папа пропустил мои слова мимо ушей. Он протянул мне тонкий конверт и маленькую картонную коробочку. Я вопросительно посмотрел на него.

— Прими это, племянник. Мне очень приятно подарить тебе это.

В конверте, конечно же, были деньги. Не наличными, потому что сумма была слишком велика. Это был банковский чек на четверть миллиона киамов. Я несколько секунд пялился на него, затем сглотнул и положил его на стол. Затем взял коробочку и открыл ее. Там был модик. Фридландер-Бей был против модиков из религиозных соображений, так что с его стороны это было очень необычно.

Я посмотрел на ярлычок. Модик представлял собой восстановленную версию моего любимого персонажа, детектива из романов Латфи Гада аль-Каддани. Я улыбнулся.

— Спасибо, дядя, — мягко сказал я. Модик значил для меня больше, чем куча денег. В этом была какая-то теплота, которую я не мог выразить словами.

— Я приказал сделать этот модик специально для тебя, — сказал Папа. — Надеюсь, он тебе понравится. — Он еще несколько секунд смотрел на меня. — А теперь расскажи мне о

том, как поживает наш проект цифровой связи. И еще мне нужен отчет о положении дел в Каппадокии. А в дальнейшем, поскольку лейтенант Хаджар мертв, нам надо подумать о надежной замене.

За месяцы страданий я получил одну-единственную минуту хорошего настроения. Чего еще можно желать?

Перевод Н. Некрасовой